

РУССКИЙ ФАУСТ:

Владимир Одоевский
и тайное общество
любомудров

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

ЭВАКУИРОВАТЬ ЛИ РУССКУЮ КУЛЬТУРУ ИЗ КИЕВА?

3

А МИНУВШИЙ МЕСЯЦ НАЦИОНАЛ-РАДИКАЛЫ ДВАЖДЫ нападали на здание Россотрудничества в Киеве. Первый раз это было сделано, по сути, после недвусмысленного призыва президента Украины Петра Порошенко, пафосно возвавшего с трибуны Мюнхенской конференции по безопасности всюду «запрещать российский флаг». Во время погрома в здании представительства дети репетировали театральную постановку Гоголевского «Ревизора». Была разгромлена выставка, посвященная памяти певца Федора Шаляпина (в Киеве проходила Неделя, посвященная его творчеству).

Разумеется, далеко не все сегодня на Украине разделяют подобные «погромные настроения». И даже в этой обстановке люди посещают мероприятия, организуемые в Российском центре науки и культуры. В частности, в прошлом месяце там состоялись еще и такие интересные культурные события, как фестиваль «Музыка Великого поста», лекция к 155-летию Константина Станиславского, акция «Дарите книги с любовью» и т.д. На сайте представительства фактически на каждый день что-то намечено. Программа работы, как видим, весьма насыщенная.

Кто-то спросит: а надо ли сейчас, во времена столь враждебного отношения к России со стороны нынешнего режима на Украине, поддерживать все эти еще оставшиеся культурные связи? Надо ли рекламировать, к примеру, программы обучения для иностранцев по квотам в нашей стране? Кто по ним к нам приедет? Юные необандеровцы? Может быть, дождаться лучших времен, когда работа наших дипломатов и работников культуры не будет подвергаться такой опасности, а находящиеся вне всякой политики культурные акции не будут провоцировать погромы?

Наверное, найдутся многие, кто сочтет правильным ретироваться в такой обстановке: мол, насилию мил не будешь, дождемся, пока страсти улягнутся. Однако что тогда сказать детям, которые придут на очередную театральную репетицию и увидят, что двери закрыты? ☺

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Самый русский жанр
- 08** Наступление на русскую школу
- 12** «Мягкая сила» идет в разведку
- 16** Прорыв

ИСТОРИЯ

- 18** Принуждение к миру

- 24** Шах без мата

НАСЛЕДИЕ

- 32** Провидец

- 38** На службе всему человечеству

- 46** Возвращение Алексеева

РЕПОРТАЖ

- 52** Замедля время

МУЗЕИ

- 60** Угол рая

ТРАДИЦИИ

- 66** Правильные пчелы

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

84 Александр Дюма и бутылка за 12 копеек

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Кровавая церковь

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Мария БАШМАКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ИВИНА
Марина КРУГЛЯКОВА
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Олега БОРОДИНА

Владимир Кочин:
«Круглый стол
был организован
в Государственном
музее А.С. Пушкина
не случайно»

САМЫЙ РУССКИЙ ЖАНР

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

27 ЯНВАРЯ 2018 ГОДА ВПЕРВЫЕ ОТМЕЧАЛСЯ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ РУССКОГО РОМАНСА. В ПОСЛЕДНЮЮ СУББОТУ ЯНВАРЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СОСТОЯЛСЯ ГАЛА-КОНЦЕРТ ФИНАЛИСТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ РУССКОГО РОМАНСА «РОМАНСИАДА».

«**Р**УССКИЙ РОМАНС – это пик русской культуры, и фонд «Русский мир» горд тем, что на протяжении ряда лет является партнером «Романсиады». Мы горды тем, что вместе убедили ЮНЕСКО: русский романс и «Романсиада» являются достижениями мировой культуры. Впервые «Романсиада» проходит под эгидой ЮНЕСКО!» – заявил председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, обращаясь со сцены дворца к гостям.

За два дня до гала-концерта в Москве состоялись круглый стол и пресс-конференция, участниками которых стали организаторы и лауреаты «Романсиады» разных лет, представители одноименного благотворительного фонда, а также фонда «Русский мир».

НА СТИХИ ПУШКИНА

Круглый стол прошел в Государственном музее А.С. Пушкина не случайно. Ведь на стихи именно этого великого русского поэта было написано больше всего романсов, заявил исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин. «Романс – это жанр, который объединяет всех,

Галина Преображенская, организатор и бессменный руководитель «Романсиады»

кто интересуется Россией. Ни один музыкальный жанр не способствует появлению интереса к русскому языку так, как романс. «Романсиада» – это именно общественное движение, которое базируется на любви к русскому языку и культуре. Конечно, мы рады, что в мире существует такая сплоченная группа людей, которые объединились вокруг Галины Сергеевны Преображенской», – сказал Владимир Кочин.

В свою очередь, Галина Преображенская поблагодарила фонд «Русский мир» за поддержку, отметив, что русский романс – это жанр искусства, хранящий чистоту русского языка и пропагандирующий его во всем мире. «Фонд «Русский мир» делает гигантскую работу – мы получаем там очень большой отклик. «Русский мир» – это те, с кем надо дружить и идти плечом к плечу», – сказала Преображенская.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ КОНКУРСА

Первая «Романсиада» – конкурс, в рамках которого молодые исполнители состязаются в умении исполнять русский романс, – прошла в 1997 году. Организатор и художественный руководитель конкурса, заслуженная артистка России Галина Преображенская рассказала, что целью «Романсиады» было возрождение и сохранение традиции жанра. Ведь романс многими воспринимался как устаревший жанр, а участие в конкурсе молодежи позволило открывать новые имена.

Николай Басков, Сергей Волчков, Павел Иванов, Максим Катырев, Марина Поплавская и многие другие певцы становились лауреатами конкурса. Сейчас «Романсиада» переросла в систему региональных состязаний. Отборочные конкурсы проходят как в российских городах, так и за рубежом, а завершается этот праздник музыки ежегодно финалом и торжественным гала-концертом победителей в Москве. Помимо основного конкурса проводятся детский певческий конкурс «Надежда Романсиады», фестиваль офицерского романса «Воинская Романсиада», фестиваль создателей современного романса «Авторская Романсиада», а также международный конкурс русского романса «Романсиада без границ».

В РОССИИ И В МИРЕ

Отборочные туры «Романсиады» проходят в Москве, Гатчине, Томске, Рязани, а также за границей: в Болгарии, Сан-Марино, Дании, Германии, Чехии, Казахстане и Киргизии. Одним из первых к «Романсиаде» присоединился Казахстан. Местный конкурс впервые прошел двадцать лет назад, а теперь «Казахская Романсиада» ежегодно собирает участников из Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. По словам одного из организаторов конкурса, главного редактора газеты «Южный Казахстан» Марины Лимаренко, огромный интерес к «Романсиаде» вызван стремлением жителей стран Средней Азии сохранить связь с русским языком, культурой и традициями. «Конкурс – это живое исполнение известных классических произведений, на которых многиеросли и взрослели, – сказала Лимаренко. – И это очень красивое мероприятие, где дамы блистают изящными нарядами, а молодые люди – фраками и смокингами».

«Романс – он о простом, о человеческом, о том, что переживают все люди. И главное – это понятно любому человеку, вне зависимости от его национальной принадлежности и религиозных взглядов. Мне очень обидно, что практически забыт вклад, который был внесен именно нашими композиторами и поэтами в мировую литературу и музыку. Хотелось бы поднять этот пласт – показать, что есть не только Рахманинов и Чайковский», – рассказала Лора Лаевская, организатор «Европейской Романсиады», которая проходит

в Гамбурге. Она отметила, что уже на первый конкурс, который состоялся в марте 2016 года, в Гамбург приехали 33 участника из нескольких стран. А в 2017 году состязание собрало 76 участников. Для проведения следующей «Европейской Романсиады» уже забронирован зал в недавно построенном здании гамбургской филармонии.

РУССКАЯ ПЕСНЯ НА ВОСТОКЕ

О значении искусства в популяризации культуры России в Азии рассказал солист Сеульской оперы Ли Ён Сон. Русский язык он начал изучать еще в 1988 году, будучи студентом Сеульской консерватории. «В 1988 году в Сеуле была Олимпиада. Тогда мы открыли «культурную дверь» в СССР, к нам многие приезжали с концертами. Тогда же я купил пластинку с русскими песнями. Я включил ее, и третья песня была «Из-за острова на стрежень...». И сразу ума сошел! Я не понимал слов, но я точно знал, что хочу исполнять эту песню», – вспоминает сегодня Ли Ён Сон.

Каждый год в конце января в Москву приезжают организаторы отборочных туров «Романсиады»

Затем была Московская консерватория, изучение русского языка, участие в «Романсиаде», лауреатом которой корейский певец стал с романсом «Только раз бывает в жизни встреча». А сегодня Ли Ён Сон преподает в Сеуле, учит студентов петь русские песни. По его словам, популярны в Южной Корее песни «Кони привередливые», «Миллион алых роз», а «Журавли» («Мне кажется порою, что солдаты...») сейчас – настоящий суперхит. «Русские песни очень трогают душу. И они часто больше в миноре, чем в мажоре. И наши песни – то же самое. И даже музыка в чем-то перекликается – как в песне «Степь да степь кругом», – считает Ли Ён Сон.

Популярность русского романса расстет и в Китае. За 21 год существования «Романсиады» представители Поднебесной сумели выйти в финальный тур четыре раза, а три певца стали лауреатами. Китайские лауреаты в ходе подготовки к конкурсу обучались на вокальном факультете Нижегородской государственной консерватории у Ирины Шабординой.

Освоить конкурсную программу для азиатских исполнителей нелегко, ведь только в финале необходимо исполнить три русских романса: классический, старинный и романс современного автора. Подготовка китайского исполнителя занимает несколько лет, она включает в себя как занятия музыкой и вокалом, так и изучение русского языка. «При исполнении русского романса китайскому певцу необходимо научиться демонстрировать поведенческие реакции «по-русски», – сказала Ирина Шабордина, отметив, что положение корпуса, движения головой – все имеет значение.

«Друга я никогда не забуду, если с ним подружился в Москве» – эти слова для китайского исполнителя Лю Иньлуна после участия в «Романсиаде» теперь имеют особое значение. Ведь именно групповым исполнением «Песни о Москве» участники конкурса завершили гала-концерт. «Романсиада» начала третий десяток лет своей истории. Этот конкурс не только объединяет поклонников жанра русского романса во всем мире, но и способствует популяризации русской культуры и русского языка во всем мире.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НАСТУПЛЕНИЕ НА РУССКУЮ ШКОЛУ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ЛАТВИИ ВНОВЬ БУШУЮТ НЕШУТОЧНЫЕ СТРАСТИ. ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ КАЖДЫЕ ДВЕ-ТРИ НЕДЕЛИ ВЫХОДЯТ НА УЛИЧНЫЕ АКЦИИ ПО ЗАЩИТЕ РУССКИХ ШКОЛ. В ПАРЛАМЕНТЕ ЛАТВИИ, НЕСМОТРЯ НА ПРОТЕСТЫ РУССКОЙ ОБЩИНЫ, ПРОШЛО ПЕРВОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В ПОДДЕРЖКУ ПОЛНОГО ПЕРЕВОДА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК. ЗА СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР РУССКИМ ШКОЛАМ, КОТОРЫЕ СУЩЕСТВОВАЛИ В СТРАНЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОЧТИ 230 ЛЕТ, ПРОГОЛОСОВАЛО 67 ДЕПУТАТОВ ИЗ СТА, 21 – ПРОТИВ...

3

А ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬКО Месяцев уровень русофобии в Латвии начал зашкаливать. А власти республики не перестают удивлять не только русскую общину, но и латышей. Так, в помощь бдительным гражданам Центр языка разработал специальное мобильное приложение «Друг латышско-

го языка». Скачивай на мобильный телефон и в случае обнаружения в публичных местах языковых нарушений моментально пересытай эти фото или видеодоказательства прямиком в Центр языка для оперативного реагирования... Надо сказать, что сомнительное нововведение вызвало недоумение даже среди самих латышей.

Правда, мало кто из них возмутился, познакомившись с новой трактовкой истории Саласпилсского концлагеря, из отреставрированного мемориала которого почти полностью исчезли документальные материалы и фотографии о зверствах нацизма. Для всех не посвященных отныне это – бывший немецкий воспитательно-трудовой лагерь, здесь и узников-то не сильно наказывали, а многие из них еще умудрялись и посылки продуктовые от родных получать... Ну да, убивали тоже – но не более 3 тысяч за все годы оккупации! А все, что до этого знал весь мир про Саласпилс, – советская пропаганда. И про кровь, которую брали у малолетних узников, вы тоже отныне не найдете ни слова. Исчезли упоминания и про ямы с детскими костями, хотя только в одной из них было найдено более 600 останков маленьких узников. На открытии отреставрированного мемориала присутствовали чудом выжившие бывшие малолетние узники Саласпилса, с горьким недоумением смотревшие на весь этот жуткий фарс. Слова им здесь так никто и не дал...

Организаторы митинга перед входом в Сейм Латвии – Штаб защиты русских школ и «Русский союз Латвии»

МЕТОДИК НЕТ, УЧИТЕЛЕЙ НЕ ХВАТАЕТ...

Власти Латвии уже давно говорят о необходимости единого языка для всех жителей республики и единой исторической памяти. По мнению, высказанному на пресс-конференции премьером страны Марисом Кучинскисом, переход всех школ на латышский язык обучения «будет способствовать чувству принадлежности нацменьшинств к государству»... Самых нацменьшинств, как водится в Латвии, при этом никто не спрашивал. Посол России в Латвии Евгений Лукьянов назвал грядущую реформу школьного образования «насильственной ассимиляцией». С его мнением согласны и встревоженные родители учащихся русских школ.

Накануне голосования в парламенте по школьному вопросу в соцсетях стихийно образовалась группа «Русское образование в Латвии», участники которой по призыву правозащитника Елизаветы Кривцовой начали обмениваться мнениями, рассказывая об отсутствии качественных государственных программ и методик по латышскому языку. С недавних пор этот язык детям нацменьшинств преподается по программе для латышских школьников. Для многих учащихся младших классов нововведение уже обернулось стрессами и перегрузками. Родители с ужасом говорят о том времени, когда при таком отвратительном уровне преподавания государственного языка их детям придется осваивать на нем алгебру, геометрию, физику, химию... Приведу несколько фрагментов из их высказываний:

«*Николь Олонцева*. Детский садик. Латышский два раза в неделю по 20 минут. Никаких пособий и учебников нет! По этой причине дома повторить, что учат в саду, невозможно. Все на каких-то распечатках формата А4, черно-белых. Как малыш в таком возрасте может вообще что-то усвоить без ярких книг и пособий?»

«*Инесса Тестелец*. В Латвии в природе нет методик и пособий! Дело не в плохом преподавании, а в том, что у государства вообще нет никакой базы для преподавания латышского. Как работать? Методик нет,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Надпись на плакате:
«Спасибо!
Зато я говорю
по-латышски»...

Депутат Сейма
Игорь Пименов
(«Согласие»)
призвал русских
не падать духом

материалов нет, педагогов не готовят, да и мотивации для работы в школе – нет!»

«*Ирина Шорсткина*. Латышских учителей не хватает в каждой школе, учебники ужасные – учиться по ним нельзя. Хорошего репетитора по языку не найти. Если они есть, уроки от 15 евро у хорошего учителя, и к ним не попасть. Педагогам, которые еще учат детей языку, всем за 50, а то и 75 лет. Молодых учителей нет...».

«*Karina Blagovescenska*. С учебником математики полностью на латышском языке дети не понимают ничего! Пусть бы каждый день у них был урок латышского, но другие предметы должны быть доступны русскоговорящим детям на их родном языке! А сегодня так: 1. Переведи текст! 2. Думай на своем родном языке! 3. Решай задачу! 4. Записывай по-латышски, если не можешь – по-русски! Смысл этой программы?»

О РЕБЯТАХ И ЗВЕРЯТАХ

Поплакавшись друг дружке на свою нелегкую долю, мамы и папы пошли дальше. Они выбрали на сайте парламента электронные адреса депутатов, как им думалось, из самых «кровожадных» партий Сейма. И 10 русскоязычных родителей, граждан Латвии, честно написали им на государственном языке письма о сложностях, с которыми их дети ежедневно сталкиваются даже при нынешней билингвальной модели обучения. И просили народных избранников не голосовать за непродуманную и неподготовленную школьную реформу. Псевдореформа, писали мамы, вызванная исключительно политическими мотивами, сделает из детей нацменьшинств неврастеников и недоучек, в итоге это обернется маргинализацией и криминализацией общества...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Я читала эти письма, когда они по моей просьбе были выставлены в открытом доступе. Искренние, проникновенные, пронизанные тревогой и болью родителей за будущее своих детей. Каюсь, мне казалось, после этого дрогнет хоть одно сердце депутата. Ведь они тоже мамы и папы, есть среди них бабушки и дедушки. Их самих никто никогда не заставлял учиться с первого класса на неродном языке, и вряд ли бы они желали, чтобы кто-то так поступил в отношении их собственных детей... Но не дрогнуло ни одно сердце: все 67 депутатов, как из национальных, так и вроде бы «вегетарианских» партий, проголосовали за ликвидацию билингвального образования в Латвии. Правда, некоторые из них русским мамам прислали утешительный ответ. Приведу только один, самый показательный. Это выдержки из ответа депутата из партии «Зеленых и крестьян» Ингмара Лидаки, бывшего научного сотрудника Рижского зоопарка.

«...Я не только депутат Сейма, но и педагог (с высшим образованием), и могу утверждать, что качество образования детей, у которых латышский язык неродной, в результате реформы не пострадает, если к реформе будут готовы педагоги... Если есть опасения по поводу психического здоровья детей и качества полученного образования, могу рассказать об опыте моей знакомой, которая, будучи чиновницей ЕК, вынуждена была отправить своих детей в брюссельскую школу, где учеба идет на французском языке, хотя дома говорят по-латышски. Младшие дети воспринимают смену языковой среды как игру и отличную перемену в повседневной жизни... Я благодарен советской армии, которая меня за два года выучила хорошо говорить и писать по-русски, не спрашивая, хочу я того или нет. Я убежден, что когда-нибудь Ваши дети будут так же благодарны Шадурскому (министр образования Латвии, автор и главный двигатель школьной реформы. – Прим. авт.) за то, что они обучены отлично говорить и писать по-латышски, независимо от Вашей воли. С искренним уважением, Ингмарс Лидака».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Инициатор интернет-группы родителей «Русское образование в Латвии» Ирина Смориго:
«Пора бить в колокола!»

Родители русских детей напоминают: мы тоже граждане Латвии

Интересно, рассказывая о своей знакомой чиновнице, знал ли педагог-депутат, что в Бельгии три официальных языка, и родители сами выбирают, в какой школе и на каком языке будут учиться их дети? Почему, вспоминая армейские будни, он не пишет, что до этого десять лет изучал русский язык в латышской школе как отдельный предмет – по качественной методике, разработанной учеными-лингвистами? Но помимо хорошего знания русского языка у него была

прекрасная возможность изучать на своем родном латышском языке другие науки, благодаря чему он стал позже ведущим специалистом. Почему же он лишает русских детей права учиться в школе на родном языке?

Эти же вопросы в день голосования в Сейме Латвии пытались задать депутатам сотни людей, собравшихся перед парламентом... В руках у многих участников акции были колокольчики – как напоминание о школьных годах и как символ тревоги. Было и немало плакатов с тревожными серыми фотографиями. Крупным планом – рука юной девушки с горстью таблеток на ладони, парнишка, вкалывающий себе шприцем очередную дозу, бомж с сигаретой во рту... И надпись: «Спасибо! Зато я говорю по-латышски!»

«Мы все здесь люди разных возрастов и политических взглядов. Но мы пришли сюда, чтобы показать: русские школы – это многовековое достояние Латвии, его нужно хранить и умножать, а не убивать, что хочет сделать наш парламент», – заявил в своем выступлении на митинге активист Штаба защиты русских школ Дмитрий Прокопенко.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НАС БЫЮТ, А МЫ КРЕПЧАЕМ

...Голосование в Сейме проходило под бурные протесты митингующих, крики «Позор!», «Руки прочь от русских школ!», «Нет ассимиляции!». То и дело к микрофону подходили простые женщины, в том числе и латышки, призывая политиков не стравливать народы. «Дорогие мои латыши, опомнитесь, умоляю вас, – обратилась к ним на латышском языке участница митинга, прихожанка местной церкви. – Мы хотим жить в мире и согласии с нашими соседями, они нам не сделали ничего плохого. Не гневите Бога!» Еще одна женщина, едва сдерживая слезы, рассказала, что недавно вынуждена была отправить учиться в другую страну своих двоих сыновей. В Латвии с увеличением школьных предметов на латышском языке у них начались большие проблемы с учебой, что повлияло и на их здоровье: «Почему мы, староверы, должны отправлять своих детей на учебу в другие страны? В Латвии вы не даете им учиться на родном языке. Мои сыновья сюда уже не вернутся, страна их потеряла. Ваши дети тоже уезжают из Латвии – работать в Германию или Англию. Что вы творите? В своей злобе и ненависти вы не видите будущее страны. Очнитесь, латыши!» – с отчаянным призывом обратилась к согражданам коренная гражданка Латвии.

Под конец голосования к митингующим вышел депутат от партии «Согласие» Игорь Пименов, именно он выступал в дебатах, призывая парламент отклонить законопроект. 21 голос, поданный против, принадлежал «Согласию». Депутат и председатель Латвийской ассоциации школ с русским языком обучения, взяв мегафон, поблагодарил за поддержку всех участников акции протеста. Призвал не падать духом...

Что ж, надо набраться терпения. Судя по всему, впереди долгая борьба с русофобией. Как там говорится? Нас бьют, а мы крепчаем! Следующий митинг – в марте. Будем отмечать 229-ю годовщину русской школы Латвии, будем собирать подписи родителей под обращением в ООН и ЮНЕСКО о необходимости сохранения русских школ Латвии как культурного и исторического достояния народа. ●

**КАК РУССКИХ УЧАТ
ЛАТВИЮ ЛЮБИТЬ**

Организатор движения в защиту русских школ, сопредседатель «Русского союза Латвии» Мирослав Митрофанов во время митинга следил по Интернету за происходящим в парламенте, информируя собравшихся. Экзотической вишенкой на торте стало выступление депутата от правящей партии «Единство» Хосама Абу Мери, которому однопартийцы доверили высказаться за реформу русских школ. Эмигрант ливанского происхождения, прибывший в Латвию в 1993 году и сделавший политическую карьеру, стучал в упоминии по столу, учил русских жителей Латвии, как им надо родину любить. «Я не поверю и никогда не смогу поверить тому, что спустя 27 лет с момента обретения независимости мы все еще должны дискутировать о столь фундаментальных вещах, – заявил депутат. – Я хочу напомнить многим людям в этом зале, хочу напомнить людям, стоящим снаружи, говорящим на языке другой страны: это Латвия, это независимая страна. Я хочу также напомнить, что латышский язык был, есть и будет единственным государственным языком!» Под громкие аплодисменты Абу Мери закончил свое выступление, призвав депутатов голосовать за полный перевод всех школ на государственный язык обучения.

Ну действительно, кто ж мог рассказать ливанскому эмигранту, бежавшему со своей родины, раздираемой этническими конфликтами, о том, что первая русская школа в Риге была открыта в 1789 году по указу императрицы Екатерины II. И с того времени в Латвии действовали русские школы наряду с латышскими, еврейскими и немецкими. После образования первой Латвийской Республики, в 1919 году, был принят Закон об организации школ нацменьшинств, предусматривающий право на получение образования на родном языке. В те годы в Латвии работало 127 русских основных школ и 12 средних. Русские школы не закрывали даже во время немецкой оккупации, а в советские годы не была закрыта ни одна латышская школа. Сегодня в Латвии, где проживают 37 процентов жителей, чьим родным языком является русский, осталось уже около 90 условно русских школ, где преподавание ведется по различным билингвальным моделям с использованием русского языка в той или иной пропорции. Да еще две еврейские школы, где также обучение еще проходит на русском. Парламент Латвии своим голосованием фактически вынес им смертный приговор. В результате более 50 тысяч русскоязычных детей лишатся возможности даже в младших классах учиться на родном языке.

Депутаты латвийского парламента остались глухи к требованиям русской общины Латвии

«МЯГКАЯ СИЛА» ИДЕТ В РАЗВЕДКУ

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ДЕРЗКУЮ ИДЕЮ – ВЫРАБОТАТЬ «ДОРОЖНУЮ КАРТУ» ПРОТИВОСТОЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ ВОЙНАМ, ТЕРРОРИЗМУ И ЭТНИЧЕСКИМ РАЗДОРАМ СИЛАМИ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ – ПРЕДПРИЯЛИ АССАМБЛЕЯ НАРОДОВ РОССИИ И ФЕДЕРАЛЬНАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ. К НИМ, КАК К АВТОРАМ ИДЕИ, ПРИМКНУЛИ ВОЛОНТЕРЫ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДИПЛОМАТЫ ИЗ АРМЕНИИ, ГРЕЦИИ, ГЕРМАНИИ, ПОЛЬШИ, ЛАТВИИ, ЛИТВЫ, ГРУЗИИ, КАЗАХСТАНА, СИРИИ, КНР И ЮЖНОЙ КОРЕИ.

НА МЕЖДУНАРОДНОЙ научно-практической конференции «Народная дипломатия. Партнерство общественных организаций», прошедшей в феврале

нынешнего года в Москве, идея подключения гражданского общества к высокому дипломатическому искусству была ключевой.

– Идея простая, – делится в интервью журналу «Русский мир.ru» один

из авторов «дорожной карты», президент Федеральной национально-культурной автономии российских немцев Генрих Мартенс. – В условиях, когда международная обстановка ухудшается, а профессиональные дипломаты или «верхи» прокладывают путь в никуда, остаются «низы» – народы. Они сегодня часто разъединены: кто гибридными, кто – информационными войнами. Однако, несмотря на хаотичность большой политики, глобализация стерла границы между народами. И это тот «зазор», который дает шанс народной дипломатии. Шанс посмотреть друг другу в глаза без посредников, услышать соседа. Причем речь не идет о народной дипломатии как об инструменте отстаивания интересов конкретных государств. Наша цель – улучшение отношений и доверия между народами. Авторы «дорожной карты» народной дипломатии утверждают, что впервые в новейших условиях после санкций и антисанкций 2014 года формат «низовой», или

Генрих Мартенс:
«Мы намерены
сосредоточиться
на поле
продвижения
русского языка
и культуры»

народной, дипломатии был опро-
бован в 2018 году на встрече рядо-
вых представителей сирийской оп-
позиции и сторонников президента
Асада в Сочи.

– Формат общения сирийских на-
родных переговорщиков дал ООН
надежду на мир в Сирии, – гово-
рит член Общественной палаты РФ
Сергей Орджоникидзе. – Инициа-
тива России перенести опыт народ-
ной дипломатии на Европу, в ООН
воспринята как сигнал появления
значимой переговорной площа-
дики, которая может удержать мир от
крайностей.

ЛЮБИТЕЛИ ПРОТИВ ПРОФИ

С ним согласился сенатор Совета
Федерации РФ Константин Косачев,
но сразу обозначил возможные
издержки появления еще одной пе-
реговорной площадки.

– Бывший германский министр
иностранных дел Ганс-Дитрих
Геншер в 90-е годы спрашивал:
«Чего мы хотим от холодной вой-
ны – перенести границы на вос-
ток или положить конец разделу
Европы?» – подчеркнул Констан-
тин Косачев. – Увы, в 2018-м мы
видим, что границы перенесены
на восток, а Европа расколота.

Константин
Косачев:
«Чего мы хотим
от народной
дипломатии –
дальнейшего
переноса границ
на восток
или положить
конец разделу
Европы?..»

Тогда чего, что называется, в су-
хом остатке мы хотим от народной
дипломатии: дальнейшего перено-
са границ на восток или прекра-
щения раздела Европы, которую
Евросоюз в 90-е годы хотел видеть
«единой от Лиссабона до Влади-
востока»?

Дипломатичную колкость уловил
посол ФРГ в России Рюдигер фон
Фрич. В ответном слове он дал по-
нять, что его «вдохновляет» то, что
понимание народной дипломатии,
которую инициируют российские
немцы, отличается от народной дип-
ломатии, которую внедрял нар-
ком иностранных дел СССР Георгий
Чичерин.

– Это была народная дипломатия
«поверх голов» стран, – заметил
Рюдигер фон Фрич, – когда СССР
«дружил» только с Интернациона-
лом, организацией, им созданной,
и игнорировал целые страны. Если
новая народная дипломатия будет
разделять принципы ОБСЕ и Хель-
синской хартии и не будет дей-
ствовать «поверх голов», то у нее не
будет тех барьеров, которые есть у
дипломатических измерений меж-
дународных отношений.

Возникшее напряжение попыта-
лись нивелировать волонтеры на-
родной дипломатии из разных
стран – Армении, Литвы, Китая. Но
после нескольких выступлений они
пришли к заключению, что их об-
щее мнение выразил глава «Реги-
ональной болгарской национально-
культурной автономии Республики
Крым» Иван Абажер.

– Наша идея – партнерство циви-
лизаций, – заявил Иван Абажер, –
а народная дипломатия – мост, по-
средник этого партнерства и лишь
потом его механизм. Мы так счита-
ем потому, что народная дипломатия
была всегда. Но в новых усло-
виях она может стать волонтерской
или гражданской дипломатией.
Раньше она была «тяжелой артил-
лерий», искусством народа, кото-
рый начинал говорить тогда, ког-
да аргументы профессионалов
были исчерпаны и диалог преры-
вался. А гражданская дипломатия
тем и ценна, что параллельна уси-
лиям профессионалов. Но без го-
сударственной поддержки многие
наши проекты и усилия останутся
на бумаге.

ТОЧКИ СОПРЯЖЕНИЯ

Участники «дипломатических посиделок» определили основные направления усилий гражданской дипломатии: противостояние терроризму, информационным и гибридным войнам, формирование отношения к миграции как к глобальному явлению или как к «Великому переселению народов».

– Наши методы противостояния – продвижение национальных языков и культур как средство обезоруживания агрессии, – говорит председатель Совета Ассамблеи народов России Светлана Смирнова. – На этих же принципах стоит созданная нами Ассамблея народов Евразии, куда вошли общественные организации 32 стран.

Примером деятельности волонтеров Ассамблеи народов Евразии Светлана Смирнова и депутат Госдумы Ильдар Гильмутдинов назвали размещение и поддержку российских олимпийцев и болельщиков в Пхёнчхане-2018. Симпатизирующие россиянам болельщики из США, КНР, Германии, Японии, благода-

ря посредничеству добровольцев из Южной Кореи, разворачивали на трибунах Игр российские флаги, а волонтеры снабжали их российскими флагами и соответствующей атрибутикой.

– Это и есть генезис народной дипломатии, – считает председатель Экспертного совета Европейского центра толерантности Валерий Энгель. – Мы отдаем себе отчет в том, что он наби-

рает обороты в условиях бездействия Совета по правам человека ООН и ОБСЕ, роста «охоты на ведьм» в мире и тотальной русофобии в Европе. ООН и ОБСЕ, как институты защиты прав человека, увы, превратились в поля словесных войн и оскорблений. Поэтому нам нужны новые экспертные площадки, где можно аргументированно доносить простые вещи: гражданское общество не является

«Дорожную карту» народной дипломатии составляли волонтеры и дипломаты из Армении, Греции, Германии, Польши, России, Латвии, Литвы, Грузии, Казахстана, Сирии, КНР, Южной Кореи – всего 12 стран

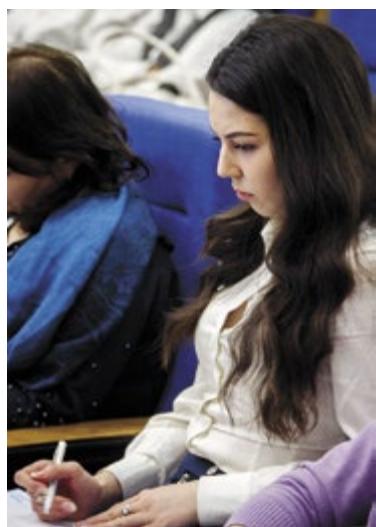

Ассамблея народов России выступила инициатором создания Ассамблеи народов Евразии, куда вошли народные дипломаты и общественные организации 32 стран

инструментом государства. Государство должно создавать необходимые условия, чтобы гражданское общество могло свободно развиваться. Энгель убежден, ближайшие инициативы народной дипломатии – противостояние угрозе уничтожения русского лингвистического меньшинства в Восточной Европе (например, Украина и страны Балтии. – **Прим. авт.**), создание частных русскоязычных школ в странах Восточной Европы под патронажем Европейского центра толерантности. – Только так удастся вернуть доверие соотечественников к России, – убежден Валерий Энгель. – Ведь соотечественники сегодня расчле-

нены катком парадов национализма в Евросоюзе и разочарованы бездействием России, которая, например, не использует разрешенную законом ЕС возможность открытия частных русских школ взамен запрещаемых бюджетных. Участники дискуссии из Латвии и Армении согласились с экспертом и, в свою очередь, говорили о том, что процесс ликвидации русскоязычных школ в странах Балтии и на Украине – это «пилотный проект». «Удастся – пойдут дальше, – считает председатель Всероссийского конгресса узбеков и узбекистанцев Ибрагим Худайбердиев. – В страны Центральной Азии. Поэтому мне, например, тоже непонятна выжидательная позиция России. Ведь на наших глазах запускается процесс размыкания опоры Русского мира».

– Все же мы намерены двигаться пошагово, – взял слово для разъяснения позиции один из авторов создания «дорожной карты» народной дипломатии, Генрих Мартенс. – Гражданские организации не должны быть молчаливыми свидетелями политических процессов, но и усугублять их – не наше поле деятельности. Мы намерены сосредоточиться на деле продвижения русского языка и культуры. В ФРГ, например, живет 4,5 миллиона русскоговорящих немцев, в Израиле – до 9 миллионов

русских евреев, а это около 15 процентов населения страны, в Греции – 1,1 миллиона русскоязычных из России и стран СНГ. Чем не «мягкая сила» продвижения интересов народной дипломатии?

Генриха Мартенса поддержал президент Федеральной национально-культурной автономии греков России Иван Саввиди. Успешным примером использования «мягкой силы» он считает то, что за последние семь лет русский язык в Греции стал вторым иностранным после английского.

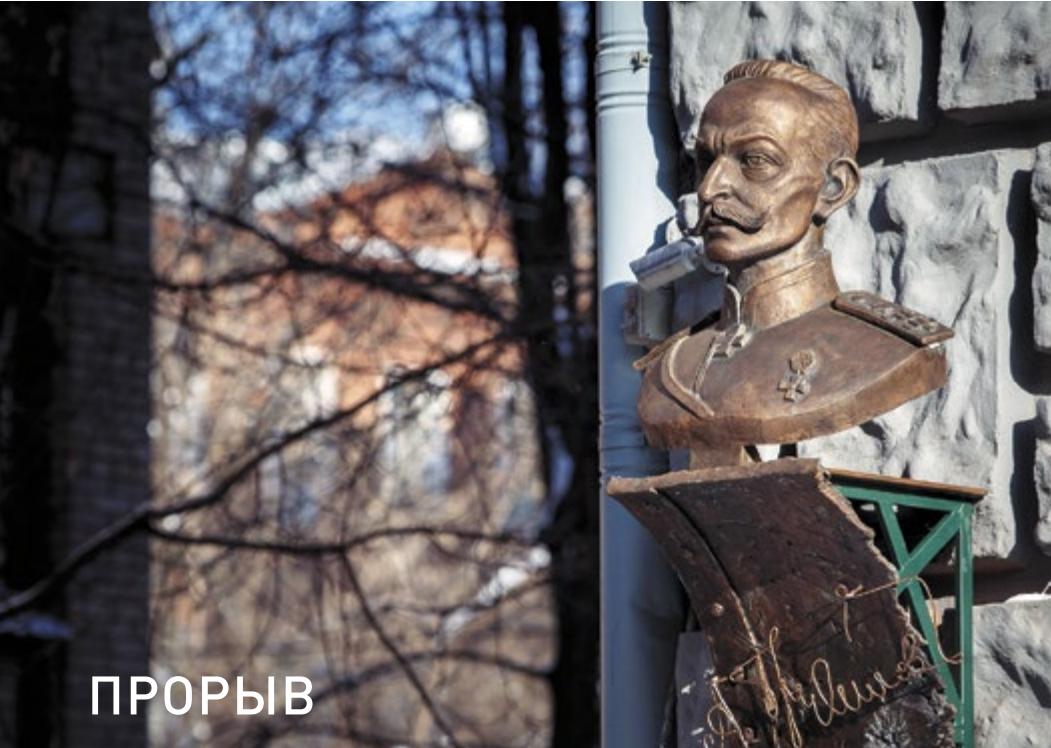
– Язык и культура – огромный и недооцениваемый нами ресурс, – считает Иван Саввиди. – Когда в университетах Салоник и Афин открывали факультеты русского языка и литературы, мы и предположить не могли, что они будут не спрятываться с наплывом желающих изучать русский язык. Университеты могут набрать для обучения 300–400 человек, а желающих – более 2 тысяч в год в каждый из университетов. Причем, что отрадно, знание разговорного русского языка при приеме на работу в Греции – конкурентное преимущество.

По такому же пути популяризации русского языка и культуры «дорожная карта» народной дипломатии намерена пойти в ФРГ, Польше и Болгарии.

СТАРТ «ДОРОЖНОЙ КАРТЫ»

А стартом «дорожной карты» может оказаться форум дружбы «Европа – Россия». Сейчас возможность его проведения обсуждают общественные организации Германии, Латвии и Польши.

По инициативе Европейского центра толерантности на форуме дружбы «Европа – Россия» в числе основных вопросов планируется обсудить возможность получения образования на русском языке представителями русскоговорящих диаспор в странах Евросоюза, а также «крымский» вопрос. Точнее, почему в нарушение Хельсинской хартии, приоритетной для ООН и ОБСЕ, в Крыму от санкций ЕС страдают не только государственные учреждения, но лишены свободы передвижения, в том числе в Европу, и 2,5 миллиона граждан республики? И что для снятия этой «блокады» с граждан Крыма может сделать народная дипломатия?

ПРОРЫВ

АВТОР

МИХАИЛ ФАДИЧЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

21 ФЕВРАЛЯ 2018 ГОДА В МОСКВЕ ПРОИЗОШЛО УНИКАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ. В ПЕРВЫЕ В СТОЛИЦЕ В БРОНZE «ПОМЯНУЛИ» ОДНОГО ИЗ ГЕРОЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

В 2014 ГОДУ, КОГДА ВСЕ кому не лень вспоминали «забытую войну», чередом шли всяческие конференции, заседали комитеты, открывались выставки и кое-где устанавливались монументы. Фундаментального киноэпоса создать, правда, не удалось. Ну да, может, оно и к лучшему. Уж больно эти эпосы в последнее время не в кассу. И в переносном, и в прямом смысле слова. Отгремела дата, и казалось, более вспоминать не о чем. Однако не все живут от юбилея к юбилею. Например, скульптор Денис Петров.

Кто не слышал словосочетания «Брусиловский прорыв»? Можно спорить о правомочности этого термина, но бессмысленно оспаривать его существование. Этим термином обозначена одна из самых известных битв в мировой истории, которая случилась летом 1916 года. Современники именовали ее иначе – Луцкий прорыв. Но «Луцкий» как-то не прижилось. При-

жилось – «Брусиловский», по фамилии главнокомандующего Юго-Западным фронтом Алексея Брусилова, чьи армии и провели блестательное наступление в Галиции и на Волыни, вошедшее во все военные учебники по стратегии.

О проигранных войнах в странах, потерпевших поражение, вспоминать не любят. Но Первую мировую за Россию проиграли не солдаты и генералы, а политики и революционеры.

Автор бюста – скульптор
Денис Петров

На церемонии открытия бюста генерала Брусилова выступил посол Сирийской Арабской Республики в России Риад Хаддад

Может быть, поэтому революционеры, превратившиеся в политиков, на протяжении десятилетий делали все, чтобы память о Великой войне сошла на нет. Вымарывались из истории подвиги и герои, будто не было ни тех, ни других.

Но времена, как известно, лечит. От исторической амнезии тоже. В Мансуровском переулке Москвы, там, где находится пресловутая «золотая миля», на Пречистенке, стоит дом. Сейчас в нем располагается посольство Сирийской Арабской Республики. А сто лет назад здесь жил генерал от кавалерии Алексей Брусилов. В этом доме он и с жизнью простился в 1926 году. В этом доме получил единственное за всю военную карьеру ранение. В 1917-м, когда Москву трясло от взрывов и стрельбы во время большевистского переворота. Артиллерийский снаряд залетел в квартиру во время обстрела «красными батареями» юнкерских позиций вокруг Кремля.

Кстати, о юнкерах. Помните, у Ильфа и Петрова: «...гимназиев не кончал. Окончил Пажеский корпус». Вот и Брусилов в юнкерах не значился. Пажеский корпус – было. Генеральская семья – тоже. Знать не обязательно, но любопытно. Алексей родился, когда его отцу стукнуло 64 года, а по другим данным, так все 66. Из Пажеского корпуса Брусилов мог выйти в гвардию, но, как сообщают биографы, карман не позволял, и он поступил в Тверской драгунский полк, с которым и вышел на русско-турецкую войну. Воевал славно, был трижды награж-

В 1920 году бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом в Первой мировой перешел на службу в Красную армию

ден – Святым Станиславом 3-й и 2-й степени и Святой Анной 3-й степени. Казалось бы, мелочь, но... Получить третью степень минуя четвертую – это случайностью не объяснить.

В 1883 году Брусилов был переведен на службу в Офицерскую кавалерийскую школу. Имелось в Петербурге такое высшее учебное заведение, в котором готовили эскадронных командиров. Выпускник школы граф Алексей Игнатьев вспоминал: «Суровые требования кавалерийской школы сыграли полезную роль. Постепенно среди кавалерийских начальников становилось все больше настоящих кавалеристов и все меньше людей, склонных к покою и к ожирению». Если посмотреть фотографии Брусилова или глянуть на бюст, установленный в Мансуровском переулке, все верно – склонности к покою и ожирению не наблюдается. В школе Брусилов рос от должности к должности и в 1902 году эту школу возглавил. Полководцев, как и женщин, о возрасте не спрашивают. Ну, сколько там было Наполеону на Аркольском мосту? Или Суворову под Измаилом? Или Жукову в Берлине? Брусилов возглавил школу нездолго до 50-летия. А на Первую мировую войну в качестве командующего 8-й армией Юго-Западного фронта отправился за считаные дни до 61-летия. Талант военачальника проявляется в делах. В современных иссле-

дованиях нередко можно наткнуться на заявление, будто Брусилов в 1916 году поймал фарт, и не более. Алексея Алексеевича не любят красные, потому что был царским генералом и любимчиком великого князя Николая Николаевича – младшего, обожавшего всех истинных кавалеристов. Не любят белые, потому что в 1920 году Брусилов поступил на службу к красным. Но, даже не любя, нужно быть объективными, говоря о личности такого масштаба. В должности командарма Брусилов добился многое. В самом начале войны его армия взяла 35 тысяч пленных. Осенью 1914-го в карпатских боях – 48 тысяч. В феврале 1915-го под Перемышлем – 130 тысяч. Пленные – это маневр, фланги, окружение, котлы. То есть умение и талант командующего. Умению, то есть высшему военному образованию, взяться было неоткуда. Брусилов ака-

О заслугах генерала Брусилова напомнил председатель комиссии по вопросам военного строительства и научным исследованиям в сфере безопасности Минобороны генерал Рафаэль Тимошев

демий не кончал, в чем его многие военные историки упрекают. Правда, забывают, что с 1906 года генерал был строевым. Командовал последовательно 2-й гвардейской кавалерийской дивизией, армейскими корпусами – 14-м и 12-м. А что до таланта... Это – от Бога.

План большого наступления, намеченного на лето 1916 года и получившего впоследствии название «Брусиловский прорыв», Алексей Алексеевич разрабатывал детально. Зная, что перед его фронтом глубоко эшелонированная оборона, он впервые в истории тотальных войн решился на удар пальцами, а не кулаком. Только когда 8-я армия генерала Алексея Каледина набросилась на Луцк, австрийцы и немцы поняли, где ж оно – направление главного удара. Но понять – не значит предотвратить. Луцкий прорыв – это стратегический перелом в Первой мировой войне. Не человеческими потерями, не отвоеванными сотнями километров измеряется его значимость. Результат всей войны – это в большой мере результат наступления Юго-Западного фронта в Галиции и на Волыни в 1916 году.

Потом наступило время сомнений, ошибок, метаний. Мы живем, слава богу, в таком мире, в котором можно говорить о великих людях правду. И хорошее, и плохое. Даже о грехах Пушкина. О грехах Алексея Брусилова – и подавно. Тем интереснее и полезнее. Важно – говорить. О грехах и подвигах, о поражениях и победах. Скульптор Денис Петров сказал. И его слово можно лицезреть. И цветами украсить.

Потомок генерала Алексея Брусилов

ПРИНУЖДЕНИЕ К МИРУ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ЧЕРНИЛА НА БУМАГЕ ВЫСОХЛИ БЛИЖЕ К ШЕСТИ ПОПОЛУДНИ 3 МАРТА 1918 ГОДА. В БЕЛОМ ДВОРЦЕ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ, БЫВШЕМ ОФИЦЕРСКОМ СОБРАНИИ ГАРНИЗОНА, А ЕЩЕ РАНЕЕ – МОНАСТЫРСКОМ СОБОРЕ, НИ ПЕЧАЛЬ, НИ РАДОСТЬ В ГЛАЗА НЕ БРОСАЛИСЬ. ПРИСУТСТВУЮЩИЕ В НЕБОЛЬШОЙ ЗАЛЕ ВЫГЛЯДЕЛИ СТРОГО И ДЕЛОВИТО. РАССКАЗЫВАЛИ, ЧТО ТОЛЬКО ВСЕГДА ЭПАТАЖНЫЙ ТОВАРИЩ ТРОЦКИЙ ПЕРЕД УХОДОМ РАЗМАШИСТО НАБРОСАЛ НА СТЕНЕ: «НИ МИРА, НИ ВОЙНЫ».

НО ЭТО ТОЛЬКО РАССКАЗЫВАЛИ. Длугая легенда, не более. Народный комиссар по иностранным делам Лейба Давидовича Бронштейн, более известный как Лев Троцкий, на последний и самый сомнительный этап мирных переговоров с немецкой, австрийской, болгарской и турецкой делегациями в Брест-Литовске приехать не сподобился. Потомки главнокомандующего Восточным фронтом век назад генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского не склонны предавать огласке его дневники. Начальник штаба того же Восточного фронта генерал-майор Максимилиан Хоффман (Гофман) состоявшуюся в Белом дворце процедуру описал в ме-

муарах крайне скромно. Представители советской стороны – а их было четверо плюс восемь помощников да советников – вспоминать о тех событиях склонны не были. Тем более публично. Да и как? Глава делегации Григорий Сокольников, он же Гирш Бриллиант, горел на партийной работе и государственной службе вплоть до ареста в 1936 году и 10-летнего срока, который досидеть не удалось. Убили Гирша в лагерях. Льва Каракана, заместителя Троцкого, расстреляли в 1937-м. Георгий Чичерин умер своей смертью годом ранее, но, как кадровый дипломат, делиться тайнами не привык. Не тронули старого большевика Григория Петровского, однако создатель советской милиции был еще

менее склонен к откровениям. Тем более что в конце 30-х что-то упустил, не понял – и был отстранен от всех постов. До самой смерти в 1958 году служил завхозом в Музее Революции. После смерти Сталина читал лекции, но детально о Брестском мире – ни-ни. Адольф Иоффе, прежний руководитель делегации, прибывший в Брест 1 марта 1918-го в качестве секретаря, застрелился в 1927-м. Но первый участник Брестского процесса принял смерть куда раньше.

ПЕРЕМИРИЕ – ЕЩЕ НЕ МИР

По поводу процесса – никакой оговорки. Вся история Брест-Литовского мира – это длительный политический, дипломатический и военный процесс, растянувшийся на три с лишним месяца. И стартовал он еще в ноябре 1917 года, сразу после прихода к власти большевиков. Уже 8 ноября был обнародован Декрет о мире, и иного выхода, как попытаться его реализовать, у новой власти не имелось. Ведь лозунг «Штыки в землю!» был одной из краеугольных идей при свержении Временного правительства. Неуклюжие попытки найти посредников среди нейтральных стран, как то Швеция или Испания, к успеху не привели, зато спровоцировали союзников России на весьма жесткие заявления. Мол, негоже нарушать подписаные еще до войны договоренности, неоднократно подтвержденные уже в ходе Первой мировой и Николаем II, и руководителями Временного правительства.

Но тезис «мы пойдем другим путем» лидер большевиков Ленинзвучил еще в 17-летнем возрасте. И неуклонно ему следовал. В данном случае немцам был послан соответствующий сигнал, и 27 ноября они откликнулись. В Берлине были заинтересованы в том, чтобы ликвидировать Вос-

Члены делегации Советской России на переговорах в Брест-Литовске [слева направо]: неизвестный, Л.Д. Троцкий, контр-адмирал В.М. Альтфатер и председатель Моссовета Л.Б. Каменев. Февраль 1918 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Подписание соглашения о перемирии. Подписывает начальник командования на Восточном фронте принц Леопольд Баварский

точный фронт. Это давало хоть какие-то шансы разобраться по весне с французами и англичанами на западе и закончить войну если не победой, но внучью. Советская делегация прибыла в Брест 2 декабря, и уже 3-го начались переговоры. На следующий день ее руководителем Адольфом Иоффе был представлен документ с предложениями из Петрограда: перемирие заключается на шесть месяцев; военные действия приостанавливаются на всех фронтах; немецкие войска выводятся из Риги и с Моонзундских островов; запрещаются какие бы то ни было переброски немецких войск на Западный фронт. Германцы вежливо изучили текст и предложили куда более простой вариант: перемирие заключается на 10 дней, с 7 декабря по 17 декабря; войска остаются на зани-

маемых позициях; прекращаются все переброски войск, кроме уже начавшихся. На чем стороны и успокоились. Далее наступило время обеда. За столом собралось несколько генералов, министры, и даже принц Баварский, что называется, не преминул. С советской стороны за стол пригласили не только официальных лиц вроде страдавшего некоторым душевным беспокойством (по причине чего и застрелился спустя десять лет. – Прим. авт.) Иоффе и левой эсерки Анастасии Биценко, отсидевшей одиннадцать лет на каторге за убийство генерала Виктора Сахарова. Не забыли рядовых членов команды, представлявших основные сословия, то бишь классы страны. Матроса Олича, рабочего Обухова с Обуховского завода, прaporщика флота Зедина, солдата Белякова и крестьянина Сташкова. Есть версия, что последнего присовокупили к коллективу прямо на вокзале, отловив на перроне. Судя по дальнейшему поведению крестьянского сына, именно так его и привлекли к мирным переговорам.

Григорий Яковлевич Сокольников (1888–1939). Сменил Льва Троцкого на посту руководителя делегации и 3 марта 1918 года подписал Брестский мир от имени Советской России

Тут уместно предоставить слово генералу Хоффману: «Я никогда не забуду первого обеда с русскими. Я сидел между Иоффе и Сокольниковым, тогдашним комиссаром финансов. Напротив меня сидел рабочий, которому, по-видимому, множество приборов и посуды доставляло большое неудобство. Он хватался то за одно, то за другое, но вилку использовал исключительно для чистки своих зубов. Наискосок от меня рядом с князем Хойенлое (в русской транскрипции более привычно Гогенлоэ. – Прим. авт.) сидела террористка Бизенко, с другой стороны от нее – крестьянин, настоящее русское явление с длинными седыми локонами и заросшей, как лес, бородой. Он вызывал у персонала некую улыбку, когда на вопрос, красное или белое вино предпочитает он к обеду, отвечал: «Более крепкое». По воспоминаниям члена советской делегации на следующем этапе переговоров генерал-майора Александра Самойло, Хоффман неплохо знал русский язык и понимал крестьянские нужды без переводчика.

Кстати, подписали договор о перемирии вовсе не в Бресте, а двумя десятками километров севернее. Во дворце Немцевичей, в местечке Скоки, где два года обитал принц Леопольд Баварский. Все-таки сколько всяческих странных совпадений в жизни. Договор с немцами в усадьбе Немцевичей...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Скоки. Усадьба Немцевичей. Начало XX века

НЕ ВЫНЕСЛА ДУША СКАЛОНА

Начало первого этапа переговоров о мире было назначено на 22 декабря. Сразу стоит отметить, что между окончанием перемирия и началом новых переговоров по чьей-то инициативе – сознательной или нет – оставили зазор в пять дней. Видать, на всякий случай.

Итак, о первой смерти. Несмотря на то, что перемирие наступило, переговорщики позиций в Брест-Литовске не покинули. Наоборот, силы сторон усилились профессионалами. Среди прочих прибыл из Петрограда генерал-майор Владимир Скалон. Его назначение в состав пролоббировал первый «красный» генерал, Михаил Бонч-Бруевич, начальник штаба Главковерха прaporщика Николая Крыленко. Поразительно, ведь Бонч был прекрасно осведомлен о монархических взглядах потомственного дворянина Скалона, с которым вместе учился в Академии Генерального штаба. Но профессиональные задачи взяли верх над идеологией. В делегации нужен был специалист, знавший германскую армию как свою. В Совнаркоме тоже возражать не стали, хотя Скалон и в ноябре 1917 года носил на мундире полковой знак лейб-гвардии Семеновского полка, в который вышел из Пажеского корпуса. Того самого Семеновского полка, который более других отличился при подавлении революции в Москве в 1905 году. Скалон категорически отказывался от предложенной ему «чести», но Бонч надавил на больное. У генерала росла маленькая дочь, а жена, урожденная княжна Львова, ждала второго ребенка. Отказ означал увольнение от службы со всеми вытекающими для семеновского офицера последствиями.

Владимир Евстафьевич прибыл в Брест-Литовск 11 декабря. В день своего 45-летия. Отмечал, нет ли – неведомо. Зато доподлинно известно, что случилось на следующий день. Началось совещание, и через

Немецкая и российская делегации во время переговоров в Брест-Литовске

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

каких-то двадцать минут Скалон удалился в себе в комнату за понадобившейся топографической картой. Через некоторое время в зал ворвался германский офицер и крикнул, что русский генерал застрелился. Когда осмотрели тело, ни у кого не возникло сомнений в том, что Скалон ушел из жизни добровольно. Вернее, уходил. Пуля прошла навылет, и Владимир Евстафьевич жил еще несколько минут. Рядом с трагедией нередко соседствует фарс. Немецкий доктор появился не сразу. Но врач по образованию Иоффе с первой минуты только испуганно смотрел на раненого генерала. Когда же ему напомнили, что он – медик и должен оказать помощь, глава советской делегации ответил, что он – «врач непрактикующий». Он действительно никогда не

был практикующим врачом. Он и в теории был, мягко говоря, не силен.

Не удивительно, что с германской стороны на смерть Скалона отреагировали уважительно и по-военному. Он был известной фигурой и среди врагов. Скалон никогда не ходил в атаку, всю жизнь служил в штабах, но свое дело знал отменно, о чем свидетельствуют пять орденов и генеральский чин в 44 года. На церемонию прощания специально привезли православного батюшку, выставили почетный караул. Предсмертную записку передали советской стороне. В ней Владимир Евстафьевич коротко объяснил причину своего поступка: «Анют... Прости, я больше жить не могу». Скорее, верна точка зрения тех, кто присутствовал при событии и считал, что Скалон совершил самоубийство «на нервах». Выезжая в Брест, генерал наверняка готовил себя к предстоящему испытанию. Но когда на его глазах его же руками стало разрушаться все то, чему он присягал и за что служил – душа не выдержала.

Поразительно, что к смерти Скалона с уважением отнеслись и в Петрограде. Тело перевезли в столицу, похоронили в Александро-Невской лавре, пусть и вопреки православной традиции. Семье назначили пенсию, и, надо признать, выплачивали аккуратно.

Владимир Евстафьевич Скалон (1872–1917), генерал, военный эксперт на переговорах в Брест-Литовске

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Карта территориальных изменений по Брестскому миру

НИ МИРА, НИ ВОЙНЫ

С датой гибели генерала Скалона в современных источниках существует изрядная путаница. Многие авторы, отталкиваясь от информации, что генерал застрелился в первый день переговоров, относят его смерть либо на 3 декабря, либо на 22-е. Действительно, в первом случае начались переговоры о перемирии. Скалон в них еще не участвовал. Предписание о его командировке подписано Бонч-Бруевичем 8 декабря (в документе – старый стиль, 25 ноября. – Прим. авт.). 22-го числа – уже не участвовал. Доказательство – проще некуда. Генерал прибыл в Брест в свой день рождения, то есть 11 декабря по новому стилю. На следующий день произошла трагедия. Кроме того, во всех официальных источниках, касающихся офицеров Русской императорской армии, дата смерти Скалона – 12 декабря. Тон всей этой истории задал отставной генерал Русской и советской армии Александр Самойло, выпустивший мемуары «Две жизни» в 1958 году. Участнику переговоров в Бресте было тогда уже 89. Вполне мог что-то запамятовать. Спустя десять дней начались переговоры о мире. Совещались недолго, всего пять дней. Причина, скорее всего, в том, что советская делегация сразу предъявила рабочий вариант будущего документа. Продраться сквозь эту

заседание Совета народных комиссаров. Петроград, Смольный. Январь 1918 года. В центре: В.И. Ленин, И.В. Сталин, А.М. Коллонтай, П.Е. Дыbenko

казуистику не каждый сможет. Впрочем, судите сами. «Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий; войска, оккупирующие эти территории, выводятся в кратчайший срок. Восстанавливается полная политическая самостоятельность народов, которые были этой самостоятельности лишены в ходе войны. Национальным группам, не имевшим политической самостоятельности до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о принадлежности к какому-либо государству или о своей государственной самостоятельности путем свободного рефе-

рендума. Обеспечивается культурно-национальная и, при наличии определенных условий, административная автономия национальных меньшинств. Отказ от контрибуций. Решение колониальных вопросов на основе вышеизложенных принципов. Недопущение косвенных стеснений свободы более слабых наций со стороны наций более сильных».

Немцы, конечно, педанты еще те. Но при этом очень практические и конкретные люди. Скажем, какой юридический смысл несет словосочетание «национальная группа»? Или фраза «при наличии определенных условий»? Сразу это блюдо переговорщикам с той стороны было не переварить. И они взяли паузу. Эти дни не прошли даром для германских генералов и дипломатов. Равно как для австрийских, болгарских и турецких. Стало ясно, что студень превратить в камень невозможно, потому надо заменить студень на камень. Тем более что советская делегация вновь привезла в Брест порцию студня. На сей раз шеф-поваром стал сам товарищ Троцкий. Лично прибыл кормить. Но германцы уже раскусили тактику большевиков, стрелявшихся затянуть переговоры до бесконечности. И 18 января познакомили Троцкого с компанией с предложениями стран Центрального союза. Германия и

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Австро-Венгрия получают Польшу, Литву, часть Белоруссии, Украины, Эстонии и Латвии, Моонзундские острова и Рижский залив. Иными словами, до Петрограда рукой подать, Финский залив до Кронштадта контролирует немецкий флот, богатые украинские земли кормят немецких и австрийских солдат. Одесса, Днепр, Крым...

Троцкий отпросился в Питер. Подумать и посоветоваться с товарищами. Немцы согласились на антракт, но уже с некоторым напряжением. От срока заключения мирного договора зависел их успех на Западном фронте. Если на востоке мир, то туда можно перебросить сотни тысяч солдат, которые так необходимы для весеннего и, судя по всему, последнего наступления. В экономическом плане договор тоже многое решал. Откровенно говоря, нормальной еды в Германии почти не было. Пусть немецкие паровозы утаскивали за Одер все, что можно было утащить с захваченных земель. Например, из разрушенного артиллерией Бреста, в котором было непросто найти пригодные для размещения делегаций помещения, десятками тонн вывозили кирпичи. Но хлеб, мясо и прочая красота – все это имелось восточнее, куда руки еще не дотянулись. А еще там был уголь и руда.

Пока одни ждали и вывозили, другие, в Петрограде, спорили до хрипоты. Часть правящей верхушки, в частности Феликс Дзержинский, Николай Бухарин, даже участник Брестского процесса Иоффе, были против принятия пиратских условий договора, выдвинутых немцами. Ленин с присущим ему polemическим задором доказывал, что договор нужен во что бы то ни стало. На любых условиях. Потом, когда встанем на ноги – разберемся. Троцкий настаивал на своей концепции: ни мира, ни войны. Тянуть резину, лавировать... Того и гляди, где-нибудь в Вене или Берлине вспыхнет новый костер мировой революции!

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Делегаты

III Всеукраинского военного съезда на митинге по случаю принятия III Универсала Центральной рады. В центре – С.В. Петлюра, В.К. Винниченко и М.С. Грушевский. Киев. Ноябрь 1917 года

УЖ ГЕРМАН БЛИЗИТСЯ...

В современных дискуссиях о value и пользе Брестского мира, как правило, остается на периферии внимания украинский вопрос. А его наличие очень сильно повлияло на ход и результат переговоров. Пока Иоффе, Троцкий и иже с ними «лавировали» в Бресте, от бывшей империи кусками отваливались территории. 31 декабря 1917 года стартовала Финляндия, показав пример остальным национальным образованиям. Заявили о суверенитете прибалтийские народы. Началось брожение в Белоруссии, Закавказье, в казачьих землях. Кубанская казачья республика, Донская... Однако самая тяжелая и одновременно бесполковая ситуация стала складываться на Украине. Тут политические страсти разгорелись сразу после Февральского переворота и отстранения от власти Николая II.

Созданная в марте 1917 года Центральная рада сразу после Октября отказалась признать власть

Совета народных комиссаров. Дело кончилось тем, что 8 февраля 1918 года отряды Красной гвардии взяли Киев. Но предсмоторительные лидеры Рады уже 4 января объявились в Бресте и вскоре благодаря давлению немцев стали принимать участие в переговорах. Если и не наравне с Россией, то уж с правом голоса точно. А голосили они довольно энергично, упирая на то, что всем нужна украинская еда. Стало быть, нас надо защитить от большевистской угрозы и отдать Восточную Галицию и Буковину. Но по мере приближения красногвардейских отрядов к Киеву пафос постепенно испарялся. После взятия города представители Рады, не мешкая, подписали мирный договор со странами Центрального союза, прекрасно понимая, что подписывают себе смертный приговор. На что могли рассчитывать люди, не контролирующие территорию страны, не обладавшие ресурсом, не имеющие армии? Только на интервентов. Или – оккупантов. Кому как больше нравится. Но в обоих случаях – без перспектив. Через два месяца немцы оккупировали Киев. Раду, понятное дело, разогнали.

Закрыв, пусть на уровне бумаг с подписями, украинский вопрос, немцы вернулись к советскому вопросу. После очередных словоизвержений Троцкого 10 февраля о том, что «мира не подпишем, войну прекращаем, армию демоби-

Киевляне наблюдают за маршем немецких оккупационных войск на Крещатике. Киев. 1918 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лизум», в Берлине лопнуло терпение. Было прямо сказано: не подпísанный мир автоматически означает прекращение перемирия. До сих пор интересно: на что рассчитывали в Петрограде? Особенно те, кто на заседаниях Совнаркома выступал против подписания договора. Старой армии нет. Для создания новой палец о палец никто не ударил. Красная гвардия не в счет, это партизанщина. Супротив – свыше миллиона германских солдат. От Западной Двины до Питера – менее 500 верст. От Тернополя до Киева – 350. От Бендер до Одессы – 100... А те, кто выступал «за»? Что выпадет: «красное» или «черное»? Успокоятся германцы, получив по закону столько земли и ресурсов, и бросят освободившиеся два десятка дивизий куда-нибудь в Шампань или под Ипр – красный бант. Не успокоятся, доедут на своих велосипедах до Смольного – черный тевтонский крест.

13 февраля на совещании у германского императора Вильгельма II было принято решение, предложенное генералом Эрихом Людендорфом: перемирие нарушить, наступление на Петроград и Москву начать. И началось! Спустя шесть дней германские дивизии двинулись на восток. Хотелось написать – «обрушились», но обрушиваться было особо не на кого. Вот что можно прочитать в сводках оперативного управления штаба Главковерха о положении на Северном и Западном

фронтах: «...от начальника штаба 109-й дивизии получено донесение, что к 13 часам от всей дивизии, сосредоточенной на станции Лигат, остались командиры 433-го и 434-го полков, их адъютанты, по два телеграфиста и шесть разведчиков». Сами полки разбежались. И так почти повсеместно.

Через два дня немцы вошли в Минск и Оршу. Еще через день немецкие части берут эстонские города. 25 февраля захвачены Псков, Борисов, Ревель (Таллин). 28-го австрийцы взяли Бердичев. Пять дней понадобилось противнику, чтобы пройти где 200, а где и 300 километров. Почти без сопротивления. Уже знакомый нам генерал Хоффман вспоминал, что это была «самая комичная война из всех, которые я видел: малая группа пехотинцев с пулеметом и пушкой на переднем вагоне следует от станции к станции, берет в плен очередную группу большевиков и следует далее. По крайней мере, в этом есть очарование новизны».

Военный парад немецких войск на железнодорожном вокзале в Екатеринославе. 1918 год

Из Петрограда запросили мира. Еще бы, германцы стояли в 250 километрах от столицы. Именно в эти дни появилась и оформилась мысль перенести столицу в Москву. Немцы согласились, но, наученные опытом общения с товарищем Троцким, резко ужесточили требования и сроки подписания. В течение 48 часов Совнарком должен был согласиться на следующее: потерю Привислинских губерний в Польше, Украины, Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерний, Великого княжества Финляндского, западной части Белоруссии, Батумской и Карской областей. Все это – 800 тысяч квадратных километров и 56 миллионов граждан. Кроме того, армия и флот подлежали демобилизации, корабли Балтийского флота оставались в Кронштадте и Питере, корабли Черноморского флота передавались странам Центрального союза, преимущественно Турции, Болгарии и Австро-Венгрии. Финансовые потери – 6 миллиардов марок reparations и 500 миллионов рублей золотом в счет компенсации Германии за понесенные убытки в войне. Совсем изысканное требование: подданные Германии и других Центральных держав могли заниматься на территории Советской России частным бизнесом и не подлежали действию советских правил об экспроприации, национализации и тому подобным. Всем гражданам этих стран возвращалось то, что у них было отнято. Это называли особым экономическим статусом Германии в России.

Советская делегация прибыла в Брест 1 марта. За место в ее составе бились в Питере насмерть. В том смысле, чтоб в этот состав не попасть. Троцкий вовремя подал в отставку. Председатель Петросовета Григорий Зиновьев (он же Евсей Радомыслский) отказался категорически. Сокольников поначалу даже пригрозил выходом из состава ЦК партии, но его все-таки уломали. 3 марта документ был подписан. 4 марта германцы взяли Нарву. В начале мая добрались до Ростова-на-Дону. ●

Празднование мира 3 марта 1918 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ШАХ БЕЗ МАТА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ЕСТЬ У НАС ТАКАЯ НАИВНАЯ ПРАКТИКА:
ЗНАКОМИТЬСЯ С ГРАНДИОЗНЫМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ
СОБЫТИЯМИ ЧЕРЕЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ТОЛЬКО ПО ЧАСТИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ПРИМЕРОВ ТОМУ НЕСТЬ ЧИСЛА.

ВОССТАНИЕ ДРЕВНЕГО Спартака – читай роман Рафаэлло Джованьоли. Запорожская Сечь – без повести «Тарас Бульба» Николая Гоголя не обойтись. Жизнь Петра Великого – вот вам роман Алексея Толстого. Бородинская битва – тоже Толстой, только Лев Николаевич, «Война и мир». Кавказская война, значит, «Бэла» Михаила Лермонтова. С последней русско-турецкой войной, 1877–1878 годов, знакомит куда более скромное и к тому же современное дарование – Григорий Чхартишвили, он же Борис Акунин, в детективе «Турецкий гамбит». Кстати, гамбит – это термин, означающий способ развития

шахматной партии в ее дебюте, то бишь в начале. Это уж потом «миттельшиль» (середина) и «эндшиль» (финал). Хотя изначальный смысл слова можно толковать в разных вариантах. Уступка, первый шаг, уловка, проба, жертва, даже подножка. Что конкретно имел в виду беллетрист, ведомо только ему. Возможно, все сразу. Стоит оговориться. Боже упаси покушаться на художественную значимость гениальных произведений. И даже на отсутствие этой значимости в эпопее про Эраста Фандорина в исполнении Акунина. Хочется покуситься на другое. На читательское восприятие былое через литературную призму.

Герои и негодяи, прекрасные дамы и простолюдинки, подвиги и преступления, коллизии и эмоции, мораль и цинизм, наконец, философия бытия и анатомия души – это литература. Но есть еще такая, куда более прозаическая, но не менее полезная вещь, как исследование того, что, где и почему происходило когда-то на самом деле. Это все к чему? К тому, что если судить о той самой русско-турецкой войне, которая закончилась 3 марта 1878 года, то есть 140 лет назад, только по Акунину, то суд будет, мягко говоря, поверхностный. И уж тем более, если судить о тех событиях по весьма популярному и отлично снятому одноименному фильму Джаника Файзиева по сценарию все того же Акунина. А таких судей сегодня, к сожалению, миллионы. Этим миллионам судить сложно еще и потому, что если опираться только на акунинскую беллетристику, то даже в общих чертах понять происшедшее более века тому назад на болгарской земле затруднительно. Несколько абзацев из школьного учебника – невеликое подспорье.

В.В. Мазуровский. Дело при селении Телише в 1877 году.
1888 год

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Расширенная историческая справка с хронологической таблицей – не наша задача. При желании эти сведения нетрудно найти, так как исторических работ на тему последней русско-турецкой войны написано в избытке. В том числе участниками событий. Если же бегло, чтобы войти в курс дела, то стоит начать с того, что каждая следующая война на том же театре военных действий – это, как правило, продолжение войны предыдущей. Корни кампаний 1877–1878 годов углубились на двадцать с лишком лет – в итоги Восточной войны 1853–1856 годов, именуемой также Крымской.

Распиаренный тезис о том, что русский царь Александр II спал и видел единственный сон – картины освобождения балканских славян, в том числе болгар, от османского ига, – имеет место. Но это – далеко не единственное, что снилось и окружало наяву императора в связи с балканским вопросом. Причин, мотивов и поводов для очередного конфликта двух цивилизаций было предостаточно. Никуда не девшиеся территориальные обиды Константинополя, издревле болезненный вопрос Босфора и Дарданелл, религиозное противостояние, власть над западным Закавказьем, интриги западноевропейской дипломатии, удрученной успехами России в Центральной Азии... Были и более pragматические задачи. Для русской стороны – проверка боем армии, реформа которой началась с подачи военного министра графа Дмитрия Миллютина в 1861 году и подходила к завершению. Мешало жить наличие Парижского договора, подписанного по итогам Восточной войны. За исключением одного-единственного пункта – о Черноморском флоте, снятого в 1871-м, – остальные действовали и гарантировали Турции военную поддержку Лондона и Вены.

Что же до угнетения христианских народов, то после жестоко подавленных восстаний греков на острове Крит, славян Боснии и

Император
Александр II
со своей
гвардией
во время осады
Плевны. Ноябрь
1877 года.
Фото Ф. Душека

Герцеговины, болгар, сербов, черногорцев Османская империя настроила против себя не только европейских властителей, сколько европейское общество. И русское – тоже. Не прислушаться к нему было затруднительно даже для не склонного к сантиментам британского кабинета. Категорически отказался прислушиваться к чему-либо только султан. Осенью 1876 года продолжилась резня в Сербии. После безрезульятных переговоров, длившихся всю зиму, стало ясно, что турки на компромисс идти не желают. Россия решилась на войну. Европейские друзья решились ей в этом не мешать. А после войны – как обычно: огонь, каштаны, чужие руки...

Война была объявлена 24 апреля 1877 года. Теперь же – о самых ярких страницах той войны, о ее героях и жертвах, подвигах и конфузах, ожиданиях и результатах.

Дмитрий
Алексеевич
Милютин
(1816–1912).
1865 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КОРОЧЕ, ЧЕМ КАЖЕТСЯ

Датировка этой войны – штука обманчивая. Человек, нормально воспринимающий числа, склонен думать, что бои в Болгарии и Закавказье продолжались около двух лет. На самом деле – восемь месяцев. Если учитывать все коллизии. Как подрыв турецкого монитора «Лютфи-Джепиль» на Дунае 11 мая 1877 года. И взятие без единого выстрела крепости Баязет на востоке Турции 30 апреля того же года. Полномасштабная же война на европейском театре военных действий началась только в июле, когда форсировавшие Дунай войска встретили сопротивление турок при обороне ключевых городов и балканских перевалов. После почти двухмесячной паузы, вызванной ожиданием подкреплений из России, наступление возобновилось в конце октября. В течение трех месяцев русские методично продвигались на юг, громя турок всюду. Исключением был только бой под городком Елена у южной подошвы Балкан. Но на общий ход событий он не повлиял. В конце января 1878 года военные действия прекратились. На Кавказе картина выглядела скромнее. Пока турки три недели осаждали Баязет, русские не шибко усердствовали в турецкой Армении. Серьезные бои вспыхнули только осенью.

Через полтора месяца активности был взят Карс, далее по плану предполагалось захватить Эрзурум – ворота в центральную Турцию. Однако разыгравшиеся на Анатолийском нагорье метели и снегопады всякой подобной возможности лишили. На этом, собственно, все и закончилось.

Сказанное вовсе не означает, что эта война была развлечением. Силы были задействованы внушительные, потери оказались заметными.

О СИЛАХ И ПОТЕРЯХ

Если провести прямую от Зимницы на Дунай, где переправлялись главные силы Русской армии, до Константинополя, получится 400 километров. Понятно, что действительный путь был куда длиннее, учитывая горный ландшафт на севере и дороги центральной Болгарии, в которой в конце XIX века основным транспортом были крестьянские арбы, волы, мулы да ослики. Пехота в то время тоже не на бронетранспортерах и БМП перемещалась. Топтали дорожную пыль и размякшую под дождями грязь солдатские сапоги да кавалерийские кони. А в горах пробивались сквозь снежные заносы посредством лопат да штыков.

Однако и походом за тридевять земель наступление Русской армии не назовешь. На Кавказском фронте расстояния были еще скромнее. В глубину – до 200 верст. Но и условия были куда жестче. Летом – жара, дефицит воды. Зимой – снега, ветры, заносы. А дороги... Дороги почти не было. Главные точки – Карс и Эрзурум, в котором нынче даже аэропорт имеется, – соединяла одна-единственная, каменно-грнтовая.

На все эти путешествия с оружием русский главный штаб выделил в общей сложности более 335 тысяч солдат и офицеров. Почти две трети путешествовали по путям-дорогам в Болгарии, остальные – в Закавказье. Численность действующей армии таковой стала не сразу. Понача-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Взятие турецкой батареи под Карсом.
Из иллюстраций к «Сборнику военных рассказов» (СПб., 1879)

лу на человеческий ресурс поспустились, что и привело к пассивным будням на востоке и, главное, – к неудачам и неоправданным потерям при осаде ключевого города на европейском фронте – Плевны. Впавшего в печаль главнокомандующего великого князя Николая Николаевича военный министр Милютин при поддержке находившегося при Ставке императора еле отговорил от решения отступить к Дунаю. Вместо этого запросили помощь. Пришла почти вся гвардия и гренадерский корпус. На Кавказ поспешила 1-я гренадерская дивизия. Только после этого начались стабильные успехи. О союзниках Русской армии почему-то вспоминают очень редко. Кроме болгарских опол-

ченческих дружин, которыми командовали русские офицеры, а всем болгарским ополчением – генерал-майор Николай Столетов. Первоначально под рукой Столетова было 6 тысяч человек. Общее число болгар, принимавших участие в боях – до 40 тысяч. Но были и другие союзники. Например, Румыния не только добровольно пропустила через свою территорию русских к Дунаю, но и выставила до 60 тысяч солдат. Задействованы в боевых действиях были подразделения сербов и черногорцев.

В одном документальном фильме, посвященном событиям 1877–1878 годов и снятом уже в современной России, автор-ведущий с дрожью в голосе сообщил нам, что полмилиона русских солдат заплатили жизнями за независимость Болгарии. Неизвестно закралась крамольная мысль: такой возвышенный пафос посетил бы телевизионного историка, если бы мы в той войне обошлись без потерь? Ведь это как-то непатриотично – пойти на войну и не залить русской кровью все вокруг. В другом издании вычитал, что только в очредном неудачном сражении за Плевну, грянувшем 7 сентября, погибло... 43 тысячи русских и 3 тысячи румынских солдат. Может быть, опечатка? Ведь были и другие три Плевны, и были

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай Григорьевич Столетов (1831–1912), генерал-майор, командующий болгарским ополчением

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Систов, Тырново, Шипка, София, Шейново, Филиппополь (Пловдив). Да и на Кавказе солдаты гибли. Кто ж тогда дошел до пригородов Константинополя и стал лагерем на берегу Мраморного моря в Сан-Стефано? Для справки: все силы, сосредоточенные под Плевной, вместе с союзниками не превышали 100 тысяч. Но это до ее падения. После, ближе к Новому году, силы Русской армии вместе с союзниками насчитывали до 600 тысяч человек. У турок под ружьем оставалось в три раза меньше. Более ответственные данные о потерях, как водится, тоже имеют лаг. Но даже максимальные цифры выглядят разумно. Потери Русской армии убитыми и умершими от ран составили

минимум 22 400 человек. Максимальные оценки – до 36 тысяч. Важно, что второго варианта придерживались не только европейские военные статистики, всегда склонные к тому, чтобы списать под сурдинку одну-другую русскую дивизию, но и отечественные специалисты. Турки лишились в общей сложности 120 тысяч солдат, из которых убитыми не менее 30 тысяч. Более точными цифрами военная история не располагает. Известно: что-что, а человеческий ресурс султаны не считали. Иными словами, можно говорить о том, что Османская империя потеряла более половины регулярной армии. Ведь всего в кампании приняло участие примерно 280 тысяч.

77 пушек, взятых у турок после сдачи Плевны. Из иллюстраций к «Сборнику военных рассказов» (СПб., 1879)

НА РЕКЕ И НА МОРЕ

Несмотря на то, что запрет Парижского трактата на существование Черноморского флота был снят еще в 1871 году, восстанавливать флот в Петербурге не спешили. Страна реформировалась по полной программе. И денег на все не хватало. Поэтому противостоять турецкому флоту на Черном море было крайне затруднительно. Соотношение сил таково: у нас – два броненосца береговой охраны и пять старых пароходофрегатов. У них – 13 новейших тяжелых броненосных кораблей и 15 пароходофрегатов. Однако были случаи.

Чтобы как-то поправить положение, закупили несколько современных гражданских винтовых пароходов. Вооружали их по-разному. Например, пароход «Веста» оснастили тремя орудиями среднего калибра, пятью мортирами для ближнего боя и двумя минными катерами. Экипаж составили из матросов-добровольцев. Всего – 118 человек плюс 13 офицеров и два гардемарина во главе с капитан-лейтенантом Николаем Барановым. К слову, среди офицеров был тогда еще лейтенант Зиновий Рождественский. Если бы он также героически показал себя в Цусимском проливе в 1905 году, как сделал это на борту «Весты» в июле 1877-го! Но разное требуется от лейтенанта флота и от вице-адмирала, командующего 2-й Тихоокеанской эскадрой.

«Веста» патрулировала побережье в районе румынского порта Констанца. Это был ее первый боевой поход. Заметив дымы, она пошла на сближение, но, когда стало ясно, кто стремится навстречу, Баранов, видать, пожалел, что поспешил. К «Весте» приближался броненосный корвет «Фетхи-Булэнд». Официальная версия гласит, что бой длился пять часов. И когда Баранов, потерявший 33 человека убитыми и ранеными, принял решение сойтись борт к борту и взорвать себя и турка, Рождественский из мортиры угодил

Взрыв турецкого броненосца «Хивзи-Рахман» минными катерами под командой лейтенантов Дубасова и Шестакова

в носовую башню и вывел из строя главный калибр. «Фетхи» спешно ретировался. А полуразрушенная «Веста» добралась до Севастополя. Три офицера, включая Баранова и Рождественского, стали кавалерами ордена Святого Георгия, отмечены были и нижние чины.

По другой версии, которую изложил публично все тот же противоречивый Рождественский, боя не было, а была попытка уйти от огня тяжелых орудий турка, которая чудом удалась. О собственном подвиге в статье не было ни слова. Тут есть два забавных нюанса. Офицерам было категорически запрещено выступать в гражданской печати, в нашем случае – газете «Биржевые ведомости». Второе: если подвига не было, господин лейтенант, то как же вы приняли белый эмалевый крест со святым Георгием? Тогда в Петербурге разбираться не стали. А сейчас уже и не разберешься. На Дунае оборону несли 17 турецких мониторов. Это низкобортные броненосцы, вооруженные орудиями серьезных калибров. В первый месяц войны были взорваны два: «Лютфи-Джелиль» и «Хивзи-Рахман». Причем второй – весьма необычным по тем временам способом. Русские, не имевшие полноценного флота, приспособили под такое дело крохотные катера, которые предназначались для отправки на берег членов команды. На катер устанавливали мину, прикрепленную к 6-метровому шесту. Задача крохотного экипажа – сблизиться с кораблем противника и взорвать мину. А там – как Бог на душу положит. В атаку на «Хивзи» пошли четыре катера под общей командой лейтенанта Федора Дубасова. Первая мина, взорванная у кормы, лишила монитор хода. Второй катер, лейтенанта Александра Шестакова, взорвал мину под артиллерийской башней. Получив крупную пробоину, «Хивзи» стал тонуть. А катера уцелели, хотя изрядно пострадали.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дочь полка
Мария
Константиновна
Кекsgольмская

ДОЧЬ ПОЛКА

Как и многое другое в истории Отечества, это явление появилось при советской власти. А именно – дети полка. И в Гражданскую, и в Великую Отечественную подбирали солдаты на передовой осиротевших ребят, когда официально, когда не очень, записывали в полковую семью. Но вот незадача, случалось подобное и раньше. Ну ладно, своего чернокожего юнга Максимку с клипером «Забияка» писатель-маринист Константин Станюкович мог и выдумать. Хотя не верится. Даайте вновь забудем о беллетристике. Абсолютно реальная история произошла в Петербурге в 1896 году. Три солдата пересекали плац и наткнулись

Федор
Васильевич
Дубасов
(1845-1912),
русский военно-
морской и госу-
дарственный
деятель

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

на подкидыши, а при нем записка, из которой следовало, что имя девочки – Прасковья. Вскоре ее крестили в церкви при полковом лазарете. Крестным отцом стал командир полка великий князь Константин Константинович. Отчество дали в честь общего преображенского прозвища – Захары. Стало быть, Захаровна. Фамилию присвоили соответственно – Преображенская.

Да, преображенцы – первый полк русской гвардии. Но не во всем. Нечто подобное произошло на турецкой войне в январе 1878 года. Солдат Кексгольмского grenadierского полка (лейб-гвардии – с 1894 года) Михаил Саенко во время марша увидел сидевшую на обочине мертвую женщину с еще живой девочкой на руках. Дело было под Филиппополем, где, отступая к Константинополю, бashiбузуки злобствовали чрезвычайно. Рубили не только болгар, но и турок. Судя по одежде, погибшая от сабельного удара мать и была турчанкой. Особо не сковавшись, офицеры и солдаты выступили за то, чтобы кроха стала дочерью полка. В Варшаве, где дислоцировался полк, девочку крестили. Она получила имя Мария, отчество Константиновна (в честь офицера-восприемника), фамилию, само собой, Кексгольмская. Став взрослой, она так и заказывала текст на визитках: имя, отчество, фамилия по мужу – Шлеммер. Дочь лейб-гвардии Кексгольмского полка.

Полк нес ответственность за Марию вплоть до расформирования в 1918 году. Уходили в запас солдаты, переводились в другие части офицеры, но эстафета любви и поддержки передавалась следующим поколениям кексгольмцев. Мария получила прекрасное воспитание, вышла замуж за гусарского офицера, в годы Первой мировой служила сестрой милосердия в госпитале Кексгольмского полка. Умерла в Ялте в 1920 году от туберкулеза, которым заразилась в госпитальных палатах.

Пётр Владими́рович
Алаби́н (1824–1896),
государственный
и общественный деятель,
почетный гражданин Вятки,
Самары и Софии

ИЗ САМАРЫ С ЛЮБОВЬЮ

Высший военный орден Болгарии – «За храбрость». По статути им «награждаются военные и гражданские лица за мужество и героизм на пользу болгарского общества и государства». Знамя – предмет вроде бы неодушевленный. Хотя как посмотреть. Так вот, единственный стяг, отмеченный этим болгарским орденом, называется «Самарское знамя». Ему, как и русско-турецкой войне, этой весной исполняется 140 лет. Об общественных настроениях в канун войны уже говорилось. В ее поддержку выступили миролюбивый Иван Тургенев и пацифист Лев Толстой. Метал громы Федор Достоевский. В Англии за славу

заявил заступился Чарльз Дарвин, а во Франции – Виктор Гюго. Но список не ограничивался только великими да знаменитыми.

В 1876 году самарские думцы приняли решение отправить в Болгарию специально сшитое и вышитое знамя. Изготовить его взялись монахини Иверского монастыря, освященного в Самаре в 1860 году. Монастырь быстро прославился по всей России мастерством своих золотошвеек. К черному древку прикрепили скобу с надписью «Болгарскому народу. Самара. 1876 г.». К тому времени, когда знамя было готово, война уже началась. И Самарская дума приняла решение отправить в Дунайскую армию деле-

Изготовленный в Самаре стяг был освящен, после чего торжественно вручен болгарским ополченцам

гацию с миссией – вручить святыню болгарским ополченцам, чьи части формировались под началом генерала Столетова. Из Самары шли Волгой до Сызрани. Оттуда поездом – до Москвы, далее – на Кишинев. Все путешествие заняло две недели, и 18 мая в румынском городе Плоешти знамя принял лично Столетов.

31 июля 1877 года ополчение приняло первый бой. Дрались за город Стара-Загора. Турки атаковали, русские с болгарами оборонялись. Несмотря на очевидное неравенство сил, ополченцы то и дело поднимались в контратаки. Впереди всякий раз с Самарским знаменем в руках двигался всадник. Турки вели прицельный огонь

На одной стороне красно-белосинего полотнища Самарского знамени в черном кресте, украшенном золотыми арабесками, изображены славянские первоучители, равноапостольные Кирилл и Мефодий

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

по знаменосцу, но каждого павшего сменял следующий воин. Одним из таких стал 30-летний подполковник Русской армии Павел Калитин. Он оказался на той войне по доброй воле. Написал рапорт начальству Туркестанского военного округа, где служил с 1865 года сразу после выпуска из Павловского военного училища. И принял 3-ю дружину болгарского ополчения. Подхватив знамя с земли, Калитин был почти тут же убит. Но полотнище туркам не досталось. Из рук командира его приняли следующие герои. Турки таки ворвались в Стара-Загору, но через месяц их оттуда выбили. Вместе с дружиной знамя отправилось под Шипку, затем развевалось над головами солдат в сражении при Шейново. После войны его хранили в городе Радомире, после перевезли в Софию. Оно и сейчас там, в Национальном музее военной истории Болгарии. Любопытный факт. Депутат Самарской думы Петр Алабин, тот самый, что был у истоков создания знамени и возглавил делегацию, доставившую его на фронт, после войны стал первым гражданским губернатором... Софии.

ГЕНЕРАЛЫ-СОУЧАСТИНИКИ

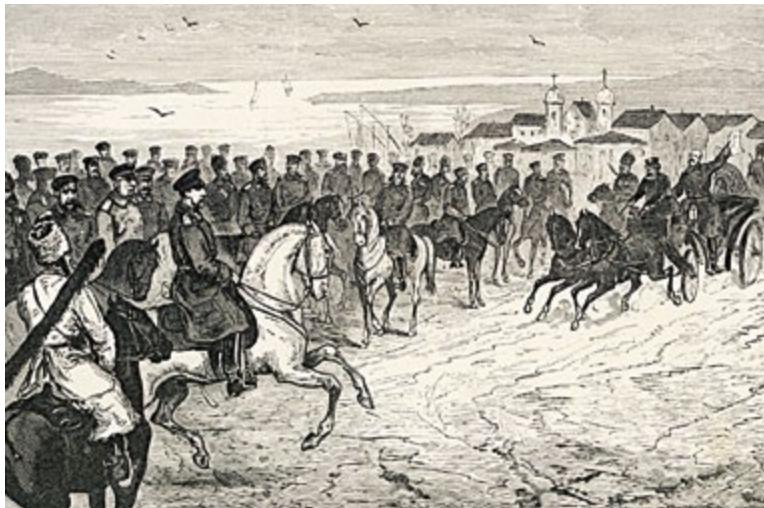
Так вышло, что перст указал на генерал-майора Михаила Скобелева. Заслуги Михаила Дмитриевича в победе неоспоримы и весомы. Но если опять-таки следовать на поводу у беллетристов, то неизбежно окажется, что войну выиграл именно Скобелев, и только он. Все остальные русские генералы были либо бездарны, либо бесполезны. Скобелев в качестве по-

Михаил
Иванович
Драгомиров
(1830–1905),
генерал-майор,
крупнейший
военный
теоретик
Российской
империи второй
половины
XIX века

мощника командира 14-й пехотной дивизии активно и полезно участвовал в ее подготовке к форсированию Дуная. Но дивизией командовал генерал Михаил Драгомиров, чье имя сегодня вспоминают нечасто, да и то в узких кругах. В Дунайской армии много Драгомиров сделал не успел, так как в августе был ранен в ногу и убыл в Россию. Однако и до войны, и после он был известен как очень своеобразно мыслящий теоретик военного дела. Неслучайно долгое время возглавлял Киевский военный округ, работал в Государственном совете, подготовил и издал различные сочинения на профессиональную тему, печатался в военной периодике. Короче говоря, оказал существенное влияние на развитие военного дела. А операцию по форсированию Дуная провел блестательно. При жизни над Драгомировым нередко подтрунивали: мол, «косит» под Суворова. Ну да разве это плохо? Скобелев, кстати, тоже был с солдатами запросто. Наряду с Драгомировым и Скобелевым в войне отличился и генерал-лейтенант Федор Радецкий, командовавший 8-м армейским корпусом. Тем самым,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Генерал Игнатьев везет подписанный Сан-Стефанский договор главнокомандующему в Сан-СтефANO 19 февраля [3 марта] 1878 года. Из иллюстраций к «Сборнику военных рассказов» (СПб., 1879)

торый входила дивизия Драгомирова. Оборона Шипки – это заслуга солдат Радецкого и его лично. Когда Осман-паша шесть дней непрерывно атаковал своими 40 тысячами аскеров Шипкинские позиции, которые удерживали только 7 тысяч русских, казалось, что оборона треснет. Но командир корпуса лично привел на помощь 4-ю стрелковую бригаду. Причем по дороге придумал, как доставить измученных переходом стрелков на позиции как можно быстрее. Приказал посадить на лошадей позади каждого казака по два человека. И – рысью!

Шипкинское сражение, грянувшее зимой, выиграли колонны генерала Радецкого. Одной из них командовал Скобелев. Эта победа наряду со взятием Плевны стала ключевой во всей войне на Дунайском театре. Гнать турок до Константинополя было уже, как говорится, делом техники. Вернее, тактики. А еще можно много рассказывать об уже упоминавшемся генерале Столетове. А еще... Не все участники событий отметились великими подвигами и знаменательными победами. Но интересен сам список. Адъютант Тверского драгунского полка Алексей Брусилов.

65-летняя Екатерина Бакунина, возглавлявшая временные госпитали на Кавказе. И ее коллега на Дунае Юлия Вревская, на деньги, вырученные от продажи имения, создавшая санитарный отряд и умершая от тифа в последние дни войны. Художник-баталист Василий Верещагин, получивший тяжелое ранение во время минной атаки на Дунае. Писатель Всеволод Гаршин, ушедший на войну добровольцем. Также писатель и «вольнoper» Владимир Гиляровский, награжденный солдатским Георгиевским крестом. «Золотая шашка» империи граф Федор Келлер, два креста. Один из создателей русской авиации, Александр Кованько. Великий князь Константин Константинович, он же поэт К.Р. Отец русской военной инженерии Эдуард Тотлебен. И даже – Чингисхан, по имени Губайдулла.

В.В. Верещагин.
Вступление
русских войск
в Адрианополь

ПАРТИЯ В САН-СТЕФАНО

3 марта 1878 года в Сан-СтефANO, пригороде Константино-поля, что в 12 километрах от османской столицы, где стояли передовые русские части, был заключен предварительный мирный договор. В январе–феврале войска авангарда, которыми командовал Скобелев, так и не получили приказ брать Царьград. На тот момент сделать это было совсем не-трудно. Но вот нужно ли, рас-суждали в Петербурге, Ставке главнокомандующего велико-го князя Николая Николаевича в Адрианополе, в двух пе-реходах от Константино-поля, в армейских штабах. Не нужно, всячески убеждали нас в Лон-доне и Вене, Париже и даже Берлине. Уговаривали и пугали. О чем-то нашептывали в Белграде, Афинах и Бухаресте... Кончилось время дебютов и гамбитов. Шах был объявлен, но решимости поставить мат в этой партии у русской власти так и не хватило. В ре-зультате многие пункты Сан-Стефанского договора были искажены состоявшимся в июне–июле 1878 года Берлин-ским конгрессом, на котором параметры мира утвердили окончательно.

В шахматах есть такое правило: взялся за фигуру – ходи. Взялись... но сделали ход, ко-торый привел к тому, что пар-тию пришлось переигрывать. В 1914-м. ☀

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Федор
Федорович
Радецкий
(1820-1890),
генерал-
лейтенант.
28 декабря
1877 года вся
турецкая армия,
блокированная
Шипку, была
взята Радецким
в плен

ПРОВИДЕЦ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ТОМУ, КТО ЕЩЕ НЕ ЧИТАЛ ОДОЕВСКОГО,
ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО ПОЗАВИДОВАТЬ:
ЕМУ ПРЕДСТОИТ ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ
САМОБЫТНЫМ И ГЛУБОКИМ, ЗНАЮЩИМ ВЕС
И МЕСТО КАЖДОГО СЛОВА, ОЗАБОЧЕННЫМ
ВОПРОСАМИ, КОТОРЫЕ И В НАШИ ДНИ
ВЫГЛЯДЯТ СОВРЕМЕННЫМИ.

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ полное трехтомное собрание сочинений Одоевского вышло в

1844 году. Интерес общества к творчеству этого удивительно го человека подорвала революция: Одоевский, конечно, «социально чужд» революционной эпохе – он был князь, последний представитель одной из старейших ветвей рода Рюриковичей, происходил по прямой линии от черниговского князя Михаила Всеолодовича, замученного в 1246 году в Орде и причисленного к лицу святых. Дружескими и родственными узами он был связан с кругом декабристов, но последовательно проводил в жизнь не заговорщицкую, а просветительскую линию, не веря в целительность немедленных преобразований в России. Кроме того, он служил – не за страх, а за совесть. Деятельность на государственном поприще на благо отечества и народа он считал долгом каждого дворянина – и в этом тоже был последователен. Лжи не терпел. Обязанности свои на государственных постах исполнял ревностно. «...Все мы в жизни люди законтрактованные, – писал Одоевский, – контракт может быть прескверный, пренелепый, но мы его приняли, родясь, женясь, вступая в службу и т.д., следственно, должны исполнять его, что не мешает стараться о его изменении и о том, чтобы впредь таких контрактов не было».

ЛЮБОМУДРЫ

«Контракт» самого Одоевского был весьма непрост: отец его, Федор Сергеевич, приходился внуком князю Ивану Одоевскому, председателю Вотчинной коллегии в царствование Елизаветы Петровны. Мать, Екатерина Алексеевна Филиппова, была дочерью прaporщицы, выкупившейся из крепостных и владевшей в Москве домом на Пречистенке. Правда, она получила «благородное» воспитание, говорила по-французски, играла на фортепиано и была дивно хороша собой, но это не уберегло Одоевского от плачевых последствий этого мезальянса.

Отца не стало, когда Владимиру было всего 4 года. Некоторое время опекуном мальчика был дед, полковник Сергей Иванович Одоевский, но и тот вскоре умер. В 1816-м, когда юному князю Одоевскому едва минуло 12 лет, мать отдала его в Благородный пансион Московского университета, а сама вышла замуж за отставного подпоручика и поселилась в рязанском имении бывшего мужа Дроково. Так что по выходе в 1822-м из пансиона Владимир Одоевский остался гол как сокол: после выплаты отцовских долгов и раздела с матерью у него не осталось ничего, кроме полуразоренного имения деда в далекой Костромской губернии. Странно, что семейные неурядицы никак не повлияли на характер молодого человека. «Всегда спокойный, тихий, умеренный,

крутыкий, доброжелательный, готовый на всякие услуги, принимавший с удовольствием всякие, даже докучные просьбы. Он никогда не сердился, и намерение раздразнить его никогда ни у кого не имело успеха. Отроду не сказал он ни об ком дурного слова, разве шуткою. Отроду никого не обидел, не оскорбил, не огорчил, не отказал никому ни в какой просьбе, кроме, разумеется, случаев совершенно невозможных», – вспоминал об Одоевском Михаил Погодин. Однако за спокойствием и «кратостью» скрывалось неуемное любопытство и спокойный, глубокий ум. Еще в Благородном пансионе «заразившись» немецкой философией, по окончании учебы Владимир вместе с поэтом Дмитрием Веневитиновым стал основателем тайного кружка любомудров. Тайного – ибо таково было требование времени: повсюду были тайные общества и кружки. Со многими из них – через двоюродного брата Одоевского, Александра, и Вильгельма Кюхельбекера, будущих декабристов, – любомудры пересекались, но заседания свои проводили в узком кругу. Владимир Одоевский жил тогда в маленькой квартирке в Газетном переулке. Собирались по четвергам. Обычно были: Одоевский, Веневитинов, Иван Киреевский, Александр Кошелев, Владимир Титов и Николай Мельгунов. Любомудры приносили свои переводы и первые пробы пера, но львиную долю времени посвящали изучению немецких «любомудров»: Фихте, Канта, но в особенности – Шеллинга. Позднее, осмыслия «бурлящую» эпоху 1820-х годов, когда в умах «поколения 1812-го года» неожиданно вскипели все вопросы русской жизни, Одоевский спрашивал себя: а что могли добавить к их разрешению «немецкие любомудры»? И отвечал на этот вопрос так: «В начале XIX века Шеллинг был тем же, чем Христофор Коломб в XV, он открыл человеку неизвестную часть его мира, о которой существовали только какие-то баснословные предания, – его душу! Как Христофор Коломб, он нашел не то, что искал; как

Христофор Коломб, он возбудил надежды неисполнимые. Но как Христофор Коломб, он дал новое направление деятельности человека! Все бросились в эту чудную роскошную страну».

Фраза про душу не случайна: именно воздействие на душу должно постепенно смягчить нравы, а со временем, при содействии наук, привести человечество к истинному общественному устройству – так считал Одоевский, этому он посвятил жизнь. Отсюда же вырастает его «мистицизм», интерес к необычным состояниям сознания (души): магнетизму, сомнамбулизму, ясновидению...

Судьба любомудров решилась, когда в Москву дошли известия о разгроме восстания декабристов: собираться на «тайные» встречи стало опасно. Одоевский, как председатель общества, собрал всех любомудров и скрылся в камине протоколы заседаний общества. Надо сказать, что многое, о чем не договорили любомудры, было спустя десяток лет договорено в кружках московских славянофилов и западников. Прямым продолжателем традиций любомудров стал, например, кружок Станкевича, из которого вышли потом Белинский и Бакунин, так что тайные собрания любомудров не были исторически не важными. Однако с закрытием общества пора «юности мятежной» для Одоевского прошла. Надо было решать, что делать дальше.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ

По счастью, в это время в Москву приехала тетка Одоевского, Варвара Ивановна, бывшая замужем за Сергеем Ланским, будущим министром внутренних дел при Александре II. Поближе познакомившись с племянником, она свела его с одной из сестер своего мужа – 29-летней Ольгой Степановной Ланской. На единственном сохранившемся портрете она обладает прямотаки ангельской внешностью: это-то, по-видимому, и сразило 22-летнего Одоевского. Пробежала магнитическая искра...

Жизнь показала, что лучшей партии Одоевскому было не сыскать: умная, спокойная Ольга Степановна дала ему ту материнскую заботу, которой он был лишен с юных лет. Одоевский был совершенно счастлив. И хотя позже, уже в 1830-е годы, он пережил довольно-таки бурный роман с Надеждой Николаевной Ланской, женщиной совсем иного, решительного и даже авантюрного склада, оставить жену Одоевский так и не смог. О чем, видимо, неожиданно, когда его возлюбленная, бросив мужа и ребенка, с новой страстью, итальянцем Гриффео, сбежала за границу.

Ланские были богаты и влиятельны: они выхлопотали Одоевскому место в Министерстве иностранных дел, и в 1826-м молодая семья переехала в Петербург. Нельзя сказать, что Одоевские ехали на пустое место: у Ольги Степановны был широкий круг знакомых при дворе, а сам Одоевский, еще со временем альманаха «Мнемозина», который он издавал в Москве вместе с Кюхельбекером, был заочно знаком с петербургским кругом авторов. В «Мнемозине» печатались Пушкин, Грибоедов, Баратынский, Языков. Так что в Петербурге князь должен был разделять свое время между службой и литературой. Как человек «законтрактованный» и ревностно относящийся к государственной службе, Одоевский, даже работая в цензурном комитете, который тогда подчинялся МИДу, немало сделал для русской словесности. Именно благодаря Одоевскому и Сергею Аксакову был принят новый Цензурный устав 1828 года, сменивший старый «чугунный», тяжко давивший на журналистику и книгоиздание. Позже на своем цензорском посту Одоевский добился возобновления журнала «Отечественные записки», которому суждено было стать лучшим литературным журналом 1840-х годов. Пушкин привлек его к изданию «Современника», и Одоевский не бросил это дело, продолжал издавать «Современник» и после смерти поэта. Журнал продержался до вмешательства

Белинского, который снова «поднял» его и дал ему направление, только благодаря Одоевскому.

Сам Одоевский дебютировал в литературе в 1830-е годы с книгой «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейко, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным». Псевдоним, которых у Одоевского современные исследователи насчитывают более шестидесяти, был, впрочем, легок для расшифровки: «магистр философии и член разных ученых обществ» – это, конечно, сам Одоевский.

К числу значительных явлений русской общественной жизни 1830–1840 годов нельзя, конечно, не отнести и петербургский литературный салон Одоевского. Подобных ему было несколько, например «субботы» Жуковского и собрания у графини Лаваль. Но салон Одоевского был неподражаем: здесь собирались и люди света, которых развлекала жена Одоевского, и литераторы, которых князь уводил в свой знаменитый кабинет: эта комната напоминала келью средневекового алхимика. Книги, рукописи, прописки, реторты, растения, музы-

кальные инструменты, скелет человека, фортепиано. Гостям Одоевский являлся в длинном сюртуке из черного бархата и черном шелковом колпаке; явно желая всячески поддерживать свое прозвище – «русский Фауст». Кто только здесь не бывал! Михаил Погодин вспоминал: «Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф <...> тяжелый немецкий барон Шиллинг, возвратившийся из Сибири, и живая, миловидная графиня Растопчина (так в оригинале. – Прим. ред.), Глинка и профессор химии Гесс, Лермонтов и неуклюжий, но многоизнающий археолог Сахаров. <...> Здесь впервые явился на сцену большого света и Гоголь». Позднее у Одоевского бывали Тютчев, Фет, Григорович, Гончаров, Тургенев, славянофилы и западники. Здесь играл знаменитый венгерский композитор и пианист Ференц Лист... Лев Толстой, работая над «войной и миром», бывал у Одоевских постоянно и пользовался советами писателя и воспоминаниями его жены о великосветских знакомых. Вся русская литература, по меткому замечанию критика Степана Шевырева, «очутилась на диване у Одоевского»...

РАЗБРАСЫВАЯ МЫСЛИ

Сам Одоевский в это время, систематически занимаясь химией с профессором Гессом, погрузился в алхимию и изучение современных ему мистиков – Сен-Мартина, Баадера, Портриджа, видя в этом залог воссоединения двух половинок разъятого цивилизацией «бездухового» человека XIX века. Отношение свысока к таким занятиям недопустимо. В конце концов мистики того времени внесли не меньший вклад в развитие мысли, чем социалисты-утописты. Все извлекли горький урок из Французской революции, которая была, по словам Сен-Мартина, «Судным днем в миниатюре», все видели бездушие победившего в Европе капитализма, всех волновала проблема дальнейшего развития цивилизации, будоражил один и тот же вопрос: что же такое человек, какова его истинная природа и в чем служение? Как построить справедливое, бесконфликтное общество?

Не случайно именно в начале 1830-х годов Одоевский начинает писать роман «Русские ночи» – свою главную книгу, законченную лишь в 1843-м. По сути, это философское рассуждение о судьбах мира и человека. К сожалению, нам придется пока обойти эту книгу стороной, чтобы не сбиться с главной мысли: «справедливое, бесконфликтное общество». Романтики, к коим принадлежал и Одоевский, «князь романтизма», были весьма чувствительны к изъянам современного им мира и изощренно критиковали их. Современность была соткана из противоречий. Где же тогда надежда, где социальный идеал? Для Одоевского он – в отдаленном будущем. В 1835 году он начинает (но не заканчивает) писать фантастический роман «4338-й год». Несмотря на то, что при жизни автора были опубликованы лишь два фрагмента романа, а оставшаяся не напечатанной часть, по сути, представляет собой лишь наброски, он считается самым значительным фантастическим произведением первой трети XIX века. Первым на необычность фантастики Одоевского обратил внимание

будущий биограф писателя, Павел Сакулин, опубликовавший в 1912 году посвященную роману статью «Русская Икария». В краткий период большевистской «оттепели» – нэпа – романом заинтересовался советский исследователь Орест Цехновицер: он сложил в отделе рукописей Румянцевской библиотеки (директором Румянцевского музея Владимир Одоевский был с 1846 года до своей смерти в 1869-м. – Прим. авт.) разрозненные главы романа и издал их отдельной книгой в библиотеке журнала «Огонек». Структурно роман Одоевского выстраивается как ряд писем, написанных китайским студентом Ипполитом Цунгииевым своему другу в Пекин. Ко времени описываемых событий управление миром взяли на себя два государства – Россия и Китай. В этом союзе Россия, несомненно, играет роль старшего брата, что и обеспечивает книге многочисленные восхищения наивного китайца российскими достижениями: «Один из здешних ученых, г-н Харгин, видел меня вчера в Кабинет Редкостей, которому посвящено огромное здание, построенное на самой средине Невы и имеющее вид целого города. Многочисленные арки служат сообщением между берегами; из окон виден огромный водомет, который спасает приморскую часть Петербурга от наводнений. Ближний остров, который в древности назывался Васильевским, также принадлежит к Кабинету. Он занят огромным крытым садом, где растут деревья и кустарники, а за решетками, но на свободе, гуляют разные звери; этот сад есть чудо искусства! Он весь построен на сводах, которые нагревают с теплым воздухом постепенно, так, что несколько шагов отделяют знойный климат от умеренного; словом, этот сад – сокращение всей нашей планеты; исходить его то же, что сделать путешествие вокруг света».

Одоевский поразителен в своих технических прогнозах: он прощупывает электроходы, тунNELи, прорытые под морями и под горами, управляемые аэростаты, расцвет зреющих искусств, необычай-

но яркое электрическое освещение (первая электрическая лампа накаливания была изобретена П.Н. Яблочковым в 1876 году. – Прим. авт.), зимние сады, гибридизацию растений, покорение людьми Луны, эластичное стекло (стекловолокно), электростанции, использование геотермального тепла, «магнитическую связь между домами», фототелеграф, «домашние газеты», рассылаемые друзьям... Он полностью «электрифицирует» Россию, он, конечно, не может предвидеть компьютерной эры, но при этом пишет: «...Настанет время, когда книги будут писаться слогом телеграфических депешей; из этого обычая будут исключены разве только таблицы, карты и некоторые тезисы на листочках. Типографии будут употребляться лишь для газет и для визитных карточек; переписка заменится электрическим разговором...» У него есть представление о какой-то разветвленной электрической сети... Поэтому, может быть, не так уж и не прав блогер Иван Дежурный, написавший, что Одоевский предвидел появление Интернета и блогов. Но для нас сейчас важнее не это. Почему Одоевский отнес свою утопию в столь отдаленное будущее, как 4338 год, в общем, понятно. Во времена, когда писался роман, историческое время текло еще очень медленно, казалось невероятным, что за одно-два столетия что-нибудь может существенно измениться. Только к концу XIX века время стало «разгоняться», а в XX понеслось галопом: братья Райт сконструировали первый взлетевший в 1903 году аэроплан, а в 1914-м аэропланы уже применялись для бомбометания...

Вторая причина, по которой Одоевский привязывает свой роман к 4338 году, – это неминуемая, по расчетам XIX века, встреча в этом году Земли с кометой Биэлы (в романе она именуется «комета Вье́ль»). – Прим. ред.). Собственно, противодействия землян комете и должны были составить фабулу романа. В таком случае у Одоевского получился бы роман жюль-верновского склада.

Но именно фабулу Одоевский так и не написал! Вместо этого он размышляет... О чем бы вы думали? Ну конечно – об идеальном обществе без конфликтов. Как достичь социальной гармонии? Умягчением нравов. А как их умягчить, эти нравы? Вот об этом – мысль Одоевского.

Первейшим средством для умягчения нравов он признает веселящий газ и магнитические ванны. Последние обладают особенною силой. Суть «банны» в том, что люди, сомкнувшись в цепь, пропускают через себя электрический ток – иные при этом впадают в оздоровительный магнитический сон, другие же – в состояние сомнамбулизма. В этом состоянии человек не способен к лжи, может прозревать пространство и время, поэтому общество избавлено от всякого лицемерия. Вследствие этого общественные нравы так умягчились и человеческое любование так возросло, что люди не в силах понять, «как мы могли любоваться видом нравственных несчастий, точно так же как мы не можем постигнуть удовольствия древних смотреть на гладиаторов».

Одоевский понимает, что для всеобщей гармонии одних «магнитических ванн» мало. Состояние общества определяет его элита. И Одоевский представляет нам ее: Министр философии, Министр изящных искусств, Министр воздушных сил, поэты, философы, историки... В таком окружении сам царь стал поэтом...

Однако первым сановником империи является все же Министр примирений. Он же является председателем Государственного совета. Умение примирять есть главнейшая доблесть государственного мужа. Если возникает какая-то неразрешимая, затянувшаяся ссора или тяжба, Министр примирений имеет в своем распоряжении государственные средства, чтобы в случае чего деньгами «замирить» истца.

Что такое примирение, Одоевский знал не с чужих слов. Основанное им при поддержке великой княгини Елены Павловны Общество посещения бедных

за девять лет своего существования избавило от нищеты 15 тысяч человек. Был открыт магазин для сбыта продукции бедных ремесленников, комнаты для матерей с детьми, мастерские для бедных женщин, приюты... Неудивительно, что после европейской революции 1848 года эти предприятия общества были признаны несколько коммунистическими. Чтобы чего не вышло, общество слили с Императорским человеколюбивым обществом, а в 1855-м и вовсе упразднили.

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОХРАНЯЮТСЯ

Конечно, в романе Одоевского много противоречий. Для чего сдержать войско, если человеческие нравы так умягчились? Да и не станет хорошим солдатом человек, принимающий «магнитические ванны»... Утверждается, что войско используется для экспедиций на Луну. Еще упоминаются «одичавшие» американцы, которые в поисках наживы продают свои города. Но никакой угрозы они, по мысли Одоевского, уже не представляют, как и англичане, продающие свои острова...

Америка издавна привлекала внимание Одоевского. В этом он был прозорливее тех, кто писал, что Америка – это просто «варварская провинция, освещенная газом». Считая, что Северо-Американские Соединенные Штаты олицетворяют возможное будущее человечества, Одоевский с тревогой писал о том, что на этом «передовом» рубеже происходит «полное погружение в вещественные выгоды и полное забвение других, так называемых бесполезных порывов души». Именно в Америке полнее всего воплотилась теория Иеремии Бентама о том, что польза, выгода есть основа всей деятельности человека, основа морали и веры. В «Русских ночных» – итоговом своем произведении – в новелле «Город без имени» Одоевский рассказывает горестную судьбу колонии бентамитов. Сначала они процветали. Потом распространили принцип выгоды на соседние народы, не обладавшие такой узкой «философией жизни»:

«...мы не считали за нужное щадить наших соседей: мы задерживали разными хитростями провоз к ним необходимых вещей и потом продавали им свои втридорога; многие из нас, оградясь всеми законными формами, предприняли против соседей весьма удачные банкротства, от которых у них упали фабрики, что послужило в пользу нашим; мы ссорили наших соседей с другими колониями, помогали им в этих случаях деньгами, которые, разумеется, возвращались нам сторицей; мы вовлекли их в биржевую игру и посредством искусных оборотов были постоянно в выигрыше; наши агенты жили у соседей безвыходно и всеми средствами: лестью, коварством, деньгами, угрозами – постоянно распространяли нашу монополию. <...> Когда соседи совсем разорились благодаря нашей мудрой, основательной политике, правители наши, собравши выборных людей, предложили им на разрешение вопрос: не будет ли полезно для нашей колонии уже совсем приобрести землю наших ослабевших соседей? Но в конце концов цивилизация бентамитов погибает именно из-за необоримой алчности, в которую выродился «принцип пользы»... Народ не может выжить, не деградируя, без контактов и взаимопонимания с другими народами – вот одна из важнейших мыслей Одоевского, высказанная в «Русских ночных». Именно в русском человеке видит он своего рода благодарную восприимчивость, от которой рукой подать до «всемирной отзывчивости» Достоевского. Видя все недостатки народа, прежде всего «общенародную лень ума» и «рукавоспустие», Одоевский тем не менее писал: «...а все-таки русский человек – первый в Европе не только по способностям, которые дала ему природа даром, но и по чувству любви, которое чудным образом в нем сохранилось, несмотря на недостаток просвещения, несмотря на превратное преподавание религиозных начал <...> Уж если русский человек прошел сквозь такую пере-

вот как его настраивать – теперь, кажется, уже никто не знает...

Одоевский прожил удивительную жизнь: в нее уложилась и жизнь Любомудра, и жизнь Государственного Служащего, Литератора, Русского Fausta, Благотворителя и, наконец, Хранителя – с 1846 года он был директором Румянцевского музея и заместителем директора Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. Когда решено было Румянцевский музей переводить в Москву, он с женой последовал за музеем. Последние годы Одоевского в Москве, его вновь открывшийся, теперь уже для московской публики, салон – все это утопает в музыке, причем преимущественно древнерусской и церковной...

Он многое повидал в жизни, многому отдал часть души – от алхимического атанора до молитвы Иисусовой. Так жить может только свободный и чистый человек. Такой жизни можно только позавидовать. Ведь он в конце концов все-таки был и Пророком. И не всегда исполненным радужных надежд, как в «4338-м году», ему доступен и скорбный регистр: «Наступило время, предсказанное философами XIX века: род человеческий размножился; потерялась соразмерность между произведениями природы и потребностями человечества. <...> слились границы городов, и весь земной шар от полюса до полюса обратился в один обширный, заселенный город, в который перенеслась вся роскошь, все болезни, весь разврат, вся деятельность прежних городов; но над роскошным градом вселенной тяготела страшная нищета <...> Давно уже исчезло все, что прежде составляло счастье и гордость человека. Давно уже погас божественный огонь искусства, давно уже и философия, и религия отнесены были к разряду алхимических знаний; с тем вместе разорвались все узы, соединявшие людей между собою, и чем более нужда теснила их друг к другу, тем более чувства их разлучались...»

Интересно, о каком будущем ведет он речь? Или это – о нашем настоящем?

делку и не забыл христианской любви, то стало быть в нем будет прок – но это еще впереди...»

Начав в 1840-е годы выезжать за границу, Одоевский разочаровывается в Европе. Слишком уж она рациональна, лишена высоких порывов. Исключение составляет его поездка к своему кумиру – Шеллингу, предпринятая им недолго до завершения «Русских ночных». Шеллинг нашел Одоевского необыкновенно умным человеком. К тому же разговоршелся о России. Шеллинг сказал: «Чудное дело ваша Россия, нельзя определить, на что она назначена и куда идет она, но к чемуто важному назначена...» Слова Шеллинга были важны. Он остро чувствовал моральные обязанности и поэтические возможности философии. Он считал, что Бога можно ощутить, прикасаясь к металлам, камням, ко мху... Он знал о важности и целительности «бесполезных порывов души». Он как бы сам вышел из идеального будущего... Одоевский и сам был «человек из будущего». Его многогранность поразительна. Не будь он столь «круглым», ему бы ничего не стоило сделаться блестящим. Он был блестящий литератор, но никог-

да не говорил об этом. Его дарили своей дружбой лучшие люди России и Европы. Его кумирами были фигуры возрожденческого размаха: Джордано Bruno, Ломоносов... Все ему удавалось. Его блестящая служба в цензурном комитете обернулась в пользу литературы. Его занятия музыкой не могут не вызывать восхищения. Он оставил несколько интересных сочинений для органа и клавесина, он первый заметил, слушая пение какого-то старовера, что народная песня не ложится в «гармонический» строй классической октавы. Он находит гениальный выход: придумывает «энгармонический клавицин» – в сущности, обыкновенное молоточковое фортепиано, у которого было 19 клавиш в октаве, а не 12, как принято. Каждая черная клавиша клавицина делилась на две, кроме того, у него было по одной черной клавише там, где обычно их нет – между си и до и между ми и фа. Одоевский написал несколько экспериментальных пьес для своего инструмента, но они до сих пор не востребованы: клавицин, на котором только и можно сыграть эти пьесы, сохранился в Музее музыкальной культуры имени Глинки в Москве. Но

НА СЛУЖБЕ ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

АВТОР

АРИНА
АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

ОНА ПРОЖИЛА ДОЛГУЮ, СЛОЖНУЮ, НАСЫЩЕННУЮ СОБЫТИЯМИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ ЖИЗНЬ И ВСЕГДА СЧИТАЛА СЕБЯ СЧАСТЛИВОЙ. КАК ЕЙ УДАЛОСЬ ВЫСТОЯТЬ ПЕРЕД ОПАСНОСТЯМИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРЕЛОМА, НЕ ИЗМЕНИВ СЕБЕ, НЕ ОТРЕКАЯСЬ ОТ ВЫБРАННОГО ЕЩЕ В ЮНОСТИ ПУТИ – ОСТАЕТСЯ БОЛЬШИМ ВОПРОСОМ.

С

ЕМЬЯ РУССКИХ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ, соединенных с отечественной культурой вековыми связями, безусловно, формировало своим повседневным бытствием необходимую для духовного развития личности атмосферу. В таких семьях дети с младых ногтей как будто само собой получают сильнейший импульс к познанию мира и своего Я, к ним переходит выпестованный опыт многих поколений, проживших жизнь не столько в осмыслении ее перипетий, сколько в стремлении к идеалу...

РОДОСЛОВНАЯ

Бабушка нашей героини, псковская помещица Екатерина Лукинична, с отличием окончившая Екатерининский институт благородных девиц, вышла замуж за тверского помещика из достой-

Пиковая дама.
Германн
в комнате
графини.
Из серии
графических
работ, созданных
к 100-летию
гибели великого
русского поэта.
1937 год

ного дворянского рода, гвардейского офицера в отставке – Николая Ивановича Вульфа. Его дед, швед Гавриил Вульф, с 1679 года служил при Алексее Михайловиче, а на гербе рода красовался волк на рыцарском щите и девиз «Молись и надейся» (Ога et sperga). Когда одна из их дочерей, Анна, настолько увлеклась музыкой, что решила связать с нею свое будущее, родители, не колеблясь, отвергли эту затею и даже пригрозили лишить «артистку» содержания, но – тщетно: та умчалась из отчего дома в Петербург. Пригодилось знание французского и немецкого языков – Анна давала уроки и могла не только снимать жилье, но и платить за занятия вокалом. Музыкальный слух и красивый голос помогли девушке: ее пригласили на работу в труппу Киевской оперы. Но тут в доме военного прокурора, литератора, издателя журнала «Русская речь» Александра Навроцкого, падчерица которого была ученицей Анны, без пяти минут оперная дива знакомится с сотрудником журнала Дмитрием Бубновым. Окружение считает его неудачником – слишком уж мечтательен, но Анна встречает настоящую любовь, поставившую ее перед главным выбором: служение искусству или личная жизнь? Неизвестно, насколько удачно сло-

жилась бы карьера Анны Николаевны, но вот с семейной жизнью ей повезло.

Дмитрий Капитонович стал первым в своем роду, кто не пошел служить во флот – практически все Бубновы были моряками. Его отец, Капитон Андреевич, еще юнгой пережил кораблекрушение и чудом спасся – благодаря тому, что обреченные на гибель офицеры привязали его веревками к обломку мачты, – несколько суток он провел в водах Балтики и был спасен голландскими рыбаками. Потом служил в Кронштадте, женился, воевал с англичанами в Крымской войне, стал комендантом крепости Соломбала недалеко от Архангельска, на берегу Северной Двины, где и прошло детство его сына Дмитрия. Море не вдохновляло этого мечтательного мальчика, он был увлечен поэзией, что через много лет привело его и в Петербург, и в редакцию «Русской речи», и к Анне Вульф...

Молодой супруг сразу остыл – поступил на службу в Крестьянский поземельный банк. У них родились три дочери: Мария – в 1884 году, Варвара – в 1886-м и Анна – в 1890-м. Супруги жили скромно, в маленькой съемной квартирке, но после рождения второй дочки, благодаря полученному наследству, смогли переехать в просторную квартиру в «богемный» район Коломны, на Садовую улицу: рядом Нева, Покровская церковь, Английский проспект, Мариинка. Отношения молодой супруги с родителями в итоге восстановились, и с весны все выбирались в имение Вульфов Берново: большой двухэтажный желто-белый дом с мезонином, построенный по моде второй половины XVIII века среди лип и берез, лугов и цветов... Девочки, несмотря на долгий путь из Петербурга, обожали там бывать, а вот отец избегал поездок и помещицу жизнь называл «берновщиной».

Но именно этот дом хранил память о Пушкине, который в Михайловской ссылке сдружился с соседкой Прасковьей Осиповой-Вульф, живущей в Тригорском вдовой Николая Вульфа, родной брат которого, Иван, владел Берновом. Поэт гостил в нескольких имениях этой большой семьи в 1828, 1829, 1833 годах – его радовали свобода, тишина, сельская природа. Здесь появились его стихи «Анчар», «Зимнее утро», «Зима. Что делать нам в деревне?», «Посвящение» к поэме «Полтава», здесь он закончил VII главу «Евгения Онегина»... Пушкин часто играл с детьми в горелки, гулял с ними по аллеям парка, к омуту реки Тьмы, до конца дней своих поддерживал эту дружбу. А его последняя дорога в Святогорский монастырь из-за метели пролегла через Тригорское, и Прасковья Осипова-Вульф сказала: «Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтоб не попрощаться с Тригорским и с нами»...

И, разумеется, из поколения в поколение эта семья хранила память о поэте, передавая рассказы о нем детям-внукам-правнукам. На коре одной из берес в Бернове долго оставалась нацарапанная Пушкиным надпись: «Прости навек! Как страшно это слово!»...

Домашний концерт юного скрипача Сюнтаро Оно, любимого племянника Варвары Дмитриевны, которого дома ласково звали на русский манер Шуней

ВХОЖДЕНИЕ В ИСКУССТВО

Сосредоточившись на воспитании и развитии талантов своих дочерей, убежденная в том, что женщина в жизни может увлекаться только искусством, Анна Николаевна сама занималась с ними музыкой, языками, рисованием. В результате ее усилий Мария стала пианисткой, Анна – скрипачкой, а Варвара – художницей. Застенчивая и независимая девочка любила рисовать «истории», фантазируя и сочиняя – возможно, эта черта перешла к ней от отца, который из своей замкнутости выходил только благодаря поэзии и мог часами наизусть читать дочкам любимого Тютчева.

Мама часто водила Варю по выставкам, а в 12 лет устроила ее в Рисовальную школу Общества поощрения художеств на Морской улице, где юной художнице очень нравилось. Правда, на какое-то время ей пришлось оставить там учебу, но она вновь вернулась в школу в 1903 году – после окончания с отличием гимназии Муравьевой. Сильнейшее впечатление от современной живописи Варя получила благодаря работам Врубеля и Борисова-Мусатова, а в 1901-м на выставке в Академии художеств ей открылся новый взгляд на изображение – импрессионистский, сиюминутно запечатленное состояние природы: водяные лилии Левитана, зимний закат Пурвита, черная ночь со всполохами огней Рушица. Подавая в школе большие надежды и часто получая похвалы от своего учителя Петра Мясоедова, Варя

в 1907-м выдерживает экзамен в Высшее художественное училище при Императорской академии художеств – из 250 претендентов были зачислены лишь 16 человек. «Будешь пятым сословием», – сказал ей отец, беспокоясь за будущее дочери. Но сама Варвара испытывала счастье, о котором прежде боялась даже мечтать! Египетские сфинксы на Неве, как она считала, охраняли тайны искусства, к которым она приблизилась, и надо было договариваться и разгадывать загадки... С ней на курсе оказываются сестра будущих футуристов Людмила Бурлюк и будущий философ и основоположник аналитического искусства Павел Филонов. Пролетели семь лет, за которые Варвара невзлюбила слово «художница» и точное копирование, отмечавшее всякие фантазии и поиск: «Эпохой Возрождения начиналась наша учеба в искусстве и по большей части ею же и кончалась». Она любила Эрмитаж: «Здесь меня рано стали притягивать портреты Рембрандта: они смотрели на меня из таинственной глубины холста настоящими, видящими глазами, и это казалось мне высшим достижением живописи». С помощью старшего товарища, латыша Вольдемара Матвеяса (на русский манер все его звали Владимиром Матвеем – с ударением на первый слог. – Прим. авт.), Варя, по ее словам, «начала познавать сущность искусства». Выходец из крестьян, он был из тех, кто, открывая вечные законы искусств, предпочитал искать истину самосто-

Автопортрет.
1966 год.

Осенью 2017 года в Мемориальной квартире Андрея Белого на Арбате [филиале Государственного музея А.С. Пушкина] в рамках международной конференции, посвященной изучению наследия В.Д. Бубновой, прошла выставка ее графических работ

ятельно. За картину «Березы на закате солнца» он получил на выставках в Париже и Риме золотую медаль. Он первым прочитал Варе стихи Блока, отправил ее в Москву – смотреть частную коллекцию Сергея Щукина, и французские модернисты цветом и свободой потрясли Бубнову. Организовал в 1909 году «Союз молодежи» для устройства выставок начинающих художников и издания журнала, просвещавшего читателей в вопросах европейского и восточного искусства. На первой же выставке этого общества, в 1910-м, Варя представила свою работу в плоскостном стиле, а в первом номере сборника «Союз молодежи» – статью «Персидское искусство», во втором – перевод итальянского «Манифеста футуристической живописи», и все – под псевдонимом Д. Варварова, чтобы избежать недовольства профессоров-академистов. Он тоже взял псевдоним – Владимир Марков, чтобы публиковать свои статьи, первая из ко-

торых призывала художников больше полагатьсяся на интуицию и допускать элемент случайности... «Дружба, как шестеренки часовой стрелки: они движутся незаметно, но неизбежно забирают все новые и новые зубчики», – вспоминала Варя впоследствии, уже став женой Матвея. В 1913-м молодые путешествовали по Европе, отдавая предпочтение этнографическим коллекциям колониальных предметов, например, в Британском музее – каменные колоссы острова Пасхи, миниатюры в коптских рукописях и деревянная африканская скульптура. По возвращении Бубнова участвовала в выставках «Бубновый валет» и «Ослиный хвост» вместе с Робертом Фальком, Владимиром Татлиным, Владимиром Маяковским, Казимиром Малевичем, Натальей Гончаровой, Ольгой Розановой, Давидом Бурлюком, Михаилом Ларионовым. Творческая жизнь была ключом...

Увы, счастливый брак оборвался уже в 1914 году внезапной кончиной Матвея от перитонита, и Варя, заглушая боль утраты, продолжила заданный им вектор по исследованию народного искусства. В 1915-м окончила двухгодичное обучение в Петербургском археологическом институте, изучая древнерусские искусство и письменность, и стала действительным членом Археологического общества. В 1917–1922 годах жила в Москве, служила в должности научного сотрудника-палеографа отдела древнерусских рукописей и книг старой печати Российской государственного исторического музея, организовала в голодной послереволюционной Москве выставку древней русской миниатюры, сама участвовала в выставках нового искусства. В 1919-м подготовила к печати и опубликовала со своим предисловием книгу В. Матвея «Искусство негров». Ее жизнь была насыщена событиями и людьми, редкостное трудолюбие не унималось, постоянно находя все более важные задачи и цели...

К ВОСХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ

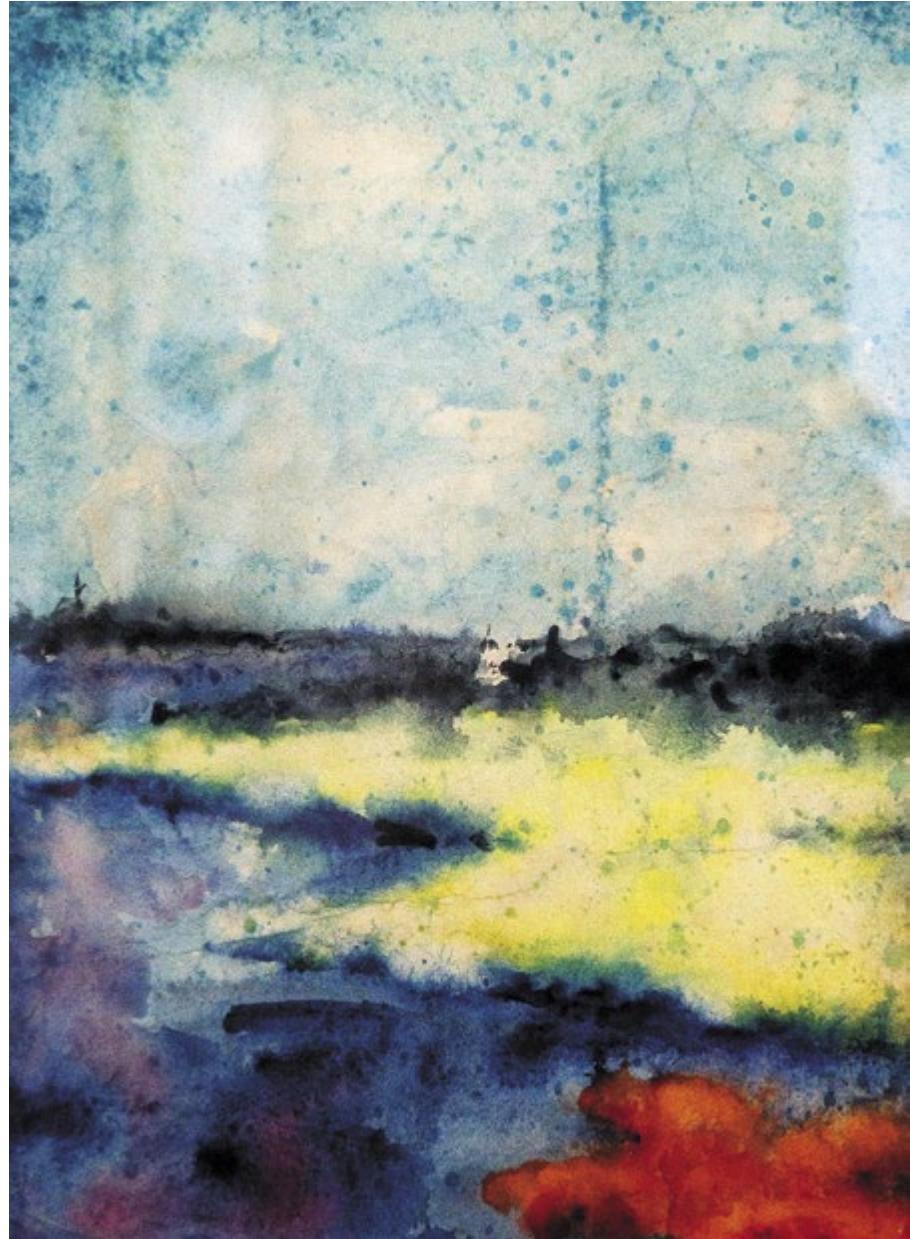
Младшая сестра Вари, Анечка, по общему мнению, играла на скрипке виртуозно и, окончив Петербургскую консерваторию, стала концертировать и преподавать. На одном из благотворительных концертов в нее влюбился вольнослушатель факультета естественных наук Петербургского университета японец Сюнъити Оно, потомок древнего императорского рода по материнской линии и бедного самурайского – по отцовской. Анна ответила ему взаимностью. В феврале 1918-го они поженились и отправились в Японию. В феврале 1922-го и Варвара с матерью Анной Николаевной отправились вслед за ними – проводить и познакомиться с членами клана Оно, к которому уже три года принадлежал их внук и племянник – маленький Сунтаро. В честь русского деда ему дали и православное имя – Дмитрий, а звали его на русский манер Шуня. Анна носила кимоно и деревянные сандалии гэта, брала уроки японской музыки и танца. Правда, тосковала по классической музыке – в Японии она мало где могла ее услышать. Она решила

поправить ситуацию: давала уроки игры на скрипке как взрослым, так и детям, что было тогда в новинку. Этот эксперимент увенчался успехом, а Анну стали называть «матерью японских скрипачей». С 1946 года и по сей день существует музыкальное «Общество имени профессора Анны Бубновой-Оно», которое устраивает памятные концерты дважды в год.

Варвара Бубнова, приехав в гости из Петербурга, с радостью окунулась в культуру Японии. Ее восхитили своим графическим изяществом иероглифы, цвет и узор тканей для одежды японцев, не могла она оставаться равнодушной и к совершенству повседневной посуды – красота достигалась «не орнаментом, не яркостью или богатством расцветки, а любовным прикосновением формующих рук к глине». Увидев как-то осенью в ярко-голубом небе белоснежную вершину горы Фудзи – символ чистоты и отрешенности от суety жизни, Варвара только тогда поняла, что она – в Японии.

В 1923 году она поступила в Токийское художественно-прикладное училище, занялась изучением разных видов гравюры, осваивала средневековую монохромную живопись тушью суйбокуга, работала в технике цветной гравюры на линолеуме и черно-белой – на цинке, занималась акварелью. Многие молодые японские художники ездили учиться в Германию и Францию, так как в Японии тогда были особенно модными европейская живопись маслом, фовизм, дадаизм, футуризм и кубизм (приезжал Давид Бурлюк, участвовал в выставках, называя себя отцом русского футуризма, познакомил японцев с линогравюрой. – Прим. авт.), и новые друзья Бубновой не понимали, зачем она осваивает их «устаревшую» литографию! Но у нее было свое мнение: «Я мечтала у себя на родине помочь развитию эстампа – искусства, доступного народу по цене, массового по технике, но подлинного по своей художественной ценности». В 1920-е Варвара Бубнова участвовала в выставках авангардистских групп МАВО, «Никакай» и «Санка Индепендент», писала портреты, жанровые сцены и пейзажи.

С юности Варя больше всего любила писать пейзажи и потому все летние каникулы самозабвенно запечатлевала природу в Бернове, став достойным продолжателем классических традиций русского пейзажа. И вот сейчас, в Стране восходящего солнца, она увидела другую природу и принципиально иное отражение ее в искусстве. Здесь нет стремления к реалистичности, напротив, текучая недосказанность и поэтическое наполнение – не высказанное, но ощущаемое... Дух экспериментаторства коснулся и Варвары – к ней пришла смелая идея найти точки соприкосновения, уловить возможности синтеза между техникой и приемами классического японского искусства и опытом современных европейских школ. Но через импрессионистов она впервые узнала и об искусстве Японии, которое таким образом оказывало влияние на русский авангард – и на Бубновой круг зам-

кнулся. Песни Серебряного века и непримириимые убеждения русских авангардистов, увлечение французским импрессионизмом, экспрессионизмом, неопримитивизмом, влюбленность в этническую и орнаментику всех народов, глубокие познания в древнерусском искусстве, очарованность японской уникальностью – трудно представить, что могло выплавиться в этой «доменной печи»! Это была задача для первопроходца, допускающего возможность проб и ошибок, но стремящегося не столько к самовыражению, сколько к открытию для других нового видения мира. Ее литографии, по мнению японских коллег, верх изящества и красоты, но интересно, что прямого заимствования художница удалось избежать: в пейзажах на японские темы есть лишь элементы стилизации. «В искусстве живописи я поздно стала взрослой, то есть поздно начала понимать характер и цель избранной дороги»...

Моя Волга.
1960 год.
Цветовые пятна
в «нарядном»
рисунке лежат
подобно
абстракции,
но название
работы говорит
о нежных
чувствах автора
к покинутой
на долгие
десятилетия
и вновь
обретенной
родине...

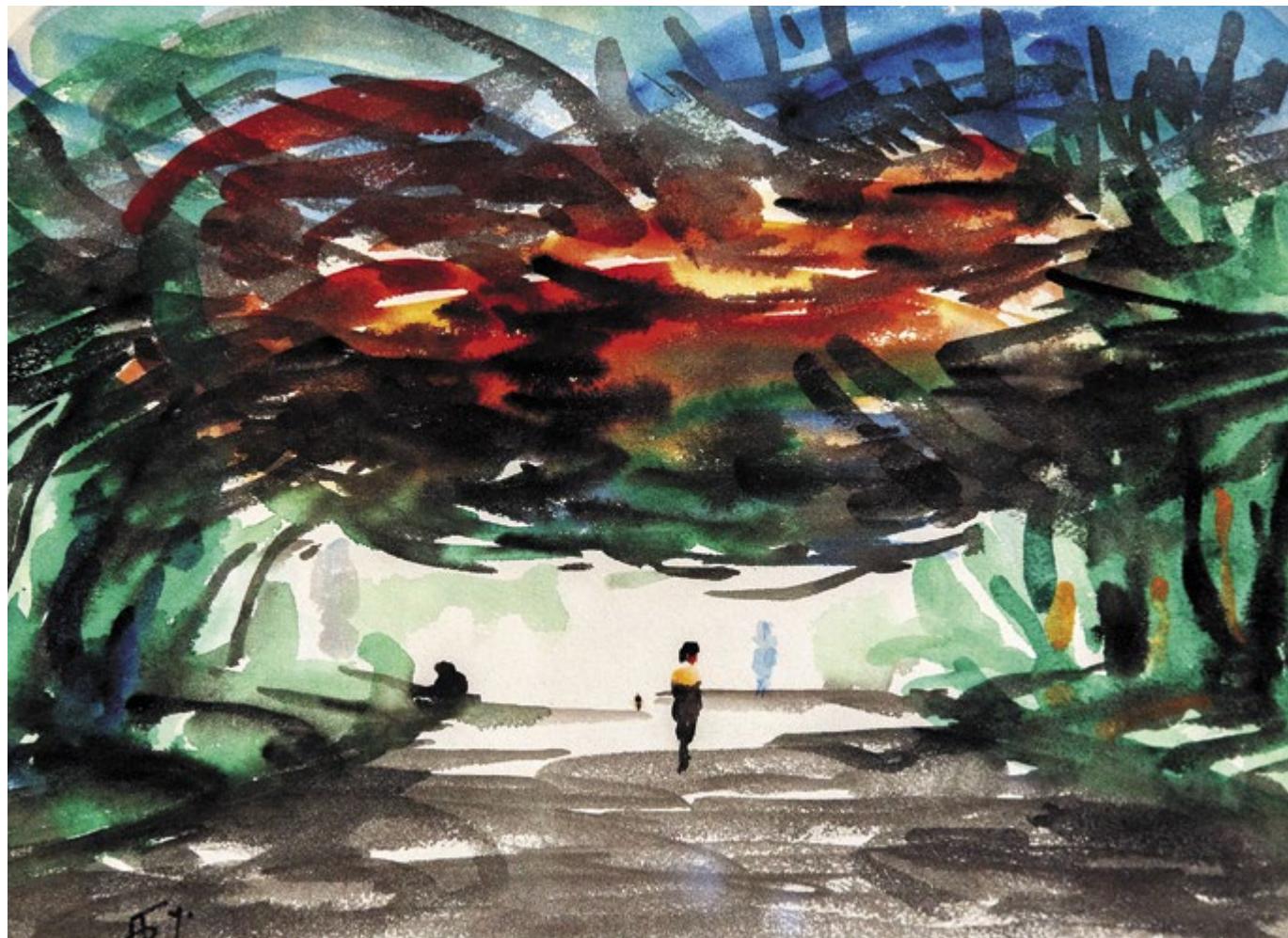
ВМЕСТО НОСТАЛЬГИИ

Визит Варвары Бубновой в Японию затянулся... почти на сорок лет! Нельзя утверждать, что она с легкостью оторвалась от родных просторов и не тосковала по Петербургу, Москве и Берннову. Первые годы были особенно мучительными, но Варвара приспособливалась, находя смысл в освоении местной специфики и приобщении японцев к богатству русской культуры. В результате пребывание Бубновой на чужбине оказалось сродни миссионерству: ведь японцы и русские в те времена еще очень мало знали друг о друге. Совсем недавно, в 1904–1905 годах, страны воевали, и Российской империи потерпела горестное поражение. К Советской России, из которой приехали Бубновы, японцы испытывали повышенный интерес – интеллигенция, профсоюзы и только что возникшая компартия осуждали японскую интервенцию в Сибирь и на Дальний Восток, летом 1922-го был создан Комитет за невмешательство в дела России, а в октябре японцы были оттуда изгнаны. Не увидеть врага в иноплеменнике, научиться понимать, принять его через культуру – вот скрепляющие нити, которыми ткала свою новую реальность Варвара Бубнова. «Отношение ко мне было не только внимательное, но и самое дружественное. Без этого я бы не могла справиться с моими работами,

ми, едва понимая японский язык. Конечно, первое время я делала все наоборот», – вспоминала Бубнова много лет спустя.

Гостеприимство весьма состоятельной семьи Оно было искренним, и даже Анна Николаевна, мама Варвары и Анны, нашла себе занятие – организовала кружок иностранных языков и кружок пения «Лулило», в котором учила японскую молодежь европейскому искусству вокала. Варвара же с 1924 года преподавала русский язык и литературу в частном Университете Васэда, в Токийском институте иностранных языков, в обществе «Япония – СССР»; с 1925-го стала членом Японско-русского литературно-художественного общества, сотрудничала с журналом «Искусство Японии и России» (с 1929-го – «Советское искусство»), публиковала в японских изданиях статьи по русскому искусству и литературе, воспоминания о жизни в России. С 1932 года Бубнова выставлялась в обществе графиков «Кукугакай» (член общества с 1937-го); входила в Общество отечественной живописи, Японскую ассоциацию гравюры, Общество художников-ксилографов и Объединение женщин-художников. В 1932 году прошла ее персональная выставка – первая в жизни, правда, на чужбине. Всего в Японии состоялось шесть персональных выставок Бубновой.

Сухумский дворик.
1959 год.
В этом маленьком приморском городке три сестры Бубновы снова объединились в семью...

Красные листья.
1962 год.
Контраст
настроений
подчеркнут
контрастом цвета:
над безмятежным
покоем
маленьких
людей нависает
тревожное
состояние
непредсказуемой
всеохватываю-
щей природы...

Особое место в ее деятельности заняло иллюстрирование литературных произведений. Бубнова исполнила иллюстрации к японским изданиям Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова и советских писателей. «Благодарю судьбу, что искусство слова и здесь открыло для меня свои необъятные просторы мысли и красоты. Русскую литературу я открыла для себя вновь», – она преподавала русскую поэзию в университете, воспитав целую школу переводчиков-пушкинистов!

В 1927-м Варвара снова вышла замуж – за русского эмигранта Владимира Головщикова, увлеченного художественной фотографией, и жили они очень дружно. Однако не все было безоблачно. Сначала Варвара узнала, что такое землетрясение – в 1923 году в Токио погибло почти 150 тысяч человек: «Природа Японии прекрасна, разнообразна и страшна. К людям она не благосклонна». Стала понятна и японская пословица – «Семь раз упади, восемь раз встань». За стихийным бедствием последовали погромы и расправы над демократами, коммунистами и корейцами. В середине 1930-х Бубнова подала прошение о возвращении на родину, но ее лишили советского гражданства – за «связь с врагом народа»: по поручению совет-

ского посольства она знакомила видного деятеля (фамилия его неизвестна) с достопримечательностями, а по возвращении в СССР он был арестован... Внезапно от перитонита умер Шуня, который успел прославиться на всю Японию: с 6 лет этот чудо-ребенок играл скрипичные концерты Бетховена и Моцарта, в 12 стал первой скрипкой в симфоническом оркестре. Кстати, его двоюродная сестра – Йоко Оно, была женой Джона Леннона...

С приходом к власти фашистов начались репрессии, многие друзья Бубновой пострадали, за ней и мужем установили слежку. После «путча молодых офицеров» в 1936-м Варвара с мужем были объявлены нежелательными иностранцами, закрылось русское отделение Университета Вaseda, Бубновой пришлось уйти и из Токийского института иностранных языков. Сестра Анна развелась с Оно и вместе с мамой жила в доме Вари. В годы Второй мировой войны Япония меддила вступать в войну с СССР, но к русским отношение было соответствующим: их семью высыпали из Токио в горный поселок Каруидзawa, а дом в Токио был уничтожен бомбежкой – со всем имуществом, включая библиотеку и литографии. В 1947-м, на двадцатилетие супружеской жизни, Бубнова снова овдовела...

Книги о художнице: изучение творческого наследия Варвары Бубновой столь же увлекательно, как и перипетии ее необычайной судьбы...

ВОСЕМЬ РАЗ ВСТАНЬ!

В 1956 году Бубнова участвовала в выставке русского искусства в Японии, а в 1958-м наконец вернулась на родину и поселилась в Сухуми, где жила ее старшая сестра, Мария. Через два года к ним присоединилась Анна. Варваре было 72 года. Фазиль Искандер отметил: «...широкота умственных интересов, простота – свойство людей духовно развитых, – вот что привлекало в ней. Тихий голос, мягкие движения и твердый взгляд, неожиданно загорающийся тонким чувством юмора, покоряли. Облик ее лучился доброжелательностью и тактом». Их дом становится местом паломничества исследователей искусства. «Пример сестер Бубновых должен нас

вдохновлять, ибо лучшее отношение между нациями – это когда выдающиеся люди служат культуре двух стран и, следовательно, всему человечеству», – подчеркивал Дмитрий Лихачев.

Она вновь посетила Берново – бог знает, с какими чувствами! Бубнова за свою долгую жизнь не утратила верности идеалам, духа независимости и любви к многогранной культуре: «Какой-то мудрец сказал, что счастлив тот, кто любит работу, которая наполняет так или иначе его жизнь. В этом смысле я очень счастливый человек. Только наша работа, только наши труды дают нам скромное, но устойчивое счастье». В разных городах страны прошло 20 ее персональных выставок, ретроспектива в Токио, она писала для отечественных журналов статьи по искусству и книгу воспоминаний, в 1959-м стала членом Союза художников СССР, в 1966-м – заслуженным художником Грузии, в 1982-м была награждена японским орденом Драгоценной короны 4-й степени за вклад в развитие культурных связей СССР и Японии.

С 1979 года Варвара Дмитриевна жила в маленькой квартирке на окраине Ленинграда, весной 1983-го ушла из жизни и, по ее желанию, похоронена в Сухуми – рядом с сестрами. В 1985-м в Берновском музее А.С. Пушкина открылась постоянная выставка о жизни и творчестве Варвары Бубновой. В 1986-м мемориальные выставки к 100-летию со дня ее рождения прошли в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Архангельске, Сухуми, через год – в Токио. Возможно, в 2018 году, объявленном перекрестным Годом культуры России и Японии, о Варваре Бубновой вспомнят еще не раз. Она создала несколько тысяч произведений! Ее работы представлены в ГРМ, ГТГ, ГМИИ, Музее искусств Грузии в Тбилиси и во многих зарубежных собраниях. В Сухуми есть Музей сестер Бубновых...

Иллюстрация к повести А.С. Пушкина «Гробовщик». 1934 год. В Японии В.Д. Бубнова активно популяризировала русское искусство, именно она открыла японцам Пушкина, привила им любовь к русской классике...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРОЛОГ

Александр Алексеев родился в 1901 году в Казани, откуда родом была его мать, Мария Полидорова. Детство провел на Босфоре – в Константинополе его отец, Александр Павлович, служил военным атташе при посольстве Российской империи. Уже тогда мальчиком владела страстью к рисованию: он часами просиживал на берегах пролива, рисуя снующие по акватории суденышки и пароходы. Детство закончилось неожиданно быстро: во время командировки в Германию в 1906 году тяжело заболел и в возрасте 34 лет умер его отец. Семья вернулась в Гатчину, а Алексеев был определен матерью в Первый кадетский корпус в Петербурге. Все это потом отразится в поздних работах Алексеева: и длинные, отороченные колоннами анфилады корпуса, и сам Петербург – город с идеальной геометрией линий. В 1917-м мать отправила сыновей к дяде в Уфу – подальше от революционных событий. Здесь Саша поспешил устроиться в «школу искусств», организованную известным футуристом Давидом Бурлюком. Правда, самого Бурлюка Алексеев видел лишь один раз – с накрашенным зеленым глазом и чайной ложечкой в петлице. Мэтр собрал деньги за учебу и забросил свое детище: тем не менее несколько занятий рисунком в Уфе стали для Алексеева единственной художественной «школой», в которой ему довелось поучиться. Все остальные знания и умения (а Алексеев виртуозно владел всеми техниками офорта) ему приходилось осваивать «по ходу дела», не отрываясь от работы.

В 1919-м стало ясно, что Уфа будет взята красными. Составилась колонна беженцев. Решено было добираться до Транссиба и ехать во Владивосток. То пешком, то в санях, в метель и мороз шли бывшие кадеты и юнкера сквозь заснеженные приуральские степи – эти картины «всплынут» потом в иллюстрациях Алексеева к «Доктору

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛЕКСЕЕВА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

НЕДАВНО У МЕНЯ С МЛАДШЕЙ ДОЧЕРЬЮ ВЫШЕЛ ИНТЕРЕСНЫЙ РАЗГОВОР ОБ ИСКУССТВЕ. РЕЧЬ ЗАШЛА О МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ И О КУЛЬТУРЕ ЭЛИТАРНОЙ. ДОЧЬ, ПО МОЛОДОСТИ ЛЕТ, ЗНАЛА И ОТСТАИВАЛА ПОЗИЦИИ «КУЛЬТУРЫ ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА» И, ИРОНИЗИРУЯ, ГОВОРИЛА, ЧТО ЭЛИТАРНУЮ КУЛЬТУРУ ПОНИМАЮТ ОТ СИЛЫ 15-16 ЧЕЛОВЕК.

Я ВОЗРАЖАЛ, ЧТО И любимый ею Александр Блок, и Ван Гог, и Гоген тоже когда-то принадлежали элитарному искусству и круг их почитателей был весьма узок. Но со временем и они вошли в «культуру для большинства». Во время нашего разговора я пожалел, что не сводил дочь на выставку Александра

Алексеева, проходившую весной в филиале Музея Л.Н. Толстого на Пятницкой. Алексеев – абсолютно гениальный одиночка, художник-иллюстратор и аниматор – только-только начинает приоткрываться широкой российской публике. Это – мастер мирового масштаба, на жизни и творчестве которого стоило бы остановиться особо.

«Живаго» Пастернака. Во Владивостоке он определился в Морское училище и стал гардемарином. Однако покоя не было и во Владивостоке. Белое дело было проиграно. Революция приближалась к городу. Был дан приказ: эвакуировать гардемаринов и офицеров. На транспортном пароходе «Орел» Александр Алексеев отправился в плавание через полмира: конечным пунктом был Крым, где еще защищалась армия барона Врангеля. Но как достичь Крыма, имея уголь лишь на переход до ближайшего порта? Капитан «Орла» нашел выход: за несколько тонн угля судно брало на борт грузы и так шло до следующего порта. Плавание вышло затяжным и тяжелым. Все это время гардемарин Александр Алексеев работал в машинном отделении. Но даже при тяжелой физической работе он рисовал все время следования парохода из России в Японию, из Японии в Китай, потом в Индию и, наконец, через Суэцкий канал в Египет. По прибытии в порт Александрии выяснилось, что Врангель тоже разбит, идти, грубо говоря, некуда. Единственная возможность – отыскать страну, которая согласится принять беженцев...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Магический кот

ЗАПИСКА ИВАНА БИЛИБИНА

В Александрии Алексеев разыскал Ивана Билибина – замечательного иллюстратора «Сказок» Пушкина и театрального декоратора, который успел бежать из Советской России, а на чужбине занимался тем, что расписывал православный храм по заказу какого-то богатого грека. Алексеев показал Билибину альбом со своими рисунками. Билибин посмотрел и сказал: «Хорошо. Но художником можно стать только в Париже или Мюнхене». И написал записку своему другу и бывшему сотоваришу по объединению «Мир искусства» Сергею Судейкину, который тогда обосновался в Париже. В Марселе бывший гардемарин Александр Алексеев сошел на берег

Приезд в Москву

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

и отправился искать счастья в Париж.

Записка Билибина сделала свое дело: Судейкин принял Алексеева благосклонно и пригласил работать художником-декоратором в театр Георгия Пitoева, вокруг которого кружилась тогда вся художественная жизнь русской эмигрантской богемы. Здесь Алексеев познакомился со своей будущей женой – Александрой Гриневской, актрисой театра Пitoева. В 1923 году они поженились, и в том же году у них родилась дочь – Светлана. К этому времени Сергей Судейкин перебрался в Америку, и Алексеев остался без покровителя. Возможно, человека менее сильного это и сломило бы, но Алексеев, гений от Бога, уже почувствовал свой собственный путь: он еще года три проработал декоратором в театральных труппах, одновременно осваивая искусство гравюры и офпорта в художественной академии «Гранд Шомье».

НА СОБСТВЕННОМ ПУТИ

Одними из ближайших друзей Алексеева в Париже становятся писатель Андре Мальро и даист, «ниспровергатель», друг Гийома Аполлинера, поэт и прозаик Филипп Супо. Через него и издателя Ж. Шифрина Алексеев начинает получать заказы на книжные иллюстрации. Это и было началом собственного творческого пути Александра Алексеева: он не просто «иллюстрировал» книги, а как бы предлагал свое, художественное их прочтение. Престижные тиражи печатались в расчете на коллекционеров в соответствующем количестве экземпляров. Как рассказывала на открытии выставки Алексеева исследовательница его творчества Лола Звонарева, первое французское издание «Братьев Карамазовых» с иллюстрациями Алексеева появилось тиражом всего 118 экземпляров, «Повести Белкина», выпущенные в Париже в 1929 году с шестью акватинтами (вид офпорта,

при котором создается эффект, близкий к тоновому рисунку), – в количестве 225 экземпляров. В 1928 году в Лондоне тиражом 310 экземпляров вышла «Пиковая дама» с девятью цветными полосными иллюстрациями, выполненными в технике цветной ксилографии. В том же году появилось французское издание тиражом 219 экземпляров. Александр Алексеев был близко знаком со многими представителями французского авангарда, кубистами, сюрреалистами, но при этом держался особняком – в каком-то смысле созданный им для себя образ Мастера был несколько архаичен: во-первых, в отличие от художников авангарда, Алексеева характеризует полный отказ от авторского «я» – он идет за текстом и, как показывают его иллюстрации к Гоголю, Достоевскому, Сервантесу, является своего рода идеальным читателем, подмечаяющим мельчайшие, но характерные детали в тексте каждой книги. Во-вторых, для него существует только один приоритет – приоритет мастерства. И если работы кубистов и сюрреалистов производят порой странное впечатление громоздких авангардных этюдов, то Алексеев доводил технику своих работ до совершенства. Друг Алексеева и исследователь его творчества Жорж Нива с глубоким чувством описывает Алексеевские иллюстрации к Достоевскому: «В своем похотливом и тяжеловесном танце старики Карамазов словно бы напялил на себя маску театра Кабуки. Он весь налит, как ярмарочный воздушный шар, резкими отсветами Алексеевского света, яростно вывернутые руки и ноги заполняют все пространство листа, старики задыхаются, а перед ним ползет крошечное насекомое, паучок, отметина укуса дьявола у всех великих грешников Достоевского. Эти гравюры таинственным образом привносят в творчество Достоевского сокровенное и волнующее свечение Алексеева...»

Алексей
Вронский

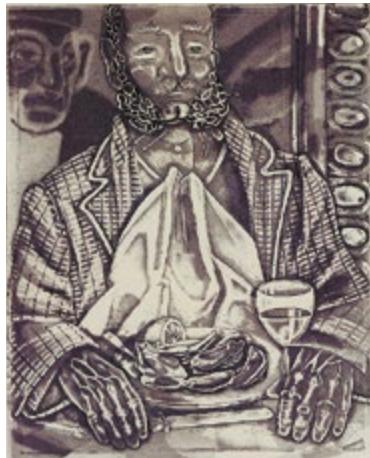
ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В ПОИСКАХ НОВЫХ ГОРИЗОНТОВ

Менее чем за десять лет Алексеев сделал более 20 раритетных книг русских и французских авторов и к 1931 году был уже общепризнанным автором книжной иллюстрации. Но тут с ним стряслась беда: постоянная работа с травлением офортов кислотой и другими реактивами в ванной комнате привела к тому, что он сжег себе одно легкое, и его пришлось удалить. Во время его болезни семью обеспечивала жена Александра, в которой талант актрисы сочетался с талантом незаурядного художника. Чтобы сводить концы с концами, семья

сдала одну комнату небольшого особняка, где жили Алексеевы, богатой молодой американке Клер Паркер, приехавшей в Париж учиться изобразительным искусствам. Естественно, она ловила каждое слово мэтра. Очень скоро стало ясно, что Клер и Александр Алексеев полюбили друг друга. При этом семья до самой войны не распадалась и жила в одном доме. В это же время в творчестве самого Алексеева наметился кризис: он стал искать новые изобразительные возможности, прежде всего в передаче движения. «Я думаю, что искусство только тогда является искусством, когда оно содержит в себе открытие. Что-то вроде открытия Таити. Иначе художник становится ремесленником, когда он наперед знает, что будет делать... Что касается меня, я ушел из книжной графики в анимацию потому, что в возрасте тридцати лет я почувствовал, что все больше становлюсь ремесленником...» – вспоминал художник.

Мультипликация того времени переживала период первого расцвета: в Америке уже вовсю разворачивался мультипликационный концерн Уолта

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Стива Облонский

Диснея. Но Алексеев не хотел работать как Дисней. Он хотел снимать серьезные фильмы, причем не в рисовальной технике. Но в какой же тогда? Дело кончилось тем, что однажды он отправил жену в один из парижских универсальных магазинов со странной просьбой: купить 500 тысяч иголок. Когда Александра Гриневская озвучила эту просьбу в магазине, ее сочли чуть ли не сумасшедшей... Но иголки нужны были для уникального, нигде и никем еще не виданного сооружения, которое Алексеев назвал «игольчатым экраном». Игольчатый экран конструктивно прост: грубо говоря, это пластина (или кусок полотна), в которую воткнуто от 500 тысяч до миллиона иголок. Надавливая на иголки, как кистью, валиком, или, наоборот, «выпучивая» их, воздействуя на иглы с другой стороны экрана с помощью разнообразных инструментов, можно при определенном освещении создавать эффекты света и тени, белого и черного – двух цветов, достаточных для графики. Получившуюся картинку-кадр снимали на фотоаппарат... после чего на игольчатом экране начиналось создание нового кадра.

Сейчас анимационные фильмы Алексеева кажутся снятыми на другом языке. В смысле не на иностранном – в фильмах Алексеева не произнесено, кстати, ни единого слова, – а на другом образном и символическом языке, лишь отчасти понятном нам. Его первый шедевр, «Ночь на Лысой горе» (1933) – это вообще сновидческий ужас первобытного ведьмовства, гениально положенный на музыку Мусоргского. Еще интереснее – и четче, яснее – «Нос», снятый спустя тридцать лет. Сопровождает фильм музыка вьетнамского композитора Хай Мина. Алексеев был принципиальным противником речевого озвучивания – в противовес ему звучала музыка. Но если три из пяти Алексеевских шедевров – «Ночь на Лысой горе»,

Анна после близости с Вронским

«Три темы» и «Картинки с выставки» – просто выстроены на музыке Мусоргского, то с «Носом» дело обстояло иначе: Хай Мин посмотрел уже готовый фильм, сделав по ходу несколько голосовых набросков. Потом они были развиты в музыкальные темы. Таинственный сюрреализм Гоголя, усиленный восточной по духу музыкой в сочетании с парадоксальными решениями Алексеева, имел грандиозный успех.

Кстати, после Алексеева Уолт Дисней тоже сделал мультфильм по произведению Мусоргского «Ночь на Лысой горе». Но, несмотря на «динамику» и уморительных персонажей, фильм этот не получил и десятой доли тех восторгов, которые вызвала лента Алексеева.

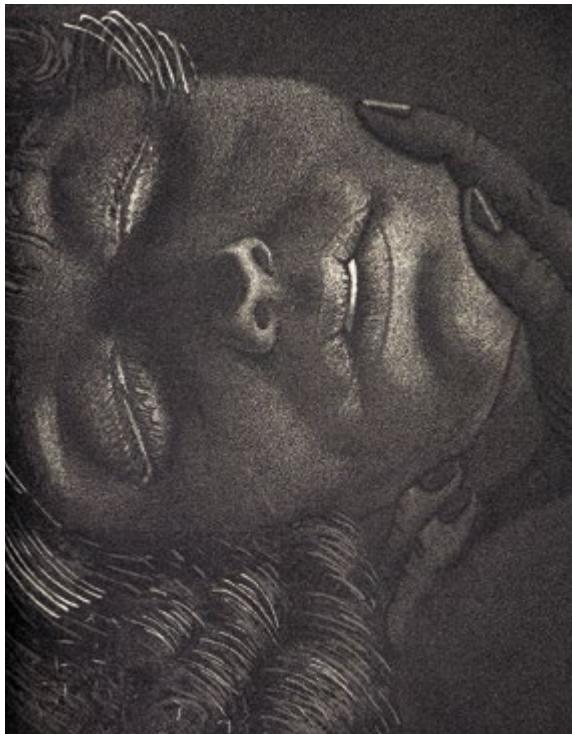
«Мультики» Алексеева считаются классикой анимации. При этом они не являются, собственно говоря, популярными. Но Алексеев делал свой выбор осознанно: он не хотел, как Уолт Дисней, индустрии производства мультфильмов. Он хотел делать штучные вещи практически вдвоем с Клер. Выразительные возможности игольчатого экрана велики, но не безграничны. «Живые картины»

Алексеева, вероятно, проигрывали рисованным мультфильмам в динамике развития. Но Алексеев, кажется, и не стремился к такой динамике. Он просто говорил на другом выразительном языке. Хотя понимают этот язык немногие. В современном мире всего несколько художников, которые не пересели за компьютеры, а продолжают работать с игольчатым экраном. Среди наиболее рьяных – канадец Жак Друэн.

Сейчас анимационные фильмы Алексеева входят в первые пять десятков фильмов мировой мультипликации. Но приключения игольчатого экрана на этом не закончились...

ВОЙНА

Когда немцы оккупировали Париж в 1940-м, Александр Алексеев со всей семьей и, конечно же, с Клер перебрался в США. Здесь «любовный треугольник» сложился наконец в парную молекулу: Алексеев развелся с Гриневской и женился на Паркер. По окончании войны первая жена и дочь Светлана остались в Америке, а Алексеев с Клер вернулись в Париж. С точки зрения творчества годы войны были достаточно безлики. Как о своеобразном курьезе можно рассказать, как во время немецкой оккупации Франции кто-то из издателей решил сделать подарок немецким библиофилам и напечатал книгу «Лунные картинки» по сказкам Андерсена. Вообще-то книга была проиллюстрирована еще в 1931 году, но тогда не нашла издателя и была напечатана с оригиналов только в 1942-м. Конечно, Алексеев в этом не виноват. Так же как не виноват в том, что «Дон Кихот» Сервантеса так и не был проиллюстрирован его работами. Он читал роман и ездил по Андалусии и Гренаде в 1936 году; работа над гравюрами пришлась как раз на время Гражданской войны в Испании. После которой, как известно, Дон Кихот был объявлен генералом Франко чуть ли не Христом и, уж во всяком

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

случае, национальным героям, а Алексеев проиллюстрировал роман Сервантеса отнюдь не комплиментарно. Его Дон Кихот порою откровенно смешон в своем рыцарском идеализме и то и дело попадает прямо-таки в идиотские ситуации. И 115 работ этой серии пропали. Восемьдесят лет считалось, что они утрачены насовсем.

«Потом часть работ этой серии всплыла в книжке «Дорогами Дон Кихота», изданной в Петербурге, – рассказала Лола Звонарева. – Оказалось, ниточка тягнется к знаменитому швейцарскому коллекционеру Оливеру Мастеллану. В начале 2000-х он оплатил отдельное издание всех 115 хорошо напечатанных гравюр. Книга, выпущенная через год, мгновенно стала библиографической редкостью при тираже в 500 экземпляров...».

ВСЕ ГЕНИАЛЬНОЕ ПРОСТО, НО ТРУДНО

Несмотря на колоссальное количество работы, проделанной Алексеевым в конце 20-х – начале 30-х, никто, и прежде всего сам Алексеев, конечно, не предполагал, что во вторую половину жизни ему придется совершить работу, соизмеримую с прежней. В это время он снижает свои лучшие анимационные фильмы – «Нос» (1963), «Картинки с выставки» (1972), «Три темы» (1980). Одновременно им проиллюстрированы знаковые для русской культуры книги: «Слово о полку Игореве», «Игрок» и «Записки из подполья» Достоевского, отличающиеся абсолютной адекватностью «достоевскому» Петербургу, его щемящей боли, его шепоту, похожему на сдавленный крик страдания... В 1957-м Алексеев завершает работу над серией из 120 акватинт к роману Толстого «Анна Каренина» – и я, видевший в Музее Толстого эти акватинты, смею утверждать, что нигде не встречал ничего подобного: ни в смысле техники, ни в смысле глубины погружения в авторский замысел. Это не художественные

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«комментарии» к тексту, это сам текст, просачивающийся сквозь полные символов и загадок работы Алексеева – то дымчато-серые, то светящиеся, то наливающиеся предсмертным ужасом.

Серия открывается видением железной дороги. Сами пути – рельсы – обрезаны. Они ведут в никуда. В смерть. Или что это за стая призраков маячит у железнодорожного полотна, как будто собирая обильную жатву? Такой «зачин» определенно настраивает читателя на свой лад. «Честно говоря, после открытия выставки Алексеева я перечитала «Анну Каренину» в очередной раз, – рассказала заведующая филиалом Музея Толстого на Пятницкой Ольга

Анна в театре
«(Кармен)»

Анна-кентавр

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Голованова. – Но что удивительно: сам роман после Алексеева читался иначе. Он оказался на порядок глубже, чем представлялось ранее: просто художник уловил и показал нам те рассыпки символов, те смысловые «стяжки» в романе, которые и образуют его архитектуру, его устройство...».

В начале романа дана маленькая иллюстрация: дети Облонских. Вы помните, что в этот момент всем не до них: мама не выходит из своей комнаты, папа неизвестно где, а дети... Играют. «Играют в поезд». Так и у Толстого прямо сказано, но мы обычно не обращаем внимания на этот знак. Но у Алексеева не просто железная дорога – на картинке изображены две куклы: одна в мундире офицера, а другая, женская, разделенная донага, лежит у шкатулки-вагончика с отрезанной рукой. Толстой оставил знак – Алексеев превратил его в символ. Таких символов в романе и в его иллюстрациях рассыпано много. Вот Стива Облонский – он вернулся из театра, не зная, что жена открыла его неверность, и простодушно принес ей в подарок огромную грушу (символ вожделенных им женских форм). Толстой тонко и иронично вкрапляет в текст ремарку о том, что Стива «любил физиологию». Да, он не был семи пядей во лбу, но был жизнерадостен, физиологичен, любил пеструю изменчивость жизни. Даже зеркало за его спиной как будто отделано створками устричных раковин. В этом – весь Стива, неунывающий жизнерадостный.

Анна у Алексеева, во-первых, не похожа ни на один из образов Карениной, укоренившихся у нас в мозгу благодаря кино. Она другая – и очень разная. Страшно красивая после первой ночи с Вронским: но темная, будто не живая, с закрытыми глазами. И светлая, с широко открытыми глазами в finale романа – мертвая. Анна в театре, похожая на Кармен, всем своим видом бросающая вызов выс-

шему свету. Анна-кентавр с за-вязанными глазами, тщетно пытающаяся перескочить барьера из железнодорожных шлагбаумов. Княгиня Бетси в коляске: странно – кажется, кто-то сидит, а приглядышься – ничего нет, кроме зонтика. И – неожиданно возникающий в пространстве какого-то нереального, будто приснившегося города кот с огромными глазами... Откуда он взялся? Может быть, забрел сюда из сновидений самого Алексеева? Говорят, мальчишкой он увидел в своей комнате черного кота, который прошел сквозь стену. И после самоубийства Алексеева в 1982-м в его комнате оказался черный кот, хотя он не держал животных...

Последний подвиг Алексеева – иллюстрация романа-поэмы «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. Алексеев взялся за иллюстрацию «Доктора Живаго» не случайно: «Я был потрясен, прочитав роман Пастернака, – признавался он. – Возникло совершенно реальное чувство, что мой пропавший без вести... брат (а у Алексеева действительно пропал брат в годы Гражданской. – Прим. авт.)... прислал мне письмо на шести-стах пятидесяти страницах».

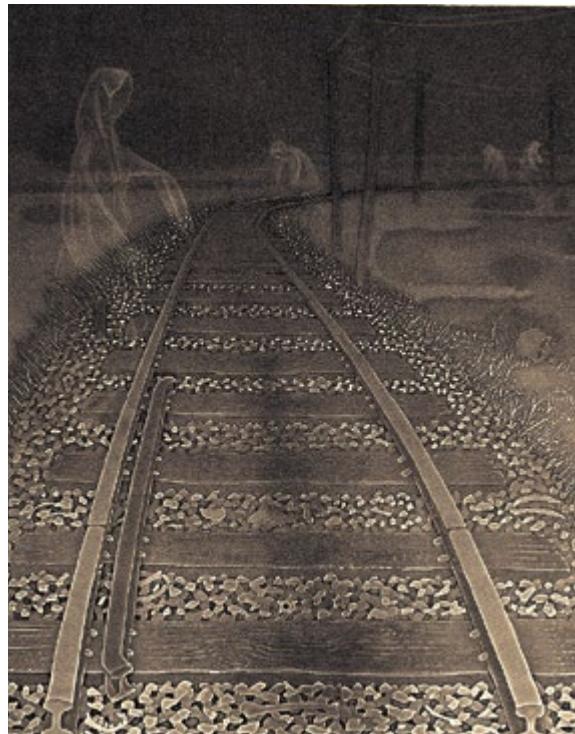
Пастернак закончил роман в 1955 году. В 1959-м французы его перевели, и издательство «Галлимар» напечатало «Доктора Живаго» с иллюстрациями Алексеева. На этот раз Алексеев избрал для создания иллюстраций свой знаменитый игольчатый экран. Он, писала Клер Паркер, «задумал огромное количество иллюстраций – намного больше, чем фактически вошло в книгу. Игольчатый экран – единственная известная нам техника, которая дала возможность создать двести иллюстраций к «Доктору Живаго» всего за четыре месяца».

В книге, проиллюстрированной Алексеевым, возникает Россия, ее люди как мираж, как навеки ушедшее. Прозрачные, матово-белые композиции... Это – поэтическая сюита, не

претендующая на бытовую достоверность.

Молодой Жорж Нива взялся доставить Пастернаку в Пере-делкино один из 10 250 номеров экземпляров. Пастернак, в свою очередь, был поражен «узнаванием» чего-то в своем романе, о чём он и сам, кажется, позабыл. И поэт отправил своего французского друга обратно в Париж с обязательством найти иллюстратора и от души поблагодарить его. Так Жорж Нива оказался в респектабельном квартале на юге Парижа, где в глубине двора за пафосным зданием начала XX века скрывался садик и маленькая вилла, которую хозяева называли «вилла д'Ассас». Алексеев оказался высоким, просто, но изысканно одетым человеком с безупречным французским языком и тем особенно богатым и правильным языком русским, каким дворяне разговаривали в Петербурге в дореволюционные времена. «Алексеев был, конечно, француз, – вспоминал Ж. Нива на вечере в Толстовском центре, посвященном Алексееву. – Француз русского происхождения. Настоящий *dandy français*. Этот сплав русского и француз-

Железная дорога

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ского существенно повлиял на культуру Франции еще в довоенные годы, когда лучшие русские художники, оказавшиеся в эмиграции – Александр Бенуа, Василий Шухаев, Юрий Анненков – стали иллюстраторами целой плеяды французских писателей – Андре Моруа, Ипполита-Жана Жироду, Филиппа Супо, Жозефа Кесселя и многих других. От этого союза осталось целое созвездие иллюстрированных книг, к сожалению, мало известных по причине элитарного характера этих изданий...».

Смерть Алексеева окутана тайной. Он ушел из жизни добровольно, приняв упаковку снотворного. Причина – глубоко личная. После того как в октябре 1981 года умерла его любимая жена Клер Паркер, Алексеев остался в полном одиночестве. Все его французские друзья времен молодости – Андре Мальро, Андре Моруа – сорвались и умерли; если бы эмигрировавший во Францию в 1971 году художник и скульптор Михаил Шемякин, с которым Алексеев близко сошелся, в 1980-м не уехал в США, то, может быть, рокового решения и не было бы. Но все сложилось так, как сложилось. 9 августа 1982 года Алексеева не стало. Он не был православным человеком: скорее, воспринимал смерть в духе экзистенциализма: пришла пора умирать – значит, пора умирать... Так ушел из жизни блестательно одаренный русский европеец, философ и мистик, творец собственного русского мифа, рассыпанного по страницам великих книг русской и мировой культуры...

Большая часть наследия Алексеева принадлежит крупным коллекционерам, богатым издателям... Художник как был, так и остался элитарным. Сам Алексеев не хотел этого. Он работал для искусства и тратил себя широко, безоглядно, яркой кометой блеснув на небосклоне минувшего века и дотла горев в своем творчестве... ■

ЗАМЕДЛЯ ВРЕМЯ

АВТОР

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

ВЫСОТА 1000 МЕТРОВ. ИНСТРУКТОР ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ. ВСТАЮ И ИДУ К НЕЙ. РУКИ ИЩУТ, ЗА ЧТО БЫ СХВАТИТЬСЯ. АН-2 СЛОВНО ЗАСТЫЛ НА МЕСТЕ. ЗЕМЛЯ СВЕРХУ ПОХОЖА НА РАЗНОЦВЕТНОЕ ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО. ОНА ДАЛЕКО ВНИЗУ, И МНЕ НЕ СТРАШНО. ПРЫГАЮ.

ПОТОК ВОЗДУХА ШВЫРЯЕТ меня, словно щепку, к борту, и, скользнув по нему, валиюсь в пустоту. Ужас накатывает и сковывает льдом. Времени больше нет, секунды превратились в вечность. Резкий толчок. Тишина. Яркий, цветной купол над головой. Вцепляюсь в стропы, и бесконечное счастье захлестывает меня... Снова иду в самолет. Хоть бы пошел дождь, начался ураган, землетрясение, цунами, что угодно, лишь бы отменили прыжки. Небо безнадежно голубое, и, чуть не плача от неотвратимости судьбы, поднимаясь на борт. Открывается дверь. Ноги ватные и подгибаются. Желание одно – опуститься на коленки и уползти вглубь самолета. Дикий, животный страх подкатывает к горлу и не дает дышать. В отчаянии валиюсь за борт и... просыпаюсь.

Светает. Сквозь серую ночную мглу проступает голубое небо. Я в Абхазии, где недалеко от Сухуми, около села Бабушара, проходит XIX чемпионат ветеранов-парашютистов СССР. Его организатор Анатолий Сырчин – летчик первого класса, полковник в отставке, трехкратный чемпион СССР, обладатель двух мировых рекордов и бывший тренер сборных команд ВС и BBC СССР по парашютному спорту. За штурвалом провел более 5 тысяч часов, совершил около 8 тысяч прыжков с парашютом. Сейчас Анатолию Константино-

вичу 76 лет, а он организует показательные выступления и Кубки СНГ по парашютному спорту, да еще основал в России новый вид спорта – пара-ски, парашютно-горнолыжное двоеборье. На очередном чемпионате ветеранов-парашютистов в Абхазии вместе с коллегами установил групповой мировой рекорд и рекорд Книги рекордов Гиннеса. Двадцать ветеранов-парашютистов прыгнули с высоты 3600 метров. Суммарный возраст всех участников составил 1246 лет. Общее количество прыжков – более 150 тысяч.

На чемпионате среди ветеранов разыгрывается Суперкубок Skydefender-2017, то есть «Небесный защитник». Это – позывной сына Анатолия Сырчина, Алексея, летчика, парашютиста, разбившегося несколько лет назад. В память о нем и учреждена эта награда.

Соревнования начнутся в семь утра. На аэродроме, где они проводятся, сейчас базируются BBC Абхазии. Рейсовые самолеты сюда давно не летают. Отремонтированное здание старого аэровокзала белеет среди унылых строений поселка. Руины терминалов напоминают о прошедшей войне. Напротив них, рядом с взлетной полосой, и разбивают «старт» парашютисты. Раскладывают на асфальте большое полотнище из плотной ткани. На нем укладывают парашюты и сюда же ставят уже уложенные для прыжка.

МЫ ОДНОЙ КРОВИ

В Абхазию приехали ветераны-парашютисты из России, Казахстана, Белоруссии и с Украины. Они разделились на несколько команд-взлетов. В первом прыгают те, кого помимо страсти к парашютному спорту объединяет... Афганистан.

Самый старший среди них Евгений Пермяков – ему 67 лет. У него более 2,5 тысячи прыжков с парашютом. Евгений – военный в отставке. Сейчас живет в Моздоке и работает инструктором в аэроклубе. Увлекается разведением пчел и охотой. Мечтает прыгнуть с парашютом на Северный полюс. Впервые «столкнулся» с парашютом в Афганистане. Ночью их посадили в самолет. Во время полета дали команду: «Надеть парашюты». Инструктор был короткий: «Если самолет сбьют, выпрыгните, там и разберетесь, как его открывать». Но тогда все обошлось. А ведь прыгать с парашютом Евгений мечтал с детства. В 43 года подвернулся случай: помог местному аэроклубу, а те в благодарность подарили ему прыжок.

– Надели на меня парашют, сказали, что откроется сам, и отправили в самолет, – вспоминает Евгений. – Сижу и думаю: вдруг там что-то не так? Выпучающий открыл дверь и махнул мне рукой – подходи. Ну я и сиганул. Лечу, а ничего же не открывается! Обманули! Потом кто-то меня за шиворот дернул, смотрю, а надо мной купол, как зонтик. И вижу, жена с дочками бегут ко мне, фотографируют. Потом записался в аэроклуб, занимался в группе с 14-летними мальчишками и в мае сделал уже законный свой первый прыжок.

Стоящему рядом с Евгением Самсону Осипову 60 лет. Его вместе с другими солдатами-срочниками отправили в Афганистан в 1979 году. Самсон живет во Владикавказе, более тридцати лет отработал в аэроклубе. Сейчас в Ставропольском крае опыляет химикатами поля.

– Некоторые из моих учеников уже прыгают лучше, чем я.

Я этим горжусь. Мой сын пошел по моим стопам и, думаю, скоро тоже превзойдет меня, – говорит Самсон. И с грустью добавляет: – Сейчас я мало прыгаю – нет времени.

Андрей Полянцев – из Нижневартовска, работает в Управлении гражданской обороны по чрезвычайным ситуациям. Считает лукавством, когда говорят, что не страшно прыгать. Страх есть всегда, просто он разный. Афганистан в судьбе Андрея стал не только воспоминанием. – Я наступил на мину при прочесывании кишлака, – рассказывает он. – В тот момент почувствовал, что жизнь кончилась. Сознание не потерял, глаза были забиты грязью и песком, но сразу понял, что ноги у меня нет. Когда вернулся в Союз, появилось чувство злости на армию, на военных, на мирную жизнь, на барыг, что спрашивали чеки из «Березки».

Андрей окончил институт. В то время даже мысли не допускалось, что люди с ограниченными возможностями могут заниматься парашютным спортом. Но начальник аэроклуба на свой страх и риск разрешил ему прыгнуть с парашютом. И сейчас у Андрея уже около 1,5 тысячи прыжков.

– Человеку нужно что-то делать, у него должны быть какие-то стремления, – считает он. – Я сейчас занимаюсь групповой акробатикой. У нас своя группа парашютистов с ограниченными возможностями. Мы работаем и участвуем в соревнованиях по тем же правилам, что и здоровые люди.

Старенький Ан-2 подкатил к старту, забрал парашютистов, побежал по взлетной полосе и поднялся в небо. Сделал несколько кругов, вышел на последний, плавный разворот и лег на «прямую». И вот один за другим высоко в небе раскрылись шесть куполов.

Площадка для приземления оборудована на траве, в стороне от старта. Этот надувной мат – гордость Анатолия Сырчина. Говорят, аналогов ему нет нигде в

Чтобы уложить парашют, нужно не только пятнадцать-двадцать минут времени, но и грубая физическая сила

мире. Он легкий и мобильный, позволяет прыгать на любую поверхность. В центре его находится датчик – желтый круг диаметром 2 сантиметра. Результат считывает электронное устройство. Когда спортсмен попадает в «ноль», громко играет музика. Главный судья чемпионата, 73-летний Владимир Миронов, за плечами которого 11 тысяч прыжков, фиксирует результаты. Работал парашютистом-испытателем, не раз участвовал в чемпионатах мира среди ветеранов в Германии, Голландии,

Австралии. Владимир планировал прыгать и на этих соревнованиях, но незадолго до них сломал плечо.

– У меня дети тоже парашютисты, мастера спорта. У нас у всех семьи парашютные, редко у кого муж или жена не из парашютного спорта. И мы с женой познакомились в аэроклубе. Потом она бросила спорт ради детей, их у нас четверо.

– Воздух! – Громкий крик предупреждает о том, что спортсмены снижаются. Один за другим они приземляются на мат.

Евгений
Пермяков

Андрей
Полянцев

Рекордсменка мира Нина Очеретяная выступает за команду ДНР. Она начала заниматься парашютным спортом более сорока лет назад. Официально у нее почти 5 тысяч прыжков, а сколько не учтенных – Нина не помнит. Работала инструктором, тренером по парашютному спорту. Двадцать лет назад бросила прыгать. В 2014 году добровольно пошла в ополчение, ее позывной: «Чайка». Нина и сейчас работает в медсанчасти батальона «Восток». В 2015 году несколько энтузиастов решили 9 Мая прыгнуть с парашютом на Саур-Могилу и так отметить взятие ополченцами этого населенного пункта и 70-летие Победы.

– Это было опасно. Небо над Донбассом закрыто, в любой момент самолет могут сбить, – рассказывает Нина. – Разве я могла в такой ситуации молодых ребят послать одних? Не могла. Вот так и вернулась в парашютный спорт. Мы прыгнули, а потом узнали, что по нам дали два пуска, но мы их не видели и не слышали. Почему-то была уверенность, что ничего не случится.

В День ВДВ Нина с коллегами прыгали к памятнику Маргелову в Донецке. Там было опаснее: край города, несколько километров до линии фронта, рядом аэропорт, который все время бомбили, далее – Авдеевка, украинские позиции.

– Молодежь мы не пустили, прыгнули сами, четверо опытных, – рассказывает она. – Но для меня гораздо страшнее, когда в медпункт приносят вещи наших ребят. Я смотрю, а от них остались одни лоскуты, и у меня в груди сдавливает все... К этому невозможно привыкнуть. Как и к войне. На войне все непредсказуемо. По эту сторону фронта думают так, по ту – по-другому, а между ними – заложники, мы, мирные жители...

У Светланы Окуневой около 2 тысяч прыжков, но парашютного энтузиазма не меньше, чем у Нины. Она приехала из Белоруссии. Светлана работает администратором в отеле.

УДАЧА – ГОСПОЖА?

Каждый день чемпионата начинается с общего построения. На нем подводят итоги, объявляют о планах, проводят инструктаж по безопасности. Каждый из ветеранов не раз слышал эти слова.

Практически все аварийные ситуации в парашютном спорте оговорены в инструкциях. После отделения от самолета человек падает со скоростью 50 метров в секунду, находится в стрессе, ограничен во времени. Поэтому все действия спортсмены отрабатывают до автоматизма на тренажерах на земле. И все-таки удача в парашютном спорте – не последнее дело. Возможно, поэтому и существует масса примет. Кто-то считает их надуманными и намеренно их нарушает. Другие неуклонно следуют им. Например, перед прыжками нельзя фотографироваться, бриться, стирать носки и футболку, прыгать в новой одежде...

– Отказ техники – это скорее не судьба, а стечениe обстоятельств, – считает Самсон Осипов. – Конечно, и в инструкции всего не предусмотришь. У меня дочка так разбилась. Она уже опытная была, прыгала в молодежной сборной. Отказал основной парашют. Она действовала по инструкции – отцепила его и раскрыла запасной. «Медуза» зацепилась за оставшиеся в ранце концы основного парашюта, запуталась в них, и запасной

купол не вышел. Я потом долго добивался, чтобы изменили инструкцию: при полном отказе надо сначала открыть запасной, и только потом отцеплять основной. В конце концов со мной согласились, и больше таких случаев не было.

КАК ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Раннее утро, а солнце печет уже вовсю. Ветра нет. Кажется, что жизнь на аэродроме течет неторопливо. Но это впечатление обманчиво. Она подчинена жесткому ритму и напоминает четко налаженный конвейер. Взлет, прыжок, укладка парашюта и снова – взлет, прыжок, укладка парашюта, взлет... Самолет еще не приземлился, несколько спортсменов еще находятся в воздухе, а на старте уже ждет следующая команда.

Самсон
Осипов

– Первый прыжок – это такой восторг! – вспоминает она. – Страха у меня не было, только волновалась. Это как первая любовь. Когда ее встречаешь, сильнее бьется сердце, но ведь это не страх, а волнение. Когда открылся парашют, наступила звенящая тишина. Хотелось крикнуть: «Я лечу!»

У Андрея Шемякина из Тюмени после первого прыжка были другие впечатления:

– Я его почти не помню. А вот второй – очень страшно. Я до тысячи прыжков боялся прыгать, каждый раз через себя переступал.

Андрей работает в авиационно-спасательном центре. Его задача – поиск и спасение терпящих бедствие воздушных судов. Занимается купольной акробатикой – одним из самых рискованных видов парашютного спорта.

Евгений Иванов из Харькова старше Андрея, и парашютный стаж у него больше – он начал прыгать более сорока лет назад. Мечтал стать летчиком, но не прошел медкомиссию в летное училище и поступил в техникум. Стал механиком по автомобилям. Из-за провала на медкомиссии его потом не брали и в аэроклуб. Отчаявшись, он написал письмо маршалу Покрышкину – в то время председателю ДОСААФ СССР. Пришел ответ – разобраться и принять. Инструкторы с тех пор звали Евгения не иначе как «писателем», а в аэроклубе он занимается до сих пор.

– Я пытался бросить парашютный спорт, – говорит Евгений. – Но когда не прыгаешь, не хватает чего-то. В клуб приходишь, общаешься, но ты уже чужой... Мне не хочется стареть, и, на мой взгляд, прыжки с парашютом – самое эффективное средство борьбы со старостью.

Евгению 60 лет. Он планирует прыгать до 70.

– Хотя, может быть, это уже нахальство, говорят же: хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. В общем, чтобы не смешить его, поставлю пока отметку – 65.

У парашютистов нет слова «последний», вместо него они всегда говорят – «крайний»

Дмитрий Абрамов из Донецка занимается парашютным спортом 48 лет. Он, как и Евгений, мечтал стать летчиком, записался в парашютную секцию. Но первый прыжок изменил все планы. Он понял, что лучше быть один на один с небом, видеть под ногами землю, а не пол самолета. Ощущать руками воздух, а не держаться за штурвал. И сейчас у Дмитрия уже около 7 тысяч прыжков.

По специальности он – горный электромеханик. Преподавал, работал в НИИ, объездил всю Сибирь с командировками. Сейчас Дмитрий на пенсии.

– Что меня заставляет прыгать? А что заставило приехать сюда?

Нина
Очеретянaya

Мы еле выживаем, куча долгов за коммуналку... Кое-как наскреб денег, приехал сюда. Это уже потребность и состояние души. Я годами уезжал на аэродром в мае и возвращался в сентябрь и чувствую за это вину перед семьей. За то, что дочке уделял мало внимания. Поэтому я у жены подкаблучник, и горжусь этим. Любой их каприз – для меня закон. Кроме одного – я не бросаю прыгать.

Во времена молодости Дмитрия в аэроклубах прыгали бесплатно, и среди парашютистов была сильная конкуренция. Как правило, за сборную страны или республики не выступали люди старше 30 лет – их вытесняли более сильные молодые спортсмены. Прыгать начинали с 16 лет, а в 23–24 года человек считался уже «старым» и неперспективным для парашютного спорта. Сейчас ситуация изменилась. До сих пор за сборную выступают спортсмены, сделавшие свои первые «шаги» еще в советское время. И если раньше выбирали лучших среди молодежи, скажем из ста человек, то сегодня – из десяти. Прыжки с парашютом стали платными, стоят они дорого. И многие ребята не могут

добиться высоких результатов, если у них нет денег, ведь мастерство напрямую зависит от количества прыжков.

– Если мне сейчас скажут: «Надень парашют и прыгни в чистое поле». Я спрошу: «Зачем?» – говорит Дмитрий Абрамов. – Это все равно что взять дробовик, выйти в чистое поле и выстrelить в воздух. Тысячи прыжков уже достаточно, чтобы напрыгаться. Соревнование – вот что интересно и затягивает. Борьба с соперниками и собой... Хотя я давно уже соревнуюсь сам с собой. Платить деньги за то, чтобы с кем-то бороться – какой в этом смысл? А вот бороться с самим собой – это самосовершенствование и самоутверждение.

СУДЬБЕ ВОПРЕКИ

Самолет взлетает, я стою между креслами пилотов и в окно кабины вижу, как упливает «старт», аэропорт, развалины терминалов... Слева, за штурвалом – Анатолий Сырчин, на этих соревнованиях он выступает в качестве основного пилота, сзади, в салоне – плечом к плечу, вдоль бортов сидят парашютисты. Одни из них смотрят в окно, другие – сосредоточенно перед собой. Кто-то закрыл гла-

за, словно утром едет в автобусе и ловит каждый момент, чтобы еще немного поспать.

– Падение неестественно для человека, поэтому многие испытывают страх, – говорит кинооператор из Москвы Вячеслав Макарьев. – А для меня полет – удовольствие. Парашютный спорт – это красиво, и он хорош тем, что заниматься им можно всю жизнь.

Вячеслав открывает дверь, смотрит вниз, чуть ли не высунувшись в зияющий проем. Звучит сирена. Пятеро парашютистов один за другим выпрыгивают из самолета. Все происходит как-то обыденно. Как будто в трамвае объявили остановку и пассажи-

Не зря шутят: «Парашютист три минуты орел, а остальное время – лошадь». Ведь парашют весит более 10 килограммов

Дмитрий
Абрамов

ры вышли. За ними закрывают дверь, и Ан-2 уходит на разворот, чтобы снова вернуться на точку выброски. Мне разрешают сесть в салоне на освободившееся, ближнее к кабине летчиков сиденье. Самолет, сделав круг, ложится на прямой курс. Вячеслав вновь открывает дверь. До нее далеко, но я ногами и руками цепляюсь за сиденье. Сирена. В салоне я осталась одна. В двух метрах зияет открытый проем... Хоть бы за что-нибудь привязаться... В шаге от меня кабина пилотов, делаю над собой невероятное усилие – встаю и возвращаюсь туда. Идем на посадку. Выхожу, навстречу, в самолет, спешит следующая команда парашютистов...

На «старте» сразу бросился в глаза отцепленный купол, лежащий в стороне от остальных. Что-то не так... Рядом с матом несколько спортсменов склонились над человеком, лежащим на земле... Это Рафхат Даиров. Он из Астрахани, через месяц будет отмечать золотую свадьбу, на его счету уже более 3 тысяч прыжков.

– Пережал купол, стремясь попасть в цель, и сильно ударился о землю, – объясняют мне. – До конца боролся за результат.

Рафхата попытались освободить от подвесной системы, но ма- лейшее движение доставляло ему боль, поэтому оставили все как есть до приезда врачей. Мат отодвинули в сторону. На него один за другим приземляются парашютисты.

Пришла врач с местного аэро- дрома. Сделала обезболиваю- щий укол. Приехала скорая. Врачи склонились над Рафхатом. Его переложили на носилки... В больнице ему сделают рентген и поставят диагноз – перелом трех позвонков. Необхо- дима операция.

Словно два фильма, идущие одновременно на разных экра- нах, существовали на аэродро- ме две реальности. Одна – дра- матичная, с сиреной скорой. В другой – все было спокойно, жизнь текла размеренно, как будто ничего не случилось. Это никак не укладывалось у меня в голове...

– На твоих глазах произошла маленькая трагедия, – объяс- няет Марат Санаев. – Но мы-то к этому привыкли. У меня пра- вая рука короче левой и до кон- ца не распрямляется. Не заме- тил тоненький провод. Налетел на него куполом, он сложился, и я с высоты третьего этажа – об асфальт. А эти два белых камушка на моей подвеске – в память о моих погибших на прыжках друзьях.

Марат приехал из города Стрежевого Томской области. С 2007 года он не пропустил ни одного из ветеранских соревнований. И многим из его коллег-па- рашютистов, приехавших в Абха- зию, подобные истории знакомы неональщике.

Когда Светлана Окунева полу- чила травму, врачи не замети- ли на снимке, что у нее сломан позвоночник, сказали: «Ниче- го страшного. Пройдет». Острая боль и правда вскоре прошла, а через две недели она уже уча- ствовала в соревнованиях, пры- гала до конца сезона. Пока не стало совсем плохо... Если бы диагноз поставили правильно, возможно, не было бы таких последствий...

Задача в прыжках на точность приземления – попасть в мишень диаметром 2 сантиметра

– Пока я не приземлюсь, испы- тываю сильную боль. Но я все равнно прыгаю. Умом понимаю, что не надо бы уже, а душа-то рвется. Это нельзя объяснить, можно только ощутить. Выхожу из самолета, ложусь на поток и лечу как птица. Возникает такое чувство восторга и свободы, ко- торое я не испытываю больше нигде. Мне этого не хватает... На крайнем прыжке мне сильно за-

вернуло потоком руку назад, и я с большим трудом смогла ею до- стать вытяжной парашют. Мне стало страшно – я поняла, что когда-нибудь сделать это не смо- гу. Испугалась не за себя, а за тех людей, которые за меня отвеча- ют. Любая травма в парашютном спорте – это ЧП, оно обязательно разбирается во всех инстанци- ях. Когда я несколько раз трав- мировалась на прыжках ногу, всег- да уходила с аэродрома на своих двоих, хотя знала, что у меня перелом. Потом говорила, что упала дома, зато ни у кого из-за меня не было проблем. Поэтому и приняла тяжелое решение – закончить прыгать. Но все рав- но я надеюсь, что все-таки най- ду врача, который мне поможет, тогда я восстановлюсь и вернусь в парашютный спорт...

Иногда можно долго рассказы- вать об аварийной ситуации, но происходит она за считаные се-

Марат
Санаев

кунды. Таких случаев, как у Владимира Рубана, в истории парашютного спорта – единицы. Владимиру 69 лет, он работает парашютистом-испытателем на авиационном заводе в Харькове. На показательных выступлениях по купольной акробатике парашютисты собирали «этажерку» – это когда несколько куполов выстраиваются друг над другом. Один из спортсменов сделал ошибку. Владимир проскочил сквозь стропы его парашюта, и они обручили его. Коллеге, что держал их купола, ничего не грозило, все трое мог-

ли бы безопасно приземлиться, но он испугался и их отпустил...

– Я не мог открыть запасной парашют. Купол скрутился надо мной в толстый жгут, – рассказывает Владимир. – Началось вращение. Я подумал: это хорошо, значит, ударит об землю по катательной, центробежные силы смягчат удар, главное, чтобы не вертикальное падение, при котором шансов выжить нет. До земли оставалось метров сто, и я уже ничего не мог сделать, только приготовиться к встрече с ней. Удар был настолько сильный, а боль такая адская – не пе-

Рафкат
Дайров

Владимир
Рубан

редать... Первая мысль: парализовало или нет? От боли не мог даже шевельнуться. Но понять надо, пришлось ее преодолевать. Вроде пальцы ног и рук шевелятся. Тогда уже расслабился и стал ждать, когда ребята подойдут. Они обступили меня. Я послушал, как они сокрушаются. Им даже не пришло в голову, что я жив. К этому моменту той, изначально острой боли уже не было, и я рукой отодвинул тряпки с лица...

На вертолете Владимира доставили в ближайшую больницу. Сделали снимок. Врач не заметил, что сломаны три позвонка, заверил: «Ушиб, пройдет». Владимир неделю полежал дома и вышел на работу. Боль не проходила, но он начал снова прыгать. И только через несколько месяцев, когда совсем прихватило, пошел в поликлинику и узнал, что у него сломан позвоночник.

– Врачи сказали, что о парашютном спорте я должен забыть на всегда, иначе стану инвалидом. Но я до сих пор прыгаю, вот уже более двадцати лет.

Ограничений по возрасту в парашютном спорте нет, но с годами любому человеку становится прыгать труднее. Реакция замедляется, кости более хрупкие, появляются проблемы с суставами. Да и старые травмы дают знать о себе. Чем старше спортсмен, тем больше рискует он, прыгая.

– Конечно, это все понимают, – говорит Самсон Осипов. – И я тоже. Парашютный спорт – это как наркотик, мы всю жизнь прыгаем, живем этим. Хотя понимаем, что каждый прыжок может быть последним.

Перед поездкой на соревнования мне говорили: «Ты там смотри, не вздумай сама прыгнуть с парашютом». Я и не собиралась. Да и эмоции в моем сне были так сильны, а краски – так ярки, как будто все происходило наяву. Даже если бы предложили, я ни за что бы не согласилась. А когда уезжала в Москву, подумала: «Может, надо было и правда попробовать...»

УГОЛ РАЯ

АВТОР

ИРИНА ИВИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЛЕТОМ 1921 ГОДА КРЕСТЬЯНЕ ДОТЛА СОЖГЛИ ДОМ БЕКЕТОВЫХ, ХОЗЯИНОМ КОТОРОГО НА ТОТ МОМЕНТ БЫЛ АЛЕКСАНДР БЛОК. ОНИ РАСТАЩИЛИ ВСЕ, ЧТО СМОГЛИ – ДАЖЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ПОСТРОЙКИ ВО ДВОРЕ. И ПОПЫТАЛИСЬ СКРЫТЬ ВОРОВСТВО. А ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ В ПЕТЕРБУРГЕ, И БЕЗ ТОГО ИСТОЩЕННЫЙ И ИЗМУЧЕННЫЙ, УМИРАЕТ И САМ ПОЭТ, ЛЮБИВШИЙ ШАХМАТОВО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛЮБОЕ ДРУГОЕ МЕСТО НА ЗЕМЛЕ.

КСЧАСТЬЮ, ШАХМАТОВО удалось восстановить. В 2001 году усадебный дом вновь открыл свои двери – теперь уже как мемориальный музей-заповедник. С документальной точностью здесь восстанавливали каждую деталь, даже рисунок на обоях в доме такой, каким его описала в своих воспоминаниях тетушка Блока – Мария Бекетова.

УСАДЬБА РЕКТОРА

Впервые Александра Блока привезли в имение деда, Андрея Николаевича Бекетова, шестимесячным младенцем, и он проводил здесь каждое лето вплоть до ухода на фронт

в 1916 году. А вот зимой он в Шахматове никогда не бывал. Мы же, напротив, оказались здесь, когда весь двор был усыпан рыхлым снегом, а перед домом стояла новогодняя елка.

Директор музея
Светлана
Михайловна
Мисочник

– Жаль, что вы зимой приехали, летом у нас в Шахматове невероятно красиво! – говорит директор музея Светлана Михайловна Мисочник. – А какие запахи здесь весной: прямо у ворот так приятно пахнет жасмином, напротив дома расцветает сирень – все как при Александре Александровиче...

Но расстраиваться нам не пришлось: начало зимы в Москве выдалось на редкость слякотным, а в запорошенной снегом области уже тогда было хорошо и морозно. Прямо за калиткой нас встретил согревающий дровяной дух – и сразу же стало ясно, что даже печку здесь топят по старинке.

В 1874 году хозяином усадьбы стал ректор Санкт-Петербургского университета Андрей Николаевич Бекетов. В те времена ректорский заработок, как бы странно это сейчас ни звучало, не позволял жить на широкую ногу профессору из старинного, но обедневшего дворянского рода, поэтому приобрести дом для своей большой семьи Бекетов смог, лишь получив наследство от дядюшки. Найти подходя-

щий участок ему помог старый университетский друг – академик Дмитрий Иванович Менделеев, который неподалеку отсюда уже купил себе имение Боблово. Тогда, в 1874 году, никто еще и подумать не мог, что в будущем это соседство соединит две профессорские семьи.

Итак, выбор Бекетова пал на Шахматово – часть когда-то огромного поместья Ших-Ахмата, перешедшего на службу русским князьям еще при Дмитрии Донском. Скромное, но добротное имение с небольшим прудом и лесом приобрели недорого – за 5 тысяч рублей серебром. В автобиографической поэме «Возмездие» Блок потом напишет: «За гроши купили угол рая». И уже в 1875 году Андрей Николаевич Бекетов с женой Елизаветой Григорьевной и четырьмя дочерьми приезжают сюда на лето.

Хозяйство вела исключительно Елизавета Григорьевна. Ее дочь Мария писала: если кто-то из соседних крестьян спрашивал что-то у отца, он отмахивался и говорил: «Обратитесь к барыне, я здесь отыхаю». Обычно из деревни нанимали 10–15 человек в помощь, в первую очередь кухарок, для которых отводилась отдельная пристройка во дворе. Попасть к Бекетовым, которые исправно платили, кормили и одевали, было крайне престижно – но и сложно. Еде в семье уделяли особое внимание, как вспоминала Мария, существовал даже «культ гастрономии» со своими правилами и ухищрениями. Через много лет работники музея по крупицам собрали тетрадь подлинных семейных рецептов, а там – жареный заяц, пеклеванный хлеб и даже «булки превосходные»!

Но и сами хозяева не боялись работы: занимались огородом, запасались соленьями на зиму, варили варенье, которым потом угождали и петербургских студентов. Елизавета

Мать поэта
Александра
Андреевна
в молодости

Столовая,
в которой
собиралась
вся семья
Бекетовых-Блок

Николаевич работал над научными трудами, часто ходил на прогулки в лес и собирал гербарий.

В 1881 году в Шахматово привозят и мальчика Сашуру – его вместе с матерью Александрой Андреевной поселили во флигеле, по соседству с крошечной комнаткой прабабушки, Александры Николаевны Карелиной. Мать будущего поэта буквально сбегает от мужа с младенцем на руках: отец Бло-ка, Александр Львович, хоть и поражал окружающих своим ярким талантом ученого-юриста, игрой на фортепиано и по-настоящему демонической внешностью (вспоминали даже, как Федор Достоевский на одном из светских вечеров поинтересовался, кто сей красавец. – Прим. авт.), характер имел несносный. Вот только выяснилось это уже после свадьбы.

После рождения сына отношения супругов и вовсе испортились. Андрей Николаевич Бекетов предложил дочери вернуться в отчий дом и потом еще долго писал зятю письма с требованием дать Александре развод. С судебным разбирательством Бекетову будет помогать другой зять – Адам Кублицкий-Пиотух, за родного брата которого, Франца Феликсовича, Александра Андреевна потом выйдет замуж.

«МЕСТО, ГДЕ Я ХОТЕЛ БЫ ЖИТЬ»

Для Александра Блока усадьба Шахматово стала настоящим символом большого и гостеприимного семейного дома. Петербургские квартиры поэта были съемными и часто менялись, а в Шахматово он традиционно приезжал каждый год – если не считать последних, самых тяжелых четырех лет жизни. Когда в свои 16 лет Блок отвечал на вопросы анкеты «Признания», он даже назвал Шахматово местом, где хотел бы жить. Здесь, юный и влюбленный, он написал немало стихов о своей Прекрасной даме – Любови Дмитриевне Менделеевой, вместе с которой играл в любительском домашнем театре в имении ее отца Боблово. В Шахматово поэт приглашал своих самых близких друзей: Андрея Белого, Сергея Соловьева, Евгения Иванова. Крестьяне много лет спустя вспоминали, как из распахнутых окон голубой гостиной доносился голос оперной певицы Любови Дельмас – той самой Кармен, которой Блок посвятил цикл стихотворений.

Большинству людей Блок петербургский представляется таким рафинированным интеллигентом, загадочным мистиком с томным взглядом в темном плаще и шляпе. Блок же шахматовский – совсем другой: он по-хозяйски объезжает усадьбу на коне, может и в огороде поработать, с самого детства ловко переплетает книги вручную, не чурается физического труда и ходит в косоворотке. Таким его и изобразил рядом с женой Любовью Дмитриевной скульптор Александр Рожников. Скульптура его работы стоит ныне у церкви Михаила Архангела в селе Тараканове, где венчались Александр Блок и Любовь Менделеева.

После ранней смерти тетушки Екатерины Андреевны Блоку-гимназисту отдали ее комнату в мезонине – в память об

За этим столом работала хозяйка дома, переводчица Елизавета Григорьевна Бекетова

Комната деда, Андрея Николаевича Бекетова

умершей при родах старшей, самой любимой дочери профессора Бекетова на столе стоит ее портрет.

Второй этаж дома украшали разноцветные итальянские окна: «Цвет стекол – красный, желтый, синий», как потом вспоминал Блок. Много лет спустя по пестрым стекольным осколкам, которые откалывали археологи, опознавали место, где стоял барский дом...

ШАХМАТОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

А нам тем временем показывают двор усадьбы. Первым нас встречает серый кот Бонька, он же Бонифаций – плюшевый толстячок бежит к гостям и ласково трется об ноги. Но когда из конюшни выводят белую лошадь, Бонифаций скрывается под санями.

– Седлайте коня, – командует мне Светлана Михайловна и

добавляет: – Не бойтесь, Ластик добрый, он самый спокойный из всех наших лошадей.

Я покорно соглашаюсь и неловко вскарабкиваюсь в седло. С новой высоты вижу, как во дворе появляются собаки – в Шахматове живут хаски и маламуты. При Блоке в Шахматове тоже держали собак, но таких пород точно не было. Тайга, нынешняя обитательница Шахматова, как это ни удивительно, очень любит яблоки, ее часто угощают кисло-сладкими дольками. Заметив это, Ластик возмущается и требовательно фыркает, пугая меня...

...Белый конь был и у самого Александра Блока. Поэту нравились конные прогулки, когда он мог и Шахматово обехать, и в соседних имениях побывать. Часто гостил он и в Боблове – в доме профессора Менделеева, отца своей Прекрасной дамы и невесты Любови Дмитриевны. Дед с бабушкой не дожили до свадьбы любимого внука всего один год – обоих не стало в 1902-м. Последние дни Андрея Николаевича прошли все в том же Шахматове, однако решено было отправить гроб с телом ученого в Петербург, где его встретил Менделеев. Елизаве-

та Григорьевна пережила мужа всего на три месяца...

Уже в 1903 году Александр Блок привозит в усадьбу молодую жену. А в 1910-м, когда он получает наследство от умершего в Варшаве отца, выкупает у тетушек принадлежащие им части имения в пользу матери, становясь полноправным хозяином Шахматова, и решает пристроить по комнате для себя и Любови Дмитриевны. Комнатка в мезонине с цветными стеклами становится просторной библиотекой.

Даже став известным поэтом, Блок продолжает приезжать на лето в любимое Шахматово.

Библиотека в мезонине, как и сто лет назад, украшена итальянскими цветными окнами

Вдохновляясь русским пейзажем, записывает строчки в маленькие книжечки, чтобы уже потом облечь стихи в идеальные формы – всего в усадьбе он написал около 300 стихотворений. В перерывах между разъездами и гастролями (Любовь Дмитриевна играла с труппой Мейерхольда. – Прим. авт.) ему помогает жена: редактирует и переписывает сочинения Блока. Известно, что семейная жизнь пары была крайне необычной: от своей Прекрасной дамы поэт ждал лишь платонических отношений, при этом оба не стесняясь заводили многочисленные связи на стороне. А вот роль хозяйки дома Любовь Менделеева взяла на себя в полной мере – шахматовский сад наполняется запахами ее любимых роз, вербены и девичьего винограда, который и сегодня украшает фасад флигеля. После открытия дома-музея в Шахматово стали возвращать подлинные вещи хозяев, многие из которых сегодня представлены в экспозиции. Так, из США вернулось покрывало Любови Дмитриевны Менделеевой с французскими кружевами, вывезенное из страны семьей Набоковых. Жена Блока

«Признания»
16-летнего Блока

коллекционировала изысканные кружева и фарфор, над чем сам поэт в сытые предреволюционные годы подшучивал. Он утверждал, что покупать можно только книги и предметы первой необходимости, а ведь именно эта коллекция кружев и фарфора через несколько лет согрела и накормила его в Петрограде.

Гостиная с неизменно голубыми обоями

Юные Блок и Менделеева – актеры любительского театра усадьбы Боблово

МУЗЫКА РЕВОЛЮЦИИ

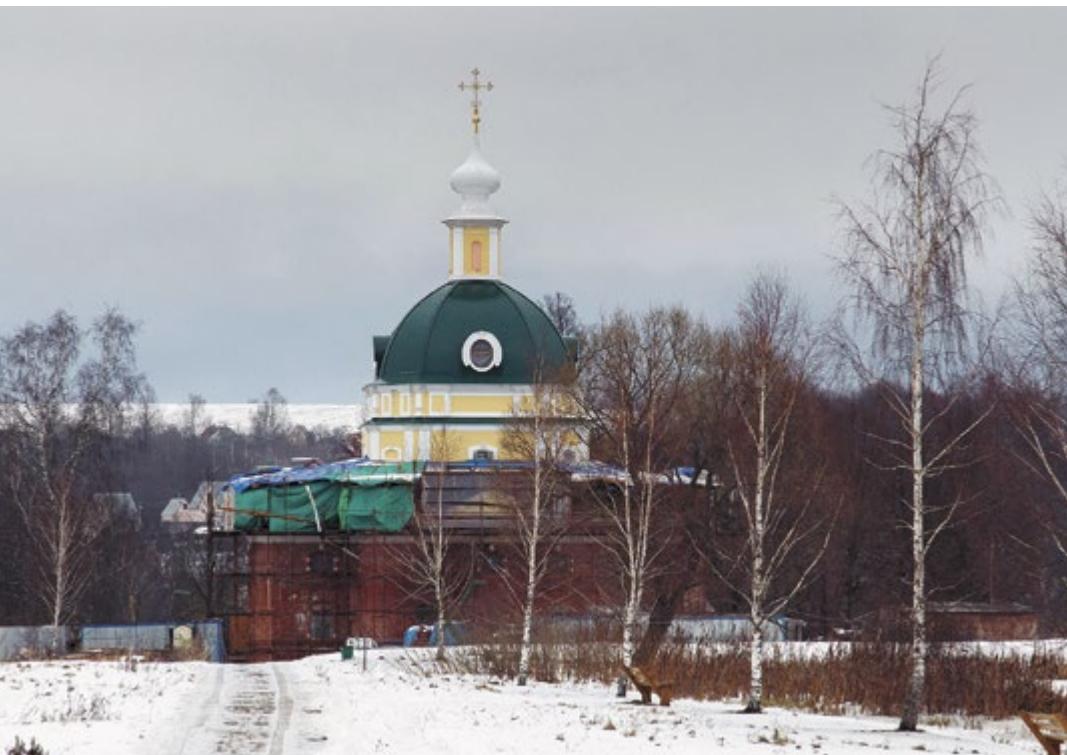
Неслучайно свой новый кабинет Блок располагает у библиотеки. Другу Евгению Иванову он пишет: «Лучшая пора жизни – ночью перед сном, когда все тихо, – читать в постели – тогда иногда чувствуешь, что можно было стать порядочным человеком». Сюда поэт привозил некоторые книги из своей основной, петербургской библиотеки, как вспоминала его тетушка Мария, «для приятного чтения летом». После революции в один только клинский районный коллектор было передано пять подвод с книгами Блока! А значительная часть собрания была вовсе потеряна и растасчена крестьянами по домам.

В 1916 году привычный бег жизни прерывается: Александр Блок уходит на фронт, его жена еще раныше, в 1914-м, становится сестрой милосердия. Пустеет и родное Шахматово. Потом в семье, где еще ректор Бекетов частенько задумывался над либеральными идеями, живо и с восторгом принимают революционный переворот октября 1917-го. Воодушевлена даже мать Блока – жена генерала Феликса Кублицкого-Пиотух, который тихо скончался от воспаления легких в 1920 году. Сам же Блок, к примеру, чувствуя вину за вековые страдания крестьян, утверждает, что интеллигенция не только может, но и обязана принять революцию, начиная активно сотрудничать с новой властью, появляется его знаменитая поэма «Двенадцать».

В год революции в Шахматово в последний раз приезжают мать и тетушка Блока – но уже ничего не могут забрать. Имение угасло, его грабили местные крестьяне, а записные книжки поэта покрывались «следами человеческих копыт». Александр Александрович очень тяжело переживал утрату любимой усадьбы, порой даже просыпался от слез и воспоминаний о детстве и семье.

В холодном Петрограде не хватало денег, еды и дров. Блок вспоминал, что пришлось даже скрять старенький шкаф – «детство его и мамино», Любовь Дмитриевна распродавала личные вещи, чтобы помочь мужу и свекрови – после смерти отчима Блока жили вместе. Поэт, некогда с восторгом слушавший музыку революции, разочаровался в ней и теперь просил жену убрать опрометчивую поэму «Двенадцать» с глаз долой, уничтожить ее публикации

и часть своего архива. От голода и переживаний у него обострились болезни сердца.

А разграбленное Шахматово крестьяне, пытаясь скрыть следы воровства, и вовсе решили сжечь: подговорили мальчишек, которые подожгли опустевший дом и дворовые постройки. Через две недели после этого не стало и самого поэта...

СТО ЛЕТ СПУСТЯ

В сегодняшнем Шахматове сложно распознать новодел – настолько умело восстановили усадьбу. Впервые о создании музея стали говорить в год столетия поэта, и в 1984 году, можно сказать, в чистом поле, наконец открылся музей. Пришлось даже проводить археологические раскопки, чтобы

До сих пор идет реставрация церкви Михаила Архангела, в которой венчались Александр Блок и Любовь Менделеева

понять, где именно стоял дом. Многие гости ошибочно считают, что на это указывает огромный валун у ворот, но это не так. Камень лишь обозначает место блоковской поляны, на которой долгое время собирались люди, чтобы почтить стихи любимого поэта.

Постройки воссоздавали по воспоминаниям членов семьи Блока, в первую очередь Марии Бекетовой, собирали рисунки и фотографии. Еще были живы местные, помнившие прежнее Шахматово и его хозяев. Например, крестьянка Екатерина Можаева когда-то мыла в усадьбе полы и могла узнать даже половицы дома! От нее подарена музею шахматовская лубочная картина по мотивам русских народных сказок – теперь она украшает комнату кухарки. Фонд музея пополнялся некогда украденными предметами, возвращали и подарки, которые хозяева усадьбы дарили, например, на свадьбу.

В конце концов в 2001 году завершилось строительство дома-музея. Теперь на очереди – менделеевское Боблово, тоже разграбленное и сожженное, и барочная церковь Михаила Архангела XVIII века, где отпевали Андрея Николаевича Бекетова и венчался Александр Блок. Говорят, через пару лет откроются и они.

А Шахматово тем временем продолжает жить как и при семье Бекетовых-Блок. Все так же весной усадьба наполняется чарующими запахами вербены, сирени и роз. Работники музея готовят для гостей блюда по рецептам из старинных кулинарных тетрадей, но приглашают к себе не всех, смотрят, для кого можно открыть двери своего Шахматова! Вот нам с фотографом Александром Бурым повезло: нас этой зимой угостили ароматным вареньем из местной клубники и отогрели у растопленной дровяной печки после долгой прогулки по блоковским местам. ●

Памятник поэту и его Прекрасной даме работы скульптора Александра Рожникова

ПРАВИЛЬНЫЕ ПЧЕЛЫ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

В САМЫЙ РАЗГАР ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА 1998 ГОДА В ГОСДУМЕ ГОРЯЧО ОБСУЖДАЛИ ЗАКОНОПРОЕКТ «О ПЧЕЛОВОДСТВЕ»: ПОЧЕМУ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЗАКОНЫ О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЧЕЛОВОДАМ МАЛОПРИГОДНЫ, В ЧЕМ ОТЛИЧИЕ КОРОВЫ ОТ ПЧЕЛЫ И КАК ГОНЯТЬСЯ ЗА РОЯМИ? НАРОД, СЛЕДЯ ЗА ЭТИМИ ДЕБАТАМИ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ, ПОТЕШАЛСЯ: ДОЛЛАР ПОДОРОЖАЛ В ТРИ РАЗА, А ОНИ – ПРО ПЧЕЛ!

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛИ неравнодушины к пчеловодству с древности: еще в «Русской Правде» князя Ярослава Мудрого несколько статей посвящено бортничеству. Правда, продукты пчеловодства в те времена имели значение, несравнимое с нынешним: мед и воск издревле были одной из главных статей экспорта на Русь. Сохранились сведения, что в XVI веке на рынках Гамбурга среди товаров из Рос-

сии мед уступал только мехам и льну. В 1775 году «бортевые и пчельные угодья» в очередной раз появляются в законодательном акте: Екатерина Великая повелела освободить всех «пчеляков» от любых «сборов». А за несколько лет до того наука впервые коснулась этой важнейшей отрасли народного хозяйства: исследования проводил первый «природный русский» член-корреспондент Петербургской академии наук Петр Иванович Рычков.

Петр Иванович Рычков, чиновник, географ, краевед, первый в России ученый-исследователь пчеловодства

БОРТЬ, КОЛОДА И КУРИЦА

В конце 1760-х годов Рычков изъездил нынешние центральные области России, Южный Урал, Среднее и Нижнее Поволжье, изучал устройство ульев и пасек, работу «пчеляков», записывал их личные наблюдения и приметы – собирая, как говорится, фактический материал. В те времена еще не существовало привычных сейчас рамочных ульев. Пчел держали в бортах – дуплах деревьев естественного или рукотворного происхождения; а также в колодах – отдельно стоящих коротких спилах стволов с пчелиными гнездами внутри. Вскрывали такой улей редко – слишком уж болезненным был этот процесс для пчел и пчелово-

да. Для понимания того, что происходило в гнезде, пользовались всякими ухищрениями. Весной, например, протыкали тонкой палочкой соты в нескольких местах – проверяли, достаточно ли осталось меда. В случае необходимости подкармливали пчел: из краюхи хлеба извлекали мякоть, заливали туда мед и клади в улей.

О биологии пчелиной семьи бортники тех времен имели туманные представления. Никто, например, не мог объяснить Рычкову, как пчелы спариваются. И очень удивлялись, когда учений пересказывал им статью европейского исследователя, утверждавшего, что только матка является биологически полноценной самкой и только она спаривается с трутнями. У «пчеляков» тех времен просматриваются некоторые догадки о «летней» и «зимней» пчеле. Дело в том, что у пчел существует очень строгая зависимость между активной работой и продолжительностью жизни. Летом, когда нагрузки максимальны – сбор пыльцы, нектара, прополиса, воды, – пчела живет чуть более месяца. А во время зимовки, когда фактически никакой серьезной работой не занимается, остается физиологически молодой – 7–8 месяцев.

Забавно читать разные поверья «пчеляков», которые Рычков воспринимал, за неимением исследований, вполне всерьез. В Арзамасе, к примеру, гонялись за

Альфир Габдуллович Маннапов жизнь посвятил пчеловодству – доктор биологических наук, профессор, автор более шестисот научных работ

роями, стуча что есть силы в косы и сковороды – уверены были, что от такого шума пчелы спускаются ниже. Один татарин рассказывал, что лечит ослабшие пчелосемьи курятиной. Потрошит курицу и ставит ее на вилке в улей – пчелы обгладывают мясо и выздоравливают. Не раз ученному приходилось слышать, что пчелы не прочь подкормиться падалью, которую они тоже «в мед переделывают». А в Симбирской губернии с пасеки в 200 ульев вдруг исчезли все пчелы. «Ворожей» предсказал «пчелякам», что они вернутся. И действительно, через две недели пчелы вернулись – «окровавленные». Еще через неделю кровь из ульев исчезла, и соты наполнились медом. Решили, что пчелы летали в соседний край на массовый падеж скота, повысасывали из коров нужные соки и таким образом принесли много меда. Позднее Рычков у себя в деревне проводил эксперименты на тему «пчел и мяса». Как учит татарин, поставил в улей курицу на вилке. Пчелы сторонились туши, пока она не испортилась, затем обгладали ее до костей. Но запаха нестерпел и сам учений. Не доведя эксперимент до конца, он выкинул курицу из улья вон.

Рычков приводит редкие статистические данные о продуктивности бортевого пчеловодства. С обычной пчелиной семьи собирают 8–12 килограммов меда в год, с плохой – 4 килограмма, редкая сильная семья дает до 16 килограммов. Для сравнения: сейчас в центральной полосе России с хорошей пчелиной семьи собирают 50 килограммов меда, не так уж редки случаи, когда семья дает 70–80 килограммов меда. В этом смысле бортье рамочному улью не конкурент. Уже давно колоды и борти стали редкостью – их можно увидеть в подсобных хозяйствах любителей старины и в некоторых заповедниках. Общедоступные для обозрения колоды с пчелами стоят в Москве, на учебно-опытной пасеке Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Посадка роя в улей. Во времена Рычкова «пчеляки» сгребали рои «ковшиком в лукошко»

«ПРОРОЧЕСТВО ЭЙНШТЕЙНА»

Пасечная улица в Северном округе Москвы – мир совсем не-столичный, какой-то своеобразный, учебно-деревенский. С одной стороны улица граничит с большим лесопарком, с другой – тянутся старые застекленные теплицы, покосившиеся деревянные домики, сельскохозяйственные строения, сады, огороды, учебные здания... Неподалеку – пчелиная пасека. Появилась она здесь в 1868-м – спустя три года после основания сельскохозяйственной академии (тогда она называлась Петровской). На пасеке есть несколько старых колод. Одна из них – с живущими пчелами – стоит прямо у входа на кафедру пчеловодства.

Заведующий кафедрой Альфир Габдуллович Маннапов встретил меня радостной новостью: в 2021 году Международный конгресс по пчеловодству пройдет в России. «В последний раз такого рода мероприятие проводилось у нас в 1971 году, – говорит он. – И это в стране с такими богатыми пчеловодческими традициями! В России сегодня содержится около 4 миллионов пчелосемей – это второе место в мире. Собственно, благодаря полувековому юбилею последнего конгресса в Москве нашим представителям и удалось добиться права проведения этого крупнейшего форума пчеловодов».

Актуальных проблем для обсуждения на конгрессе хватает: болезни пчел, эпидемии, влияние современных методов ведения сельского хозяйства, сохранение традиционных пород пчел... И все это – очень серьезные темы.

Вот, например, варроатоз – болезнь, являющаяся одной из главных проблем пчеловодов. А также – пугающий пример того, к чему может привести глобализация. Клещ варроа жил себе тысячи лет на пчелах в одной только Индии. И вот за каких-то полстолетия он завоевал весь мир. Теперь всякая пасека в Евразии, Африке, Северной и Юж-

«Улей Прокоповича» и колода, сделанная Альфирам Маннаповым

ной Америке по умолчанию считается зараженной в той или иной степени этим клещом. В наши дни варроатоз появился и в Австралии – последнем континенте, считавшемся огражденным от болезни. В России клещ варроа впервые был зафиксирован в 1954 году в Приморье, в 1976-м он добрался до Башкирии и за последующие двадцать лет заполонил всю Европу. Альфир Габдуллович говорит, что свободные от варроатоза пасеки он встречал только в глубинах Сибири у староверов.

«Синдром разрушения пчелиных семей», или «коллапс», – явление новое и пока малоизу-

ченное, впервые описанное в научной литературе в 2006 году. Наблюдается в основном в Европе и США. Пчелы просто погибают всей семьей или бросают ульи, разлетевшись неизвестно куда. Альфир Маннапов считает причиной коллапса пестициды класса неоникотиноидов. В Европе сейчас почти все подобные пестициды использовать запрещено – видимо, проводились исследования, доказавшие их губительное влияние на флору и фауну. А уже произведенные тысячи тонн неоникотиноидов продали в Россию. «В 2014 году к нам обратились пчеловоды из Владимирской области, –

На летке можно разглядеть, насколько семья заражена варроатозом – крохотный клещ впивается в грудь или брюшко пчелы

рассказывает Альфир Габдуллович. – У них на пасеке за вторую половину лета вымерли почти все пчелы – около 300 семей. Выяснилось, что рядом с пасекой выращивался рапс с применением неоникотиноидов. Конечно, в таких случаях вымиранию пчел способствуют и болезни – тот же клещ варроа, который высасывает гемолимфу, лишая пчел жизненных сил. А что будет, если пчелы исчезнут? В пчеловодческих кругах любят приводить высказывание, якобы принадлежащее Альберту Эйнштейну: «Если на Земле исчезнут пчелы, то через четыре года исчезнет и человек. Не будет пчел – не будет опыления, не будет растений, не будет животных, не будет человека». На самом деле великий ученый ничего такого никогда не писал, но в этом есть некоторое разумное зерно».

АБОРИГЕНЫ И МЕТИСЫ

Восстановление среднерусской породы пчел – тема, которой Маннапов посвятил много лет исследований. Еще 35 лет назад этот подвид медоносной пчелы был почти единственным в Центральной России. С 1980-х годов сюда стали активно завозить южные породы – прежде всего кавказскую и карпатскую. В итоге сейчас в центральных областях России вся пчела метизирована. «Отсюда и плохая зимовка пчел, – уверен Альфир Габдуллович. – У среднерусской пчелы пищеварительная система устроена так, что позволяет выдерживать зимовку в 7–9 месяцев. Это особенно важно во время холодных затяжных зим. В 1978–1979 годах в средней полосе мороз стоял ниже 50 градусов. В башкирском за-

В учебной аудитории Альфир Габдуллович показывает свою модифицированную рамку, способную помочь пчелам побеждать болезни

поведнике среднерусские пчелы перезимовали нормально, а 50–60 процентов метизированных пчелосемей погибло. Кроме того, традиционная для центральных и северных земель пчела ориентирована на основной взяток – короткий период медосбора, как правило, две недели в начале июля. В южных краях принцип основного взятка отсутствует. А если говорить о взятке с липы, среднерусская пчела не знает себе равных: при благоприятных условиях за две недели сильная семья собирает мед и себе на зимовку, и пчеловоду в количестве 60–80 килограммов.

Диастазное число – один из основных показателей качества меда, показывающий его насыщенность пчелиными ферментами, – у среднерусской породы традиционно закрепилось высокое. Конечно, этот показатель зависит и от медоносов – цветов, с которых пчелы собирают нектар. А также от свежести меда. Однажды в Башкирии мы скачали свежий липовый мед, собранный среднерусской пчелой. Определили диастазное число – получилось 65–70 единиц Готе. Показатель невероятный. По российскому ГОСТу полноценным медом считается продукт с диастазой не менее 7 единиц – в меде с южных пасек этот показатель часто составляет 7–10 единиц. Мы оформили патент на уникальный мед, а через три месяца снова исследовали диастазную активность – получились обычные для башкирского липового меда 18–25 единиц. Нужно сказать, что липовый мед из Центральной России – особое богатство. На европейских выставках рубежа XIX–XX веков он неоднократно занимал призовые места. Несмотря на неконкурентоспособную упаковку – порой мед представляли просто в деревянной тарелке, – дегустационная комиссия признавала наш липовый мед лучшим по вкусу, аромату и всем другим свойствам».

«АНГЕЛЫ» И «БУЯНЫ»

Конечно, липовый мед – это прекрасно, но его успешно собирает не только среднерусская пчела. И лично мне очень понятно, почему в наших краях пчеловоды предпочли среднерусской пчеле «карпатско-кавказскую» – у самого имеется маленькая пасека. Все просто: среднерусская пчела – злобная, карпатка – миролюбивая. С последней многие и без перчаток работают. Даже изъятие меда – если это делать в правильное время – у карпатки не вызывает особого гнева. А среднерусская может гоняться за пчеловодом, не давать ему скакивать мед, жалить всякого, кто попадется ей на пути. По статистике, 80 процентов всех пчел в России содержится именно в личных подсобных хозяйствах.

Совсем разные вещи для семьи в деревне – сесть возле улья без маски, разглядывать в свое удовольствие жизнь ползающих по летку тружениц, прилетающих с нектаром и цветочной обножкой; или бояться подойти к улью ближе, чем на 10 метров, потому что пчелы жалят просто за излишнее любопытство. Конечно, агрессивной может оказаться любая метизированная пчела. Поэтому для многих пчеловодов нет среднерусской, карпатской, кавказской и каких-либо других пчел. Как говорит мой учитель пчеловождения, существуют два рода пчел: «ангелы» и «буяны». Появились «буяны» – меняй им матку на «ангела», и через месяц другой семья подобреет. У промышленного пчеловодства и ученых, понятно, подход иной. Но и на пасеке Тимирязевской академии среднерусских пчел нет – исключительно карпатка. «Среднерусская пчела стала злобной только в прошлом веке, – считает Альфир Маннапов. – Тот же Рычков нигде не отмечает, чтобы пчелы башкир, татар, пермяков – это уж точно среднерусская порода – отличались злобностью. Пишет, что пчельники надевали лицевые сетки, только когда забирали мед. Может быть, пчелы стали злобными из-за появившихся болезней?

Альфир
Маннапов
уверен:
среднерусская
пчела может
быть незлобной,
тогда и на
опытной пасеке
появятся ульи со
среднерусскими
пчелами

Колода
и оригинальный
улей с живущими
пчелами у входа
на кафедру
пчеловодства

Или от того, что их пересадили в культурные рамочные ульи, проигнорировав важные естественные природные составляющие гнездовых построек? До сих пор остались невостребованными изолированные улички, регистрируемые в гнездах семей, живущих в бортах, колодах и дуплах деревьев. При наличии изолированных уочек пчелы способны сами регулировать воздухообмен в гнезде. Этот момент до сих пор является белым пятном в биологии содержания и разведения пчел. Долгое время я проводил исследования в государственном природном заповеднике «Шульган-Таш»

в Башкирии, где среднерусская пчела по-прежнему живет в бортах. Действительно, пчелы там менее агрессивны. Наблюдал, как медведи залезают к диким пчелам. Медведь сует лапу в дупло – первые пчелы вылетают, его не жалят. Только когда медведь начинает ломать соты, пчелы на него набрасываются».

ДЕЛО В РАМКЕ

«Пятнадцать лет мы исследовали в башкирском заповеднике пчелиные семьи, – продолжает Альфир Габдулович. – Распиливали борти, колоды, дикие дупла, пытаясь понять, в чем рамочный улей принципиально расходится с естественным пчелиным гнездом. Установили следующее: в природе пчелы создают изолированные уочки между сотами, тогда как в современном улье между сотами – сквозное движение воздуха во всех четырех направлениях. В природном гнезде продукты жизнедеятельности и углекислый газ скапливаются между сотами в виде биоконденсата. Этот момент очень важен для создания микроклимата гнезда и профилактики болезней пчелиной семьи. В изолированных уочках пчелы могут быстро увеличивать концентрацию углекислого газа, который в гнезде постоянно за счет тяже-

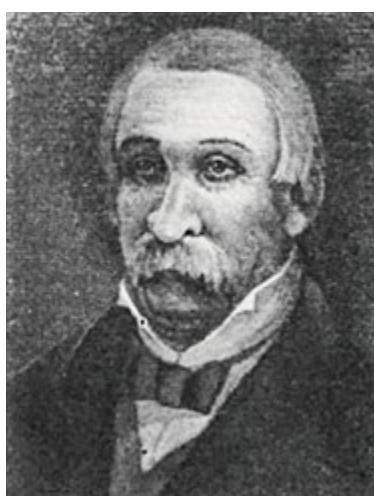

сти опускается вниз, выполняя санирующую функцию – обеззараживает улей, расплод и пчел от всех паразитов.

Использующиеся сейчас повсеместно «рамки Гофмана» в боковой части имеют сужение, что создает большой зазор между сотами. Это особенно критично в зоне выращивания расплода. Чтобы изолировать эти промежутки, пчелы их обсаживают. Получается, что 75–80 процентов семьи вынуждено работать на поддержание микроклимата гнезда. Мало того что это неэффективно – это вызывает чрезмерное физиологическое изнашивание пчел, что, возможно, и делает их агрессивными. В бортах и колодах регуляцию микроклимата обеспечивают не более 35 процентов пчелосемьи. Выход простой: закрыть промежутки между рамками – так, чтобы боковые их стороны плотно прилегали друг к другу по всей высоте. Мы такую рамку сделали, но пчеловоды пока ее не очень охотно берут в работу. Стереотип такой: Юлиус Гофман 150 лет назад предложил рамки с про-

межутками, все ими пользовались и продолжают пользоваться, и вдруг – что-то в них не так. На самом деле рамка, создающая Г-образные изолированные улочки, была придумана еще в 1814 году Петром Ивановичем Прокоповичем – первым в мире изобретателем рамочного улья. Но мировое пчеловодство пошло по пути рамки Гофмана». В музее кафедры Альфир Габдуллович показал настоящий «улей Прокоповича» – редчайший экспонат, подаренный академии в

Опытная пасека
и старые
постройки
пчеловодов
Тимирязевской
академии

Петр Иванович
Прокопович.
В 1848 году
за вклад
в развитие
пчеловодства
был награжден
орденом Святого
Владимира
4-й степени

1874 году. Очень оригинальная конструкция с выдвижными рамками в верхнем корпусе улья и двумя нижними неразборными корпусами. Петр Прокопович более пятидесяти лет посвятил пчеловодству, в 1828 году открыл первую в России «Школу пчеловождения».

Альфир Маннапов полагает, что среднерусская пчела со временем подбреет, если в улье ей будет комфортно. «Нужно отдельно заниматься селекцией незлобивой среднерусской пчелы, – говорит он. – А те, кто утверждает, что сегодня невозможно восстановить породу, просто малограмотны. Учитывая хромосомный набор матки и трутня, чистопородности на 90 процентов можно достичь уже в третьем-четвертом поколении. Если будет какая-то программа господдержки – скажем, по бесплатной раздаче всем пчеловодам плодных среднерусских пчеломаток, – порода восстановится за пять лет. А пока наши главные задачи – развивать питомники среднерусской пчелы, оградить заказники и заповедники от попадания южных пород пчел. Для этого в том числе и нужно законодательное регулирование пчеловодства».

Тот самый законопроект «О пчеловодстве», над которым корпела Госдума в 1998 году, так и не вступил в силу. Все замечания президента Ельцина и Высшего арбитражного суда были учтены, документ прошел три чтения в Думе, но президент в итоге его не подписал. Недавно работа над законопроектом была возобновлена, в ней участвует и Альфир Маннапов. Опыт у него есть. Первый в России региональный закон о пчеловодстве, принятый в Башкирии в 1995 году, появился во многом благодаря Альфиру Габдулловичу. Кстати, закон этот запрещает ввоз инопородных пчел не только в заповедники, но и в 35-километровую буферную зону вокруг них. Благодаря чему уникальный генофонд среднерусской пчелы сохранился и восстановление ее популяции – лишь вопрос времени и инвестиций. ☀

«ОБЪЕКТ ПОВЫШЕННОГО ВНИМАНИЯ»

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАНЦИЯ МЕТРО «НОВОЧЕРКАССКАЯ», КОТОРОЙ РЕГУЛЯРНО ПОЛЬЗУЕТСЯ АННА, НЕ ИМЕЕТ НАЗЕМНОГО ПАВИЛЬОНА, ВЕСТИБЮЛЬ РАСПОЛОЖЕН ПОД ПЛОЩАДЬЮ, К НЕМУ ВЕДУТ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕСТНИЦ. ЧТОБЫ ПОДНЯТЬСЯ И ДОЙТИ ДО ДОМА, АННЕ ФОМИНОЙ НУЖНО ДВАДЦАТЬ МИНУТ. ОДИН ПОВОРОТ, ОДИН ПЕРЕКРЕСТОК И ШЕСТЬ ДОМОВ. ОНА, БУДУЧИ НЕЗРЯЧЕЙ, НИ РАЗУ НЕ ОШИБЛАСЬ. ЭТА МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА УДИВЛЯЕТ СВОЕЙ ЭНЕРГИЕЙ: УЧЕБА, ПУТЕШЕСТВИЯ, ТВОРЧЕСТВО, А ТЕПЕРЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ БИЗНЕС.

ВРЕМЯ В СТАРОМ ЗА-
снеженном дворе как будто уснуло. Анна в легком платье и черных очках открывает дверь падной изнутри. Она живет в хрущевке в спальном районе.
— Я помню, мне поставили домофон и сказали, что будут посыпать ежемесячную квитанцию на оплату. Однако никаких квитанций я не получала, и в один прекрасный день домофон просто перестал работать, — объясняет, неторопливо поднимаясь, хозяйка.

Анне 36 лет, с детства она лишена зрения. Мать умерла, когда девочке было 14 лет. У родной бабушки вскоре случился инсульт, и Аня осталась с двоюродной. Сама бабушка из Пикалово — это поселок в Ленинградской области, но временно жила с Аней в коммуналке в Московском районе. Девушка ездила на метро в школу имени К.К. Грота для незрячих, которая находится в том же районе, где она сейчас живет. Потом, окончив вуз, Анна надеялась,

что будет там работать, и потому десять лет назад продала оставшиеся от матери комнаты и занялась покупкой квартиры. Выбирала с риелтором вдвоем, помогал знакомый юрист.

— То есть вы так доверяли юристу? — поражаюсь я.

— А зачем я тогда комиссию платила? — простодушно удивляется вопросу Анна. — Все думают, будто незрячий не может прожить самостоятельно! Если нет родителей, а родственники далеко, что же делать? Квартиру продавала сама. У меня были какие варианты? Жить в Пикалово с бабушкой. Но там нет друзей, работы, там и Интернета не было. В лучшем случае пришлось бы сидеть дома или рыхлить морковку на грядке. В худшем — и этим меня пугали — попасть в психоневрологический интернат — дом инвалидов на самом деле. Знаю девочек, которые туда попали, не имея каких-либо других нарушений, кроме зрения... Это очень страшно. А мне хочется жить достойно.

Бабушка планировала сама решить жилищный вопрос. Но Анну смущала перспектива подписать дарственную, съехаться с родственниками, вложив деньги от комнат в большую квартиру. И она сделала по-своему — на свой страх и риск. Бабушка, увидев новое жилье внучки, расстроилась и назвала его медвежьим углом. Но у Анны свои резоны: идти от метро хоть и далековато, но просто, а главное, не через дворы, в которых незрячemu сложно ориентироваться. Путь от подземки до новой квартиры она выучила быстро: он отчасти знакомый — по этой же лестнице девушка поднималась из метро, когда ездила в школу. Анна в городе ходит с тростью, маршрут осваивает на ощупь и на слух: «смотрит», что справа, что слева. Когда идет вдоль домов, считает их, запоминает перекрестки.

Кофе закипает: Анна ориентируется по звуку, когда пора выключать. Движения у нее плавные, даже нежные.

— Кошка что-то хочет уронить! — вздрагивает Анна, услышав шорох в комнате.

В доме две кошки и кот. Добродушного Чарли и Монику Анна подобрала на улице. А капризную черную Фиону уговорили взять знакомые.

ИРЭН И РЕБЯТА

Отношения с двоюродной бабушкой были непростыми. Но именно она научила важным вещам — например, ориентироваться на местности, правильно пользоваться столовыми приборами. Она строго следила за манерами Ани, втолковывая ей: «Ты объект повышенного внимания! Будь на голову выше окружающих». Однокому незрячemu человеку в быту непросто. Аня опасается быть плохо одетой и вызвать презрительность или жалость неряшливостью. Сейчас видятся родственницы нечасто — бабушка болеет, Аня сама собирается к ней в Пикалово. Если бабушка на Анну нередко раздражалась, то мама была терпимее, умела объяснять и научила

дочь необходимым навыкам: чистить картошку, резать салат, лепить котлеты. По хозяйству ей иногда помогает коллега: поменять лампочку, починить душ. Но заботой никто не балует.

— Друзья, готовые приехать в любой момент? Нет, — подумав, признается Анна. — Но люди, готовые помочь, есть...

Самостоятельно по городу девушка стала передвигаться с 18 лет. В метро, говорит, проще, чем в наземном транспорте, хотя в Петербурге нередко

предлагают помочь на улице. Она окончила школу с золотой медалью и подала документы в два вуза: СПбГУ и РГПУ. Поступила в Педагогический университет, на иняз. От этого шага Аню отговаривали учителя и бабушка — она советовала истфак. Но не все педагоги были столь категоричны. Куратор школы, которая занималась профориентированием выпускников, рассмотрев у девочки способности к языкам, рекомендовала именно иняз. Когда Анна по-

ступала, незрячие абитуриенты выполняли письменные работы шрифтом Брайля, их проверяли преподаватели из ее школы.

Аня была единственной незрячей на факультете: вспоминает, что сокурсники относились к ней очень внимательно, а преподаватели поблажек не делали. Не все педагоги верили, что незрячая студентка сможет учиться. Учитель английского восприняла Анну в штыки: не разрешала фиксировать лекции рельефно-точечным шрифтом, хотя далеко не все удобно записывать на диктофон, а потом переписывать. Преподаватель говорила, что Анна «мешает», и полагала, что «без зеркала звук не поставить». Анна, понятное дело, работать с зеркалом не может. Конспектировала по Брайлю, записывала на диктофон, пользовалась «книголюбом» — специальным прибором для чтения, преобразующим печатный текст в аудиозапись. Компьютер у нее появился только на третьем курсе. В университете Анна с удовольствием изучала второй иностранный — немецкий.

Сегодня у девушки времени на чтение для души немного, приходится много читать деловой литературы по работе. Но есть книга, героиня которой ей очень близка:

— Мне очень понравилась «Сага о Форсайтах». Размышляла, почему Ирэн несчастлива, ведь муж ее любит!.. И поняла, что у супругов должны быть одинаковые ценности. Когда у меня еще не было молодого человека, я думала об Ирэн, но не могла понять ее мотивы. Мне она близка решительностью, самостоятельностью, нежеланием уходить в быт. Я зарабатываю деньги трудом, который мне нравится, — говорит Анна.

В знакомства по Интернету девушка не верит и признается, что встретить своего человека непросто. К себе она очень строга. Личная жизнь пока не сложилась, хотя были отношения с мужчинами и зрячими, и незрячими. Однако Анна не отчаивается и мечтает о семье.

«СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС»

После окончания вуза Анна надеялась работать в родной школе, в которой проходила практику и где, как ее уверяли, ждали. Вот и квартиру купила поблизости. Но в школу для незрячих слепого педагога не взяли.

— Новый директор решил не брать на работу незрячих преподавателей, — рассказывает Анна. — Считал, что у школы может упасть авторитет, если там будут работать люди с инвалидностью.

Анна нашла удаленную работу специалистом технической поддержки в организации, занимавшейся продажей лекарств. Нужно было отвечать на письма клиентам и поставщикам на английском. Менеджер по персоналу знал о недуге Анны, а работодатель — нет. Наконец шеф приехал из Америки и на собрании увидел сотрудницу в черных очках. Что-то ему не понравилось. Вскоре Фомину уволили, объяснив это ошибками в письмах. Тогда же Анна сделала пробный перевод для журнала об антиквариате. Заказчику понравилось, предложили платный заказ и пообещали взять Анну в штат. Она, обрадованная, поехала знакомиться и, как думала, устраиваться на работу. Когда она вошла, директор выбежал из кабинета и сказал, что не может ничего подписать. Через неделю ей отказали, и больше этот журнал заказов ей не отправлял. Анна прошла множество собеседований, говорит, нервная и агрессивная реакция на человека в черных очках была не раз. Часто после получения тестового задания работодатель замолкал. Эмоции собеседника Анна считывает по голосу, но говорит, что в людях плохо разбирается.

Анна начала преподавать английский в Обществе слепых, где отработала семь лет, обучала индивидуально учеников. Параллельно искала работу: хотелось и стабильности, и развития. Устроилась в бюро переводов, но не угодила начальнице. Анна перевивалась переводами, которые делала дома, а когда нашла в соц-

сети группу благотворительных переводчиков, стала заниматься текстами бесплатно, чтобы не терять квалификацию. Потом попала в «Службу судебных переводов». Но начались задержки с зарплатой, девушке пришлось разносить календари по судам, чтобы выжить, но частные переводы она не бросала. Когда безднежье на работе затянулось, Анна уволилась. Тогда, в конце 2014-го, возникла идея заняться собственным бизнесом.

— Одна моя начальница открыла бюро переводов, не зная языков и не владея техникой продаж. Она смогла, значит, я тоже смогу? Бюро переводов открывать было сложно. Я боялась юридических тонкостей, ведь не знала, как выплачивать налоги, боялась штрафов, что-то не уплатить вовремя, — рассказывает Анна.

А дозрела Анна до своего бизнеса, съездив в 2016 году в Хорватию на форум для молодых профессионалов, одна из секций которого была посвящена «социальному предпринимательству». Идея открыть свое дело и приносить другим пользу была Анне близка, к тому же опыт сотрудничества с переводчиками-инвалидами, имеющими хорошее образование, у нее был. Участие

в форуме было бесплатным. Девушка уже в России поучаствовала еще в одном похожем семинаре, решив основательно подготовиться к стартапу. И рассказала ведущей секции о своей мечте открыть бизнес. Та развеяла опасения Анны.

С августа 2016-го Анна начала готовиться вести свое дело. Оформила доверенность на зрячую знакомую, так как сама не имеет права подписывать банковские документы. Открыла банковский счет, арендовала офис, нашла оргтехнику. Анна вспоминает, как нотариус удивился: «Зачем вам это? Я видел незрячих людей, но не знал, что есть такие активные!» Через несколько месяцев после регистрации бюро «Словарный запас» появились постоянные клиенты и среди частных лиц, и среди компаний. Но опыта начинающему предпринимателю не хватало, было боязно работать с медицинскими документами, зато набила руку, переводя аннотации. Сейчас Анна работает с английским и немецким, а в арсенале сотрудников компании владение 43 языками. Все переводчики — фрилансеры, из них трое имеют инвалидность, верстальщик — слабовидящий человек. Анна старается привлекать в

бизнес знакомых, как, например, бухгалтера.

– Организации, которые помогают трудоустроиться людям с инвалидностью, мне не помогли. Часто люди с инвалидностью, даже имея хорошее образование, работать не очень хотят. Например, мне незрячая сотрудница отдала хороший заказ (перевод с русского на английский). Говорит, ей неинтересно это переводить, хотя текст не скучный. Другая не хочет брать юридические документы: неинтересно. То есть им не так уж нужна рабоча?! – возмущается Анна.

Она связывает такую позицию с недостаточностью мотивации, а не ленью, а себя корит за неорганизованность. Бюро Анны работает с деловой литературой, медицинскими и юридическими статьями, документами. Темы сложные, потому привлекать малоопытных переводчиков нельзя – их надо обучать, Анна ломает голову как.

НА «ИЗУМРУДНОМ ОСТРОВЕ»

Анна – путешественница со стажем: побывала в Италии, Германии, Швеции, Хорватии, Финляндии, Армении, Эстонии, Латвии, Литве. Но, пожалуй, любимая страна – Ирландия, в которой она была трижды.

Когда Аня Фомина училась в школе, участвовала в языковом конкурсе, хотела поехать в Америку на год. Дошла до третьего тура, но в финал не попала. В некоторые страны она ездила благодаря школьному обмену. А в Чехии побывала как золотой медалист. Впрочем, о школьных успехах Анна говорит скромно:

– Ну что, лежит медаль, а при поступлении не пригодилась, – досадует девушка. – В Чехии мы жили в лагере, похожем на барак: денег город выделил мало. Лучше бы нас по России повозили. Как-то, уже будучи студенткой, она вступила в группу «ВКонтакте», посвященную Ирландии.

Администратор предложила поехать в Дублин изучать язык – об этом Анна даже не мечтала. Консультский сбор был бесплатным.

– Меня поселили в семью к соцработнику, – вспоминает девушка, – это было ошибкой организаторов. Думали, мне так будет легче, но эта женщина очень тяготилась моим приездом. Раздражалась, не хотела встречать на автобусной остановке после занятий. Я сама добиралась на курсы. Но организаторы объяснили ей, что переселят меня в другую семью, а она не получит денег.

Неприветливость хозяйки интереса к Ирландии не отбила, к тому же хмурая женщина была не ирландкой, а шотландкой. Аня приехала в составе сборной группы из разных стран: вместе гуляли по городу, сидели в кафе. Следующие визиты в Ирландию организовывались аналогично. Бывали и конфузы. Во время второй поездки преподаватель спорил с Аней об однополых бра-

ках, перспективу которых Анна не разделяет, было скучновато. Зато третий выезд оказался замечательным. Девушка хотела устроиться волонтером в местном Обществе слепых, но не вышло. Она сама сняла комнату, отказавшись жить в семье. Риск был: пришлось жить в одной комнате с хозяином, о чем он не предупредил. Но все обошлось благополучно. Группа подобралась замечательная, но Аня разговорами не ограничилась и стала брать уроки игры на вистле – ирландской флейте.

– Ирландия очень музыкальная, открытая, гостеприимная, как и Россия, хотя отношение к жизни легче. С одной стороны, ассоциации с мистикой, с другой – ирландцы в основном очень верующие. И мне нравится, что у них есть нравственные нормы, близкие мне. В Ирландии очень отзывчивые люди, в отличие от Финляндии – там не принято предлагать помочь:

ты должен подойти и сам попросить о помощи. А финн растеряется: как помочь, ведь незрячий должен ходить с соработником?! – рассказывает Анна.

Окружающий мир она воспринимает через общение и на ощупь. Многое может сказать домашняя обстановка в другой стране. В Армению Анна попала через организацию для людей с инвалидностью, которая занималась путешествиями на яхтах. Система оплаты была интересной: первая поездка платная, организаторы присматриваются к участникам и, если видят, что человек может быть полезен, как Анна, которая давала концерты, помогала переводить, пересчитывают стоимость. С незрячей туристки взяли деньги только за дорогу. В туристическом лагере Армении Анна давала мастер-класс по лепке из пластилина. Для чистоты эксперимента участникам завязали глаза.

«НЕБО НАД ТОБОЙ»

В свободное время Анна ездит на экскурсии – вот, комментирует последний вояж по городу: Смольный собор ее разочаровал на недавней экскурсии, потому как недавно отреставрирован, – «ауры нет».

Анна – верующая, нередко бывает в Александро-Невской лавре. Туда и удобнее всего добираться, и поют красиво. У самой Анны голос чистый, звонкий. Она пела в церковном хоре, но пришлось уйти. Встречать ее никто из хора не согласился, а ехать было далеко. Помогать с нотами тоже никто не стал. Неприятный осадок от участия в церковном хоре веру не подорвал.

Анна после университета училась в музыкально-педагогическом колледже: поет, играет на гитаре, осваивает флейту, пишет песни. Акордеон она не любит, считая его «не очень женским». Да и «Песню о Щорсе» разучивать было неинтерес-

но. Хотелось играть классику и французский шансон. Позже полюбила кельтскую музыку. Сама Анна пишет песни с юности. С удовольствием слушает «Мельницу», рок, джаз и эстраду.

При Обществе слепых есть музыкальная группа «Даниэль Дефо». Трио играет на гитаре, клавишных и флейте. Анна поет в группе десять лет блюзы на русском и английском, фолк-рок. Выступают музыканты редко, площадки ищут сами, в основном их приглашает Общество слепых.

В группе вокалистку поддержали, когда Анна в третий раз собиралась в Ирландию: денег не было, она хотела взять кредит. Друзья-музыканты одолжили нужную сумму.

Коты голосят, за окном шуршат товарняки, а Анна наигрывает мелодию на флейте и ставит свою последнюю песню — лирическое «Небо над тобой». Это любимая песня Анны: слова написала сама, сама же и поет. Девушка ждет концерт своей группы в легендарной «Камчатке».

— Ребятам из группы мои песни нравятся, но выбирают они больше по мелодии. Мы любим играть бодрые, ритмичные композиции. Сейчас в репертуаре около десяти моих собственных песен. Новые вещи показывать не страшно: если не понравится, никто не будет резко критиковать и обижать. Я исполняю и авторские песни, и ирландские, но остальным участникам группы не хочется играть ирландскую музыку: для нее мало инструментов. Увы, наш руководитель не верит, что мы можем выступать наравне со зрячими, — сокрушается певица.

Есть у Анны заветное место, на посещение которого она старается выкраивать время, — это творческая мастерская на Гатчинской улице, куда уже сорок лет приходят незрячие художники. Анна попала в мастерскую, когда устроилась работать на курсы английского: керамика с кабинетом английского была в одной квартире.

Анна предпочитает работать с глиной. Объясняет так: глина позволяет что-то исправить, а рисунок — нет. Художница любит лепить животных, насекомых, птиц, считает, их лепить проще. Последнее время полюбила работать на гончарном круге.

Говорит, такой работы, с которой она ни за что бы не согласилась расстаться, нет, «ведь при желании хорошую работу можно повторить и сделать заново». Творческие сюжеты часто рождаются спонтанно. Что-то Анна дарит, но чаще скульптурки хранятся в мастерской, периодически гастролируя по выставкам. Так было и с ушастыми кенгуру, купцом, слоником, кошкой в кресле — все эти работы плавные, без острых углов. Мир этого не избалованного жизнью человека удивительно добрый...

Анна мечтает о многом: открыть инклузивный разговорный клуб, съездить в Австралию и Бухару, подтянуть немецкий. Что из этих желаний осуществится, никто не знает. Но Анна упорная — у нее получится. ■

ДОРОГА ЖИЗНИ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

МЫ ВСТАЕМ ЗАТЕМНО, ЧТОБЫ УСПЕТЬ НА АВТОБУС, КОТОРЫЙ ИДЕТ ИЗ ПАРАНЬГИ, НАДО ПРОЙТИ ПО ЛЕСУ НЕ МЕНЕЕ ДВУХ КИЛОМЕТРОВ. ПОТОМ ЕЩЕ ПОЛТОРА ТОПАТЬ ПО МЕЖПОСЕЛКОВОМУ ШОССЕ КУЖЕНЕР-САЛТАКЪЯЛ, ДО ПОВОРОТА. КОГДА СТЕПАНУ ЭЛЬТЕРОВУ НУЖНО ДОБРАТЬСЯ ДО РАЙЦЕНТРА, ОН ПРОДЕЛЫВАЕТ ИМЕННО ТАКОЙ ПУТЬ.

...3

АСЫПАННАЯ снегом дорога петляет между деревьями. В темном небе – сонный глаз луны, равнодушно наблюдающей, как мы со Степаном бредем по лесу. Впереди дорогу пересекают черные тени. Я вздрагиваю, но тут же вспоми-

наю, что это собаки Степана – Туман и Тайга, которых он выпустил со двора заранее. «Неплохо бы лесникам убрать», – вдруг говорит Степан и показывает на сухую березу, склонившуюся над дорогой. Кажется, он знает почти все деревья вдоль этого пути. Степан рассказывает, что когда строил

дорогу, то часто прислонялся спиной к стволу какого-нибудь дерева и отдыхал. Говорит, так «энергия восстанавливалась и силы прибавлялись». Надо думать, мало здесь найдется деревьев, не подаривших своих сил Степану – ведь строил он эту дорогу десять лет! Один. Без посторонней помощи. Ну, если не считать, что компании ему составляли Туман и Тайга... Мы миновали указатель с надписью «1 километр». Еще летом Степан нашел старый, пропитанный креозотом столб, оставшийся от ЛЭП, принес его сюда, вкопал и прикрепил табличку. До автобуса еще топать и топать, а мороз не щадит. Но Степан его, кажется, и не замечает. Он продолжает рассказывать про эти 2 километра, которые вымостили собственными руками

ми с помощью лопаты, кувалды и тачки. Все размеры прикидывал на глаз. «Даже нитки не натягивал. Можете не мерить, везде ширина – ровно 4 метра!» – гордо говорит Степан. Я верю ему на слово.

Наконец мы вышли из чащи. У съезда с шоссе на лесную дорогу Степана уже ждут его верные собаки. Мы делаем короткую передышку, во время которой Степан предупреждает, что дальше придется прятать лицо от ветра: здесь, на дамбе, насыпанной для шоссе, всегда сильно продувает...

Это сейчас всем проезжающим по шоссе видно, что в глубине леса прячется деревушка с поэтическим названием «Соловьи». А когда-то и указателя на нее не было. Степану стало обидно, что в родные Соловьи не то что дороги, даже указателя нет! Вкопал он железный столб с указателем на деревню Соловьи, но его утащили на металломол. Вкопал второй – та же история. Тогда он поставил деревянный указатель. «Мне говорят, что я построил дорогу в тупик! – возмущается Степан. – Но вы сами видели Соловьи. Разве это тупик? Я построил дорогу к жизни! Какая жизнь без дороги?»

ЛУЧШИЕ СОЛОВЬИ

Маленькая деревушка Соловьи Куженерского района Республики Марий Эл затерялась среди лесов так, что о ее существовании даже в районном центре почти не помнят. Но 65-летний Степан Дмитриевич Эльтеров считает, что лучше Соловьев деревни не сыщешь.

Он родился и вырос здесь. Самая большая и высокая изба в деревне была у Эльтеровых. Отец Степана, ветеран войны Дмитрий Зиновьевич, работал бригадиром в соседнем Памашнуре. Жители Соловьев часто собирались у Эльтеровых, дом считался не-

Над названием деревни Степан Дмитриевич поместил стихотворение уроженца Соловьев, проникнутое болью за все умирающие селения...

Ради того, чтобы в почтовый ящик почтальон приносил письма, и была в том числе обустроена дорога

официальным центром деревни. Да к тому же у отца была ручная машинка для стрижки волос, так что в банные дни на лавке в избе сидела целая очередь. Стриг соседей Дмитрий Зиновьевич бесплатно. У Эльтеровых даже медпункт базировался: именно сюда приезжала каждый день фельдшерица. Ну и конечно, вся деревня собиралась у Эльтеровых на Новый год и другие праздники. А еще бригадир хранил для всех запас керосина в те времена, когда в Соловьях не было электричества. Да что там керосин! Степан еще застал времена, когда старожилы ходили исключительно в лаптях, не признавая обычную для нас сегодня обувь...

Жили тогда в Соловьях 127 человек в 23 домах. И вели в Соловьи с разных сторон пять или шесть дорог. Между прочим, все – проезжие...

Когда в 1975 году Степан с молодой женой Марий вернулся в Соловьи после службы в армии, выяснилось, что от поселковой администрации разрешения на строительство собственного дома ему не дождаться. А все потому, что деревню записали в «неперспективные». Даже отец посоветовал Степану уехать из Соловьев. Что было делать? Степан с женой переехали в поселок Сернур, что в 30 километрах от родной деревни. Там он устроился на работу сначала в котельную, потом трудился шофером, затем работал на строительстве дорог, а последние двенадцать лет – в каменном карьере. В выходные и праздники навещал родные Соловьи и расстраивался. Деревенька умирала. Пустых домов становилось все больше. И если раньше в Соловьи можно было хоть как-то проехать по единственной оставшейся дороге, свернув в лес с шоссе Куженер–Салтакъял, то теперь и она заросла. Последней связью деревни с миром стала 3-километровая тропа до населенного пункта Памашнур. Когда Степан приезжал в Соловьи, пытался земляков подвигнуть на расчистку двух километров дороги. Но безрезультатно...

ИЗОЛЯЦИЯ

Родная сестра Степана Галина, которая жила рядом с Куженером, регулярно приходила на вещать мать. Добиралась она по той самой тропке, что вела из Памашнуря в Соловьи. Однажды в февральскую стужу застала мать лежащей на полу: инсульт. От шоссе между Куженером и Салтакъялом по лесной дороге не то что на машине, на лыжах в феврале не пробешься. Так что Галина, позывав на помощь соседей, усадила 80-летнюю женщину в железное корыто и по снежной тропе поволокла в Памашнуря. Хорошо, что все обошлось благополучно: в поселке их уже ждала машина скорой помощи. В больнице пенсионерка из заброшенной деревеньки оправилась, а ее дети решили больше не отпускать мать жить в этот глухой угол.

Степан взял на себя все заботы по содержанию родительской избы в Соловьях. А в 2007 году, выйдя на пенсию, обосновался здесь окончательно. Тогда-то он и узнал, что дорога, связывавшая Соловьи с шоссе Куженер–Салтакъял, практически исчезла. Даже автолавка в деревню проехать не могла. За продуктами старики шли к шоссе 2 километра и столько же назад. А много ли они могли унести продуктов, да еще по бурелому и болотам? Почтальонша с пенсиею в деревню не добиралась: опять-таки нужно было идти к шоссе. В случае пожара ни одна машина не пробилась бы в деревню. А электрики и связисты, наезжающие Соловьи зимой, добирались сюда только на лыжах, волоча на себе инструменты и приборы и проклиная деревушку на все лады. Степан понимал, что разрушение дороги началось с бесконтрольной езды по ней лесовозов. Вообще-то их хозяева должны были бы по закону дорогу восстановить, но с кого и какой спрос спустя столько лет?

Мало того что дорогу сначала изувечили лесовозы. Потом ее завалили упавшие деревья. А после она заросла густым орешником. И стала превращаться в болото. Степан и сам два раза застревал

Потому
в Соловьях
и такой белый
снег, что
нет вокруг
ни завода,
ни фабрики

на ней на своем стареньком тракторе «Беларусь». Он не раз видел, как в огромных лужах, заливших участки бывшей дороги, пристраивались отдохнуть кабаны. Нашел переходы, которые облюбовали лоси. Бывшую дорогу пересекало немало звериных троп. Старожилы Соловьев над удивлением Степана только посмеивались. Как и над его призывами починить дорогу. Только рукой махнули: «Тут на болоте медведица с двумя медвежатами обитает. Народ за черникой боится ходить. А ты – про доро-

гу!» И правда – медвежьи следы Степан находил прямо за ободворицей.

Тогда Степан отправился в Шорсолинскую поселковую администрацию, в чье ведение входили Соловьи. Здесь средств на ремонт дороги, понятное дело, не нашлось.

Зато Степан случайно нашел человека, хорошо понимавшего его переживания и соглашавшегося с тем, что дорогу нужно возродить. Рядом с избой Эльтеровых на ночь на стоянку ставился трелевочный трактор. Степан сам предложил ночлег трактористу Сергею Киселеву, чтобы тому не надо было добираться до стоявшего в лесу вагончика. За ужин и теплую постель у печки Степан с трактористом денег не брал. Во время долгих зимних вечеров одной из главных тем их бесед стала изоляция Соловьев от цивилизованного мира. В итоге Сергей пообещал, что весной один рабочий день потратит на выравнивание лесной дороги до межпоселкового шоссе. Правда, ему удалось подсыпать грунт только в двух местах – поблизости от деревни. А вглубь леса он ехать побоялся. Такие дебри... Выдал Степан Сергею канистру солярки из собственных запасов в качестве компенсации за ту, которую Киселев израсходовал на выравнивание пары ям. И больше просить ни о чем не стал. Помог – и на том спасибо.

Десять лет
этот нехитрый
инструмент
помогал мостить
лесную дорогу из
старых кирпичей

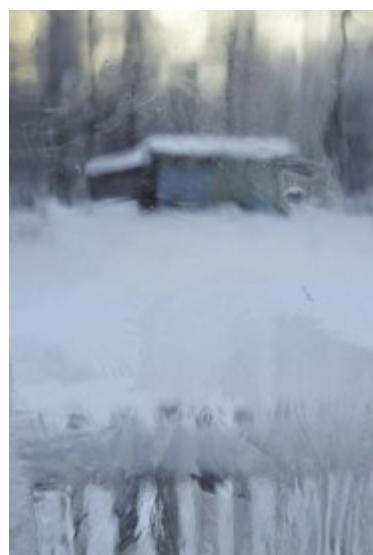

НОВАЯ ЖИЗНЬ

И тогда Степан решил взяться за дело в одиночку. Сначала пришлось выбрать, какой путь восстанавливать: дорогу в сторону межпоселкового шоссе Куженер–Салтакъял или в сторону Памашнур. Тропа в Памашнур идет по посевным полям, у Степана могли неприятности возникнуть из-за «самодеятельности». А тут еще за восстановление старой лесной дороги высказались работники Куженерского лесничества. Инспектор леса Валерий Павлович Пирогов просил только деревья вокруг дороги не трогать. Так что Степан выбрал путь в сторону шоссе.

«Дорога была завалена так, что на три шага вперед ничего не было видно, – вспоминает пейзаж десятилетней давности Эльтеров. – Натуральные джунгли!» Деревья он распиливал бензопилой. Веревками обвязывал

чурки и вытаскивал их вместе с изрубленным кустарником на обочину. Отводил воду. Но тяжелее всего Степану пришлось, когда он добрался до ближайшего к шоссе участка. Отсюда дорога к деревне идет вверх. Соловьи находятся на высоте

Русская поговорка: «Печка греет, печка кормит, печка лечит» в избе Степана Дмитриевича актуальна, как нигде

212 метров над уровнем моря. Этую цифру Степан запомнил еще в детстве, когда геологи в 1950-е годы проводили изыскания вокруг Соловьев. Они шутили про озеро воды под деревней: мол, утонет она! Соловьи не утонули. Но оказались окружены болотами. Бывшая дорога покрылась большими и глубокими ямами. Эльтеров сначала ямы засыпал, а потом соединял их между собой, насыпая и разравнивая грунт, кирпичи и камни. «Скажи мне кто тогда, что я десять лет буду эту дорогу восстанавливать, я бы не поверил! – признается Степан. – Я ведь и занимался дорогой от случая к случаю, в свободное от хозяйства время».

Фундаменты заброшенных пилорамы, конюшни и фермы для коров легли в основание дороги, когда до завершения строительства было еще далеко. Тогда Степан решил брать

Хотя окно и покрыто льдом, хозяин дома знает, что происходит на улице. Там, как обычно, пусто...

камни из оврага рядом с поселком Памашнур. Он выкапывал их, складывал на садовую тележку, волок до трактора, перекладывал в кузов и довозил до своей дороги. Ему весьма пригодились навыки работы в Памаштальском каменном карьере, где он не только работал экскаваторщиком, но и трудился на бурильной и на дробильной установках. Степан помнил, что когда камни не проходили в зев дробилки и застревали, то приходилось брать кувалду и колоть их вручную. Тогда-то он и научился распознавать в структуре камня места, по которым нужно ударить, чтобы он сразу раскололся на куски. Эти навыки пригодились ему, когда он разбивал камни для лесной дороги.

Камни пришлось класть на дороге в несколько слоев. Некоторые болотистые места приводили его в уныние: сколько он ни клал камней, вода выступала снова и снова. Тогда Степан уговорил нескольких водителей грузовиков привезти грунт и засыпать его в самые проблемные ямы. Расплатился с ними домашним медом: благо отец оставил в наследство не сколько ульев.

Интересно, что сам Степан свою дорогу законченной никогда не считал и счет годам не вел. Задумался о завершении строительства однажды вечером, когда не мог уснуть из-за шума проезжающих за окном своего дома машин. Подсчитал, что за пару часов по деревне проехало 10 машин! А он и не замечал, что по деревне снова автомобили разъезжать начали!

А тут еще соседи жаловаться начали: мол, раньше Соловьи были глухим местом, а теперь стали чуть ли не «проезжим двором».

Ну а то, что Соловьи перестали быть умирающей деревней, Степан понял тогда, когда здесь появился... новый житель! Молодой парень приобрел землю и начал строить дом. А вслед за ним появились и другие новоселы.

Людей нельзя оставлять в беде – таков жизненный принцип Эльтерова. Потому-то из всех жителей деревни только один Степан Дмитриевич взял на себя заботу о своем соседе Олеге Горохове, чей дом недавно сгорел

Сегодня, когда бывшие жители Соловьев, обосновавшиеся в соседних поселках, приезжают навещать могилы своих родных на кладбище в Салтакьяле, то на обратном пути обязательно заворачивают в родную деревню. Сидят у родника, обходят места, где раньше стояли

избы родителей... А ведь раньше для этого им нужно было бросить машины на обочине шоссе и пробираться 2 километра через бурелом. Не многие на это решались. Обычно они приходят к Степану, чтобы поблагодарить и пожать ему руку. И почтальон с пенсиею теперь до Соловьев добирается. Даже таксисты больше не отказываются ехать в деревню и по заказу местных жителей привозят продукты.

«Откровенно говоря, я и не думал, что так все повернется, – признается Степан. Улыбается и говорит: – Если дорогу разумно использовать, то ее лет на тридцать-сорок хватит». А ведь сколько насмешек и упреков он выслушал, пока восстанавливал дорогу через лес...

Кстати, лесовозам, которые опять стали сокращать путь и проезжать через Соловьи, можно пользоваться лесной дорогой только с разрешения Эльтерова. И то только в сухую погоду – чтобы дорогу утрамбовывали. Водители лесовозов с упрямым пенсионером из деревни Соловьи не спорят: знают, что это бесполезно. Они с большим уважением относятся к Степану. Впрочем, не они одни: всем вокруг извест-

но о его тяжелом многолетнем труде по восстановлению дороги. Наверное, поэтому на ней ни одной пивной бутылки или фантика найти невозможно. И это – тоже дань уважения ее строителю.

Глава Республики Марий Эл, посещавший как-то райцентр Куженер, решил поглядеть на знаменитую лесную дорогу, построенную одним человеком. Увиденное так его впечатлило, что в конце прошлого года Степана пригласили в Йошкар-Олу и наградили медалью «За заслуги перед Марий Эл».

...Теперь расчищать лесную дорогу в Соловьи присылают из райцентра трактор. А раньше Степан делал это самостоятельно, прицепив к своему трактору самодельный грейдер. Казалось бы, Эльтерову можно больше не беспокоиться. Но если Степан Дмитриевич долго не видит свою дорогу, то начинает сильно переживать...

НОЧНАЯ РАБОТА

Мы давно покинули лес и дошли до поворота на межпоселковое шоссе. А Степан все говорит и говорит о своей дороге. Дождавшись, когда вдали засветились фары автобуса, он стал торопливо прощаться. Я спросил его: куда он спешит? Оказа-

лся Степана Дмитриевича его дорога как мольба к людям, чтобы они не забывали своих корней

лось, он хочет убрать с лесной дороги упавшие с елей шишки и ветки. Причем ему надо успеть все сделать до рассвета. На вопрос почему Степан Дмитриевич смущенно улыбается: «Признаться стыдно, но я ведь дорогу строил по ночам. Боялся, соседи засмеют». С тех пор у него и вошло в привычку восстанавливать дорогу по ночам. «Я работал на ней с трех часов ночи до семи утра. Стеснялся. – Степан помолчал и добавил: – Даже супруга долго не знала, что дорогу я делаю. Ни жене не говорил, ни детям. Втихомолку строил».

Степан Дмитриевич затыкает за пояс рукавицы, подзывает Тайту и Тумана и спешит обратно в лес. Нужно захватить заранее приготовленные лопаты, сбрать еловые шишки и счистить снег, осыпавшийся на дорогу с деревьев. А то вдруг кто-то и впрямь подумает, что она ведет в тупик?

Пусть он старался не ради награды, но получить медаль «За заслуги перед Марий Эл» было почетно

АЛЕКСАНДР ДЮМА И БУТЫЛКА ЗА 12 КОПЕЕК

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ПОЗДНИМ МОСКОВСКИМ УТРОМ НЕ СПЕША ИДУ В БИБЛИОТЕКУ. БИБЛИОТЕКА НЕПОДАЛЕКУ, ЧЕРЕЗ ТРИ ДВОРА. НА ЗЕМЛЕ, ЗАМЕЧАЮ АВТОМАТИЧЕСКИ, СЛЕДЫ ВЧЕРАШНИХ МИНИАТЮРНЫХ НАРОДНЫХ ПРАЗДНИКОВ И СЕГОДНЯШНЕГО СВЕЖЕНЬКОГО ПОХМЕЛЬЯ.

В ОТ ДВА «МЕРЗАВЧИКА» валиются в кустиках, вот зеленеют в снегу пивные бутылки, а вот покоятся под деревом и классическая водочная поллитровка. На лавочке детской площадки две фляжки от коньяка... Пустые бутылки, как разбитые надежды – никому не нужны. Даже дворники не торопятся их убрать, борясь в первую очередь со снегом, льдом и брошенными

коробками из-под пиццы. Бабушки кормят местных котов и тоже равнодушны к стеклопосуде.

Когда-то все в наших дворах было совсем не так. Пустые бутылки пользовались заметным спросом у населения. Увидеть их брошенными и никому при этом не нужными? Нонсенс. Охота за бутылками начиналась с утра.

Первыми тут были именно бабушки с приличными хозяйственными сумками, сетками-авоськами и дворники, которых мы знали не просто в лицо, а по имени или имени-отчеству, потому что они были частью истории двора и не менялись, как нынешние – с пятницы на субботу. Иногда наш дворник дядя Яша доверял нам шланг – полить двор... Большая радость в жару-то.

Я начал сдавать бутылки лет с двенадцати. До этого я сдавал только молочные, но это было вовсе не интересно. В молочном отделе нашего магазина ты просто стоял в очереди и в нужный момент ставил на прилавок свои, допустим, четыре пустые и, конечно же, хорошо вымытые бутылки и говорил продавцу: «Два молока, пожалуйста».

Пустая молочная бутылка стоила 15 копеек, а с молоком – 30. Все было просто, легко, ведь цены не менялись, как не менялись продавцы в белых халатах и белых шапочках. Ты всех знал в лицо. Эта вот тетя – из хлебного, эта – из бакалеи, а вон дядька с усами пошел – мясник! Лишь очередь была разной, но и она, пусть из пяти человек, была всегда.

Иное дело – сдача пустых винных бутылок!

Это уже приключение, авантюра, удача, равные шансы на успех или провал. Это как с грибами: идешь в лес и точно не знаешь, найдешь ли... К тому же выпивали у нас дома мало, по праздникам или с гостями на дни рождения, бутылки потихоньку копились на балконе, пока, обычно весной, взрослые не обращали на них внимания и не ставили задачу – сдать!

Сдать посуду, словом, совсем не рядовое событие. Это вроде контрольной работы в школе. Или соревнования в бассейне.

Приемных пунктов в нашем районе было штук шесть, и каждый из них отличался своими особенностями. В одном, например, могли взять тяжеленную бутыль из-под шампанского, а в другом – никогда. В третьем приемщика Дуся постоянно пыталась тебя обсчитать, копеек на 5–6, а потому там наблюдались тяжелые свары. Четвертый пункт был слишком далеко... В пятый почему-то посуду приносили мешками. В шестом лезли без очереди и дрались. И так далее.

Короче, надо было соображать, сдавая посуду. Прикидывать, например, что берут, что нет, на ходу ловить ценную информацию, что на Шестой как раз сегодня учет и замок тяжелый, а вот у ЗИЛа берут все, даже майонезные баночки, но очередь – чуть не от второй проходной. Да и ехать к ЗИЛу тоже денег стоит... Сначала автобус, потом трамвай. 8 копеек в одну сторону, между прочим. Главное было – решить, стоять здесь или

лучше сразу пойти дальше, в поисках лучшей доли.

Не забывайте, существовал и обед. С 13 до 14 часов все продуктовые магазины столицы, а с ними и пункты приема стеклотары закрывались на перерыв. Обидно было до чертиков: стоять, стоять, стоять, а за пару человек до тебя – хлоп! Заветное окно закрывалось, гас свет, и очередь безжалостно выгоняли на улицу. Ждите!

Все это надо было сообразить, просчитать, «замотивировать», как сказал бы Юлиан Семенов. Надо было выиграть этот бой – а что это именно бой, я лично не сомневался. Выиграть – значит, сдать все бутылки! И потерять при этом минимум времени. Как легка дорога домой с пустыми руками: в кармане бряцает мелочь, сетка убрана в карман куртки. Руки свободны. Ну не счастье ли? Выиграл. Сдал. Справился. Победил. Конечно, счастье.

Пол-литровая бутылка из-под водки, лимонада, пива стоила 12 копеек. Винная, емкостью 0,7 литра – 17 копеек! Шампанское если и брали, то за 10, а иной раз, Христа ради, за 5 – все лучше, чем ничего. Горлышки бутылок смотрели внимательно: зазубрины, сколы – брак! Водочные бутылки отличались по форме. Их могли брать, а пивные, например, – нет.

Аргумент для «не брать» всегда был один и ужасно твердый: нет тары! Тара – это ящики для посуды. Для пивных бутылок тара есть, а для винных – нет, свободен. Спорить не приходилось. Самым страшным был замок на двери и развеивающийся на ветру обычно мятый листочек: «Тары нет – и сегодня не будет!» Ты, значит, тащился в такую даль, в сетке четырнадцать бутылок, не шутка, а выходит – зря. И надо было идти совсем в другую сторону. В какую? Устраивалось совещание у дверей. Проходящие мимо удачливые старушки-конкурентки радостно сообщают: «Беги в подвал на Романова, паренек, там Зинка берет и очередь не ахти какая».

Неудачники брали с места рукоять, а некоторые тут же переходили в галоп! А как же... Пока Зинка добрая.

На ходу успевашь сообразить: «На Романова принимают в подвале. 24 ступеньки вниз, поворот и окошко заветное... Это хорошо, что в подвале, а то вон дождь, кажется, собирается. Лишь бы очередь не с улицы... А то не успеть до обеда!»

А бутылочки-то в сетке звенят, позванивают... И рука правая – устала. Терпеть!

Контингент сдающих пустую посуду в ларьках – не меняется. В основе – бабушки. Стоишь за ними и слушаешь разговоры, чтобы не скучать. Медленно ступаешь за ними вниз по ступенькам. Разговоры жителей: про магазины, про детей, про «мужика моего, который вчера опять...», про погоду, про вчерашнее кино по телевизору. Часто вспыхивает обсуждение на тему «что приготовить на обед, а что на ужин...». Иногда стоят в очереди и пожилые дяди, почему-то злобные и крикливы. Они всем недовольны и отходят из очереди на воздух – перекурить. Возвращаясь, пихаются и суетятся. Бывают и ребята моего возраста. Алкаши здесь не стоят. Алкаши лезут с пустой бутылкой сразу в винный отдел. Там берут одну на одну, но десяток пустых принимают редко.

Иной раз повезет, угадаешь удачу – за сорок минут почти три рубля в кармане! А в другой – ходишь, ходишь, три очереди отстоишь, весь район обегаешь, а сдашь – четыре бутылки из десяти. И плетешься домой, усталый, безрадостный. И сумка в руке тяжелым укором. И меланхолия на душе разная... Тут важно характер проявить. Бутылки эти дурацкие с размаху в помойку не шмякнуть. Стерпеть.

Хотя и одна-единственная сданная бутылка из-под ситро – дело хорошее. Что можно купить на вырученные 12 копеек? Вот, на вскидку:

Коробка цветных карандашей (шесть штук)
Шесть тетрадей в клетку или линейку
Мороженое «Эскимо» на палочке (копейка сдачи)
Булочка «Калорийка» (2 копейки сдачи)
Три поездки на троллейбусе, четыре на трамвае, две на автобусе или метро (2 копейки сдачи)
Двенадцать коробков спичек
Пачка сигарет «Прима» без фильтра
Шесть звонков из телефона-автомата
Шесть газет (кроме «Правды» и «Известий», они по 3 копейки)
Литр кваса из бочки
Килограмм картошки в «Овощном» (2 копейки сдачи)
Вот так вот, усмехаюсь себе сегодня, советская власть закаляла характер и очищала улицы. Плохо ли?
...В начале 80-х поллитровка стала стоить 20 копеек, и сбор пустой посуды превратился из обычая в промысел. Стоило тебе в любом сквере Москвы откупорить заветную бутылочку пива, как откуда-то сбоку вмиг нарисовалась хлопотливая старушка с вопросом:
– Бутылочку опосля оставите?
– Уйди, бабка! – рычал ты, обуреваемый жаждой. – Оставлю, только не мешай.
– Я тут, миленький, за деревом подежурю. Ты, главное дело, скажи, что уже занято...
Я не мешаю, что ты! Уласи бог, мешать-то.

«Уважаемые товарищи!
С 1974 года организован сбор макулатуры с одновременной продажей популярных книг отечественных и зарубежных авторов.

Применение макулатуры для производства бумаги дает возможность экономить остродефицитное древесное сырье, значительно уменьшить расходы по производству бумаги.

Использование 1 тонны макулатуры позволяет получить 0,7 тонны бумаги или картона, заменить 0,85 тонны целлюлозы или 4,4 кубического метра

древесины. Кроме того, при этом сберегаются леса нашей Родины, чистота ее рек, озер, воздушного пространства. Сбор и сдача макулатуры – важное государственное дело».

Я стартовал из дома в девять утра, благо шли зимние каникулы. За плечами – рюкзак, в нем тщательно завязанные 10 килограммов газет. В двух руках – две сумки. В одной сумке – какие-то бумаги и чертежи с маминой работы, весом 4 килограмма. А в другой сумке – старые подшивки журнала «Огонек», долго лежавшие на балконе. Домашние весы показывали, что «Огонек» потянул на 6,5 килограмма, и папа сказал, что это хорошо, что общественные весы обязательно покажут меньше, чем наши. Приемный пункт макулатуры находился в четырех автобусных остановках от дома. Оделся я потеплее. Накинул рюкзак, взял сумки. Проверил мелочь на дорогу. И поехал за первой макулатурной книгой в истории. Первым был – Александр Дюма! На дверце сарайчика так и было написано: «Дюма – 150 штук». В переводе это означало, что талонов «на Дюма» было сегодня аж 150. И при сдаче 20 килограммов бумаги мог запросто дуть в книжный, предъявить там полученный талон с наклеенными марками, заплатить в кассу и получить книжку! Я занял очередь, оценил, что впереди человек тридцать... Должен успеть до обеда. В сарайчике обедают с 13 до 14, в книжном магазине с 14 до 15 – важное обстоятельство...

Очередь чернела на снегу и вызывала любопытство несведущих прохожих. Отсюда и анекдот, популярный в то время:

– Простите, а что дают?
– Говорят, Сименона...
– А это лучше крепдешина или хуже?
– Точно не знаю, но возьму две бутылки.

Обстановочка и настроения тут были совсем иными, чем у посудного ларька. Тут стояли иные люди, с иными лицами, да и по-

моложе. Стояли семьями. Было много мужчин. Некоторые сидели в собственных машинах. Оно и понятно, ведь приперли они даже не 20 килограммов, а, наверное, все сто. Было весело и тревожно.

Но и тут сложности обнаружились сразу.

Пачки надо вязать грамотно. Газету с газетой. Журнал с журналом. Книгу с книгой, причем обложки книги и переплет отдирать. Картон брали не всякий. Командовали приемным пунктом тоже молодые и бородатые дядьки, смахивающие на пиратов. Один был при весах, он-то и изгонял из очереди тех, кто приносил бумажное ассорти. А вот другой, за столом, выдавал абонемент или талон, как хотите, клеил марки по сданному тобой весу и отсчитывал тебе мелочь – 2 копейки за каждый притащенный и принятый килограмм. Этот – только на первый взгляд добрый. При любом споре он поддерживает того, что стоит у весов.

Вот девчонка притаранила старые школьные тетради. А они в коленкоре. Да еще на пружинках... Сидит в углу, отрывает обложки, пружинки выкорчевывает с мясом, чтобы листочки отдельно. А весуто у нее будет куда как меньше теперь... И на заветные 20 – небось не хватит. А вот дедок. У того оберточная бумага пополам с ватманом. А ватман не берут... И как трудно перевязывать по новой, пальцы на морозе стынут, и веревка рвется... Драмы – почти шекспировские.

А потом, позже, добавится азарту. Притащишь груз, скажем, конкретно на Джека Лондона... А Лондона сегодня – всего 25 талонов. Ну, явно не хватит. Зато Носова – 70. А зачем мне Носов, когда у нас дома трехтомник, зачитанный и перечитанный с самого детства? Взять разве какого-то там Стендalu? «Пармская обитель»? Не знаю, не знаю... Разве на обмен? Или не стоять сегодня, домой бумагу тащить, ждать подходящего случая, когда любимого Джека будут давать много?.. Джека обещают четыре тома. 80 килограммов надо.

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

Хорошо, что на даче чердак, а на чердаке чего только нет...

Но в целом – весело и на душе хорошо. Сдаешь ненужную тебе макулатуру, а получаешь потом хорошую книжку. И если ты при бумаге, можно и две-три одинаковые взять, потому что обмен кругом пошел лютый. Этот «Спартак» пропустил, зато Купера предлагает. Почему бы и нет? Зачем мне «Спартак», когда я за «Торпедо» болею?

Стоит сказать, что выпущенные книги были как на подбор. И по качеству, и по разнообразию. И для детей, и для взрослых. И просвещали они народ весьма прилично. Вот, сохранился у меня предполагаемый к изданию список книг по макулатуре на 1983 год, заботливо сестрой из газеты выписанный. Виноградов «Осуждение Паганини», «Повесть о братьях Тургеневых»

Сказки братьев Grimm
Дрюон «Когда король губит Францию»
Новиков «Пушкин в изгнании»
Моэм «Театр»
Данилевский «Княжна Тараканова»
Лажечников «Последний Новик»
Бунин «Повести и рассказы»
Золя «Страница любви»
Современный английский детектив

В условиях вечного книжного дефицита вдруг появился Конан-Дойл и Шукшин, Маргарет Митчелл и Майн Рид, Сабатини и Буссенар, Драйзер и Бальзак... Александра Дюма вышло десяток томов. «Тысяча и одна ночь» – в четырех книгах. А сколько сказок... Карлсон, Винни-Пух, Буратино... Сколько детективов... Сколько русской и зарубежной классики... «Мифы

и легенды Древней Греции»... И наконец – вышел том «Белая гвардия» Булгакова – массовым тиражом и без всяких купюр. Где-то ведь существует список всех изданных этой программой книг. Отличная, со вкусом составленная библиотека! Исполненная, важно отметить, на высоком полиграфическом уровне.

Разумеется, черный рынок отреагировал молниеносно. Любой абонемент можно было купить на Кузнецком за 3–5 рублей, в зависимости от рыночной стоимости автора. Бойко шли там и сами «макулатурные» книги. Помню, цена на «Королеву Марго» держалась уверенно много лет – 35 рублей. На двухтомник «Граф Монте-Кристо» можно было поменять все, что угодно.

А в тот зимний день мне повезло. Весовщик груз мой принял, придирился не стал, намерил на своих огромных весах точно двадцаточку. И выдали мне талон с надписью «Александр Дюма. Королева Марго» при печати и желтеньких марках, рядом здесь же наклеенных. И полетел я в книжный, и обрадовался длиннющей очереди, где все уже казались знакомыми, и согрелся, пока стоял, и автобус пришел быстро, и принес я домой пустой рюкзак с сумками и красный красивый томик. Он и по сию пору стоит в книжном шкафу. Цена – 1 рубль 23 копейки, тираж 500 тысяч экземпляров. Я, правда, так его и не прочел, я и «Три мушкетера» с трудом осилил...

Книги по макулатуре завершились вместе с советской властью. Последней из них, в 1991 году, оказалась Агата Кристи, синяя, твердая, с четырьмя романами, один лучше другого. Изящное издание. Блестящие переводы. До сих пор перечитываю. Но вот закончился СССР, и огромный тираж распродавался в обычных палатках «Союзпечати», и никаких талонов с марочками за Кристи уже никто и нигде не требовал. ☺

КРОВАВАЯ ЦЕРКОВЬ

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МЫ ВСЕ НИКАК НЕ МОГЛИ ВТОЛКОВАТЬ ТАКСИСТУ, КУДА НАС НУЖНО ВЕЗТИ. НАВИГATORA У НЕГО НЕ БЫЛО, ГДЕ НАХОДИТСЯ УЛИЦА FIRKETESI, НА КОТОРОЙ РАСПОЛАГАЕТСЯ ЦЕРКОВЬ МАРИИ МОНГОЛЬСКОЙ, ОН, СУДЯ ПО ВСЕМУ, НЕ ЗНАЛ. В ОТВЕТ НА СЛОВА «ПАНАГИЯ МУХЛИОТИССА» – ТОЛЬКО РАЗВОДИЛ РУКАМИ И КАЧАЛ ГОЛОВОЙ. НАКОНЕЦ, МЫ РЕШИЛИ ПОПРОБОВАТЬ ПО-АНГЛИЙСКИ: BLOOD CHURCH! ТАКСИСТ РАДОСТНО ЗАКИВАЛ: «KANLI KILISE? КРОВАВАЯ ЦЕРКОВЬ? КОНЕЧНО!»

KРОВАВАЯ ЦЕРКОВЬ значилась в списке тех мест Стамбула, куда мы запланировали добраться обязательно. Мы знали, что храм открывается только во время богослужений, но их расписания в Интернете обнаружить не удалось. Как и сайт самой церкви. Так что в храм мы поехали, надеясь на удачу. И правильно сделали...

Когда такси запетляло по узким улочкам и переулкам, зажатым между старыми домами, часть из которых была явно необитаемой, мы поняли, что находимся в районе Фанар. А это значило, что до цели нашей поездки осталось со всем немного.

Машина остановилась в безлюдном мрачном переулке. С одной стороны нависала громада темного дома, с другой – высилась стена, сложенная из плинфы, из которой выпирала апсида, выкрашенная в кроваво-красный цвет. Над небольшой железной дверью – скромная надпись: Meryem Ana Rum Ortodoks Kilisesi. Значит, не ошиблись.

У двери стоял невысокий пожилой грек и с любопытством рассматривал нас. «Извините, можно нам попасть в Кровавую церковь?» – обратились мы к нему по-английски. «А откуда вы приехали?» – поинтересовался он. Узнав, что мы из Москвы, мужчина заулыбался, пожал нам руки и распахнул дверь: «Входите!»

ЖЕНА ИЛЬХАНА

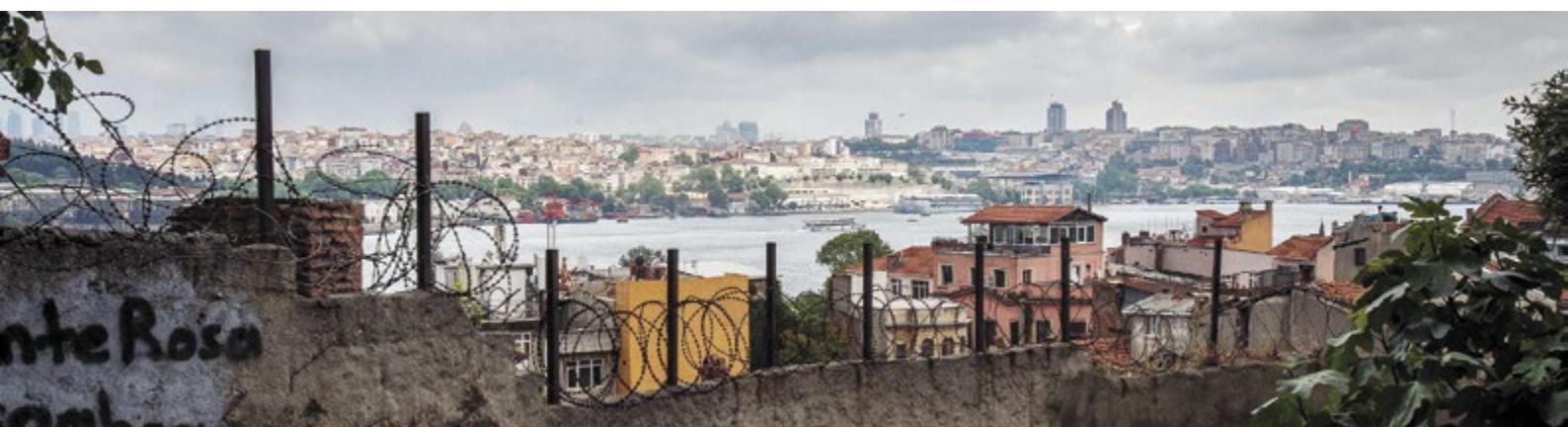
Раньше на месте этой церкви был монастырь. Правда, разобраться в том, какой и когда – сложно. По одной версии, женская обитель была устроена здесь еще в VII веке двумя святыми – Евстолией и Сосипатрой. Причем одна из них была дочерью византийского императора Маврикия, однако кто именно – неизвестно. По другой версии, мужской монастырь появился на этом месте лишь в XI веке и, по преданию, был основан выходцами с Афона.

Как бы то ни было, монастырская жизнь замерла здесь после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 году. Рыцари Четвертого крестового похода, разграбившие византийскую столицу, создали Латинскую империю, продержавшуюся 57 лет. За это время многие православные монастыри и церкви Константинополя по понятным причинам пришли в полный упадок.

В 1261 году Константинополь был отвоеван у латинян основателем династии Палеологов, возродившим Византийскую империю и вошедшим в историю как Михаил VIII Восстановитель. С этого момента начинается новая жизнь многих константинопольских храмов и обителей. И на месте будущей Кровавой церкви одним из родственников Михаила VIII был воссоздан женский монастырь, посвященный Богородице Панайотиссе. По некоторым данным, уже к 1266 году церковь этого монастыря была расписана.

А годом ранее из Константинополя в Персию отправилась юная

Вид на Босфор из района Фанар

В Музее Кариэ
на стене
нартекса церкви
Спасителя в Полях
можно увидеть
прижизненный
портрет инокини
Мелании –
внебрачной
дочери императора
Михаила VIII
Палеолога Марии

внебрачная дочь императора Михаила VIII Мария, предназначенная в жены Хулагу – внуку Чингисхана. Пока представительное посольство с невестой добиралось до далекой Персии, Хулагу скончался. Так что в итоге Мария вышла замуж за его сына и наследника Абагу – второго ильхана государства Хулагуидов. Некоторые хронисты утверждают, что условием этого брака было обращение Абаги в христианство и что, крестившись, ильхан принял имя Николай. Но так ли это было на самом деле – неизвестно. Зато точно известно, что Абага состоял в переписке с римскими папами Климентом IV и Николаем III, которых он убеждал организовать крестовый поход против египетских султанов.

О жизни Марии в Персии практически нет никаких сведений. Можно только предположить, что вряд ли она была счастливой: ведь внебрачная дочь византийского императора не стала в гареме старшей женой, а Абага не знал мер в пьянстве, от чего и скончался в 1282 году. Тогда же Мария вернулась в Константинополь вместе с дочерью Арахантлун, которую с этой поры стали звать исключительно Феодорой. Империей к тому моменту правил сводный брат Марии – Андроник II Палеолог.

Великолепные мозаики Музея Карие привлекают немало туристов

Район Фанар, в котором живет сегодня немногочисленная греческая община, считается одним из самых бедных в Стамбуле

ГОСПОЖА МОНГОЛОВ

Нет сведений и о том, что, вернувшись домой, Мария увлеклась политикой и погрузилась в полную хитроумных и жестоких интриг жизнь императорского двора. Скорее, следует сделать противоположный вывод. Потому что практически сразу после возвращения она выкупает и расширяет территорию монастыря Богородицы Панайотиссы, а затем строит в нем новый храм, который в народе начинают называть церковью Ма-

рии Монгольской. Что, кстати, удивительно: ведь Мария не была канонизирована, а сама церковь посвящена Богородице и именуется «Панагия Мухлиотисса». Еще одна загадка – это слово «Мухлиотисса» в названии храма: историки не могут прийти к согласию в вопросе о том, как оно произошло и что означает... В итоге Мария принимает постриг в патронируемом ею монастыре и становится инокиней Меланией. Казалось бы, рассказ на этом можно закон-

чить, лишь пожалев о том, что нам так мало известно о внебрачной дочери одного из самых популярных византийских императоров. Однако история часто преподносит сюрпризы. И еще какие!

Да, нам неизвестны многие перипетии судьбы Марии, зато мы можем увидеть, как вы-

глядела эта удивительная женщина. Для этого нужно всего лишь дойти до Музея Карие, что расположен в полутора километрах от Кровавой церкви. По сути, Музей Карие – это все, что осталось от некогда большого и богатого монастыря в Хоре. Надо сказать, осталось не так уж много: церковь Христа

После 1453 года стены церкви Марии Монгольской всегда красят в кроваво-красный цвет

По этой лестнице можно подняться к Кровавой церкви

Спасителя в Полях, знаменитая своими роскошными мозаиками, благодаря которым музей и получил статус Всемирного наследия ЮНЕСКО. Причем не так давно: после того, как в 1453-м Константинополь был завоеван османами, церковь была превращена в мечеть Карие-Джами, а общедоступный музей в ней был открыт лишь в 1948 году. Но о сохранившихся великолепных мозаиках Карие европейцы узнали намного раньше. Первым исследователем Карие-Джами, подробно описавшим богатое убранство храма, был русский искусствовед Федор Шмит. В конце XIX века ему удалось получить разрешение султана на работу в мечети. А уже в 1906 году Русский археологический институт в Константинополе выпустил 300-страничное фундаментальное исследование Шмита «Кахрие-Джами. История монастыря Хоры. Архитектура мечети, мозаики нарфиков» с приложением – на 92 листах были изданы чертежи и рисунки Карие, с поразительной тщательностью выполненные русским художником-реставратором Николаем Клуге.

Именно здесь, в Карие, на восточной стене нартекса церкви, можно увидеть великолепную мозаику «Деисус», в самом низу которой Христу поклоняются два человека. Слева – император Исаак Комнин, а справа – коленопреклоненная монахиня в черном клюбке. Надпись поясняет, что перед нами «<Сестра> Андроника Палеолога, Госпожа монголов, инокиня Мелания». Правильный овал лица, тонкие губы, изящно изогнутые брови и большие темные глаза... Пожалуй, в молодости Мария была красавицей...

Мозаика эта создавалась при жизни Марии-Мелании, делавшей богатые вклады в монастырь в Хоре. Кстати, известный российский византолог Сергей Иванов не исключает, что инокиня Мелания могла быть похоронена именно здесь.

ДВЕ ЦЕРКВИ

Монастырь в Хоре и церковь Марии Монгольской связывает не только жизнь внебрачной дочери императора Михаила VIII. Общим в их судьбе стал один из самых трагических дней в истории Константинополя – 29 мая 1453 года, когда великая столица империи была завоевана турками-османами под предводительством султана Мехмета II.

...В тот день, когда осаждающие ворвались в город, монастырь в Хоре оказался у них на пути одним из первых. Греки защищали обитель с крайним ожесточением: ведь именно сюда во время осады был перенесен палладий Царьграда – знаменитая чудотворная икона Богородицы Одигитрии, не раз спасавшая Константинополь. «В последние дни Константинополя нашей обители суждено было сыграть опять видную роль, – пишет в своем исследовании Федор Шмит. – Монастырь, который при иконоборцах так самоотверженно защищал священные изображения, в котором <...> религиозное искусство Византии праздновало один из самых блестящих своих триумфов, – Хора и в трагическом finale цареградского великолепия остается верна своим вековым традициям. Величайшая святыня Константинополя, чудотворная икона Божией Матери Путеводительницы (Одигитрия), в момент взятия города находилась в церкви Хоры. Здесь, после отчаянного сопротивления, были перебиты защитники иконы, здесь и сама она погибла: янычары разрушили богато изукрашенный образ на четыре части и по жребию поделили между собою драгоценную добычу».

А на другом конце горящего города шел еще более ожесточенный бой у стен церкви Марии Монгольской. Никто из византийских историков не оставил нам подробного описания именно этих событий, но сохранилось весьма любопытное предание. Согласно ему, бесстрашные защитники храма пали все

Маленькая церковь Марии Монгольской не может похвастаться богатым убранством, зато здесь уютно и спокойно

Крохотный дворик Кровавой церкви

до последнего, но смерть их далаась дорогой ценой захватчикам: якобы именно здесь погибло не менее тысячи турецких солдат и янычар. И якобы султан Мехмет II лично приехал сюда, чтобы своими глазами увидеть маленькую церковь, за которую так стойко сражались константинопольцы. Возможно, он первым и назвал церковь «Кровавой». По крайней мере, именно с тех пор за ней закрепилось это название. По леген-

де, с тех же времен стены храма с внешней стороны всегда красят в кроваво-красный цвет... Но уникальность Кровавой церкви даже не в этом. Дело в том, что церковь Марии Монгольской – это единственный храм Константинополя, в котором никогда – вплоть до сегодняшнего дня – не прекращалась православная литургия (все остальные были либо разрушены, либо превращены в мечети. – Прим. авт.). Все та же легенда дает два объяснения этому феномену. Согласно первой версии, султан Мехмет II выдал клиру церкви охранный фирман в знак уважения к стойкости защитников храма. По второй, все тот же документ, защищающий Кровавую церковь, султан передал своему архитектору – некому греку Христодулу, построившему для нового владыки Царьграда несколько мечетей...

ВСЕ БЫЛО ВОЗМОЖНО

Крохотный чистый дворик, пара скамеек, миниатюрная колокольня и невысокие деревья. Вокруг – никого, только не сколько кошек развалились на теплых каменных плитах, которыми вымощен двор.

Впustивший нас грек оказался сторожем церкви, на вопрос о расписании богослужений ответить не смог, зато пустился в долгий, с яркими подробностями рассказ о сражении у Кровавой церкви. Стоя в трапезной, мы внимательно выслушали знакомую историю, затем купили восковые свечи и вошли в неф.

Церковь действительно маленькая, если не сказать крохотная. Белоснежные стены только в некоторых местах украшены незатейливым орнаментом. У иконостаса – простенькие пластмассовые горшки с искусственными цветами. На аналое – старое, потрепанное Четвероевангелие на греческом. Под ногами – протертый, видавший виды ковер, красноречиво свидетельствующий о том, что клиру и приходу весьма непросто содержать храм.

Удивительно, но все стены церкви Марии Монгольской

увешаны разнообразными иконами: каких святых здесь только нет! Причем большинство образов явно старинные. А все дело в том, что после захвата Константинополя турками именно в эту церковь, которую защищал фирман султана, греки сносили уцелевшие после погрома иконы.

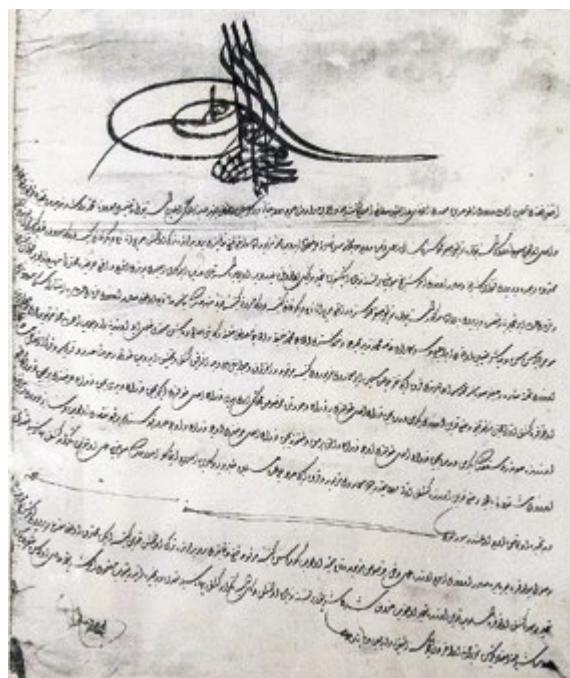
Как особую ценность сторож продемонстрировал нам копию фирмана султана Мехмета II

Иконостас
церкви Марии
Монгольской

Копия охранного
фирмана султана
Мехмета II

Завоевателя, которая висит на стене слева от входа. Рядом с ней – копии аналогичных охранных грамот, выписанных другими султанами, правившими позже.

Затем сторож подвел нас к входу в неф и попросил посмотреть вверх. Над аркой висела огромная потемневшая икона, окаймленная надписью на русском языке. Правда, разобрать саму надпись не удалось. «Россия!» – гордо сказал сторож по-русски и поднял большой палец вверх. Но все наши попытки выяснить, кто и когда подарил эту икону церкви Марии Монгольской, закончились безрезультатно: сторож только разводил руками и горестно клялся, что ничего об этом не знает. «Она давно, давно здесь висит!» – повторял он. Из дальнейших расспросов выяснилось, что приход церкви действительно небольшой, но, как выразился сторож, «крепкий». Туристы из России бывают здесь не так уж часто. Мало кто сюда доходит, посетовал наш собеседник, подниматься по крутым улицам тяжело (что правда, церковь расположена фактически на вершине высокого холма. – Прим. авт.). Большинство,

как правило, посещают храм Святого Георгия в Константино-польской патриархии.

«А ведь раньше в церкви был целебный источник?» – уточнили мы. Сторож закивал, сделал несколько шагов в угол церкви и поманил нас за собой. Здесь обнаружилась старая каменная лестница с проржавевшей массивной железной дверью. Открылась она с громким скрипом. «Когда спуститесь по лестнице, с правой стороны на стене найдете выключатель. Включите свет. Там – крипта», – объяснил сторож.

Потолки в древней крипте оказались настолько низкими, что передвигаться по ней можно было, только согнувшись в три погибели. Из-за тусклого светаказалось, будто грубо обработанные, неровные каменные стены дышат. В крипте было заметно прохладнее, чем наверху. В одном углу обнаружились огромные кувшины. В другом мы нашли люк, прикрытый железной крышкой, – видимо, это и есть остатки источника. В конце концов мы уперлись в тупик: проход был заложен стеной, на которой были видны остатки фрески. В самом низу чернел узкий лаз.

После захвата турками Константинополя в эту церковь греки свозили уцелевшие иконы со всего города

Богослужебные книги в церкви такие же старые, как и сам храм

Поднявшись снова в церковь, мы поинтересовались у сторожа, что это был за проход, замурованный стеной, и куда он вел. Хитро улыбаясь, сторож сообщил, что, по легенде, церковь Марии Монгольской и величую Святую Софию соединял подземный ход. «Но это же вряд ли возможно?» – удивились мы. «Не знаю, – опять хитро улыбнулся сторож. – В том Константинополе все было возможно...».

ШАГ В ПРОШЛОЕ

Уходить из этой маленькой церкви, где уютно пахло горячим воском и ладаном, не хотелось. Но сторож стал посматривать на часы, и мы поняли, что пора прощаться. Поблагодарив разговорчивого грека, мы уже вышли во двор и направились к выходу, как вдруг я вспомнила... Вспомнила то, что никак не должна была забыть, не имела права забыть и все же забыла в круговор-

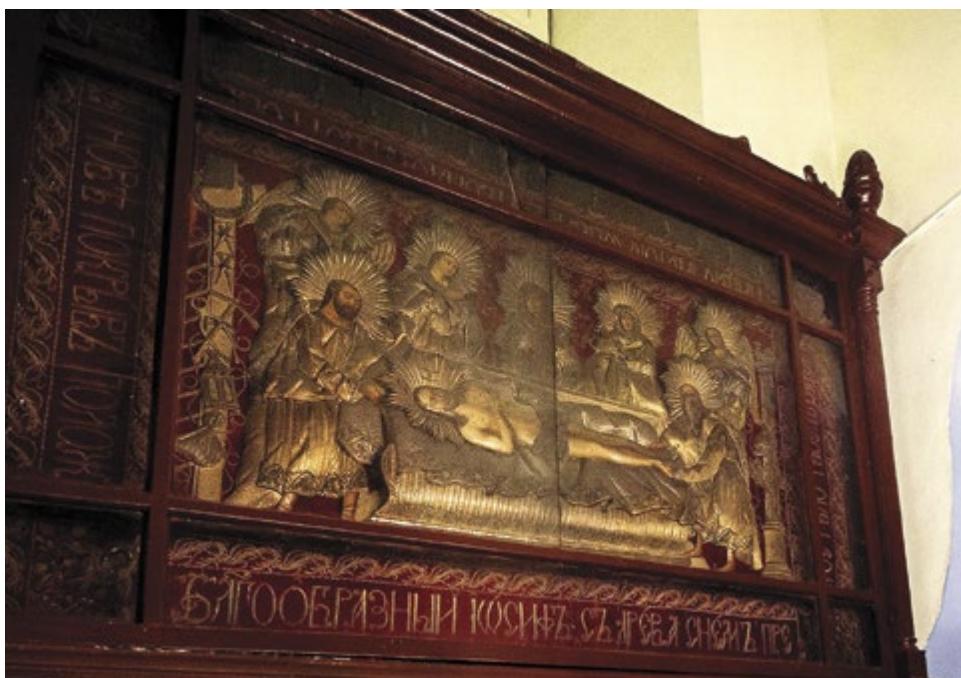
ти походов по Стамбулу в поисках древнего Константинополя. ...Старая фотография в руках моей бабушки Тамары Даниловны. С пожелавшего снимка на меня смотрят два человека. Мужчина с некрасивым, но умным, запоминающимся лицом и ясными светлыми глазами. Рядом с ним – женщина с черными волосами, гордым изломом бровей и блестящими темными глазами. Она сидит очень пря-

мо, уверенно смотрит в камеру, волнение выдает только левая рука, нервно сжимающая белоснежный кружевной платочек. «Это твой прапрадед – Иван Нечаев. А это – прабабушка Мелания. Гречанка. Из Константинополя. Ее семья жила недалеко от Константинопольского патриархата», – объясняет бабушка. Мне лет восемь, я еще не очень понимаю, что такое «Константинополь» и «патриархат», пере-

Крипта церкви
Марии
Монгольской

Выяснить,
кто и когда
прислал
в церковь
икону из России,
нам не удалось

ворачиваю жесткую картонную карточку и на обороте с трудом разбираю почти стертые буквы: «Астрахань». Позже я узнаю, что Иван Нечаев был купцом первой гильдии, торговал с Константинополем, обожал этот город и часто бывал в нем. В одну из поездок мой прапрадед увидел Мелане, дочку грека, с которым вел торговые дела. И пропал. Судя по тому, что свадьбу сыграли быстро, астраханский купец тоже пришелся по душе Мелане. Она уехала с мужем в Астрахань и стала Меланией. У них родились три сына и дочь – самая младшая, появившаяся на свет в начале XX века. А потом... Потом была революция, экспроприация и... расстрел. Из всей семьи уцелели лишь младший сын, отправленный в тюрьму, и дочь – моя прабабушка Мария Ивановна. Спас ее командир полка 11-й армии, отступавшей в начале 1919 года к Баку. Это был мой прадед – донской казак Данила Евсиков, безумно влюбившийся в купеческую дочь и фактически укравший ее... Прабабушку в семье уважительно именовали «бабушкой Марьиванной» и всегда обращались к ней на «вы». Даже правнуки. Я смутно помню ее мягкие теплые руки, густые чер-

ные волосы и темные глаза под гордым изломом бровей...

Я развернулась и кинулась обратно в церковь. Сторож, прибирающийся в лавочке, удивился. «Простите, у меня один важный вопрос, — волнуясь, спросила я. — В XIX веке рядом с патриархатом жили греческие купцы? Где вообще жила греческая община?» Сторож внимательно посмотрел на меня, посерезнел и объяснил: греческая община уже несколько веков живет в районе Фанар, в котором мы сейчас находимся. И рядом с патриархатом, конечно,

но, жили в том числе и греческие купцы. Это ведь тоже район Фанар. «Значит, если семья жила в Фанаре и, допустим, дочку в этой семье звали Мелане, она могла приходить в эту церковь?» «Конечно! — ответил сторож. — Всем грекам в Константинополе была известна история Кровавой церкви! Девушка по имени Мелане не могла не знать, что храм этот построен монахиней, которую тоже звали Мелане. Гречанка из Фанара могла ходить только в две церкви — сюда и в Святого Георгия, что в патриархате».

Двор Константинопольского патриархата

...Мы спускались по узким улочкам Фанара, зажатым с обеих сторон старыми домами, часть из которых явно была необитаемой. На некоторых из них еще можно было заметить полуустертые, оставшиеся от прежних времен кресты. Крошечные балкончики, облупившаяся штукатурка, бегонии и розы, цветущие в ведерках из-под майонеза, вкривь и вкось стоящих на подоконниках. Нас обогнал старьевщик, напевавший какую-то заунывную песню. Его деревянная тележка, наполовину заполненная скарбом, скрипела, подпрыгивая на брускатке. На порогах бесчисленных лавок размером с пенал сидели пожилые усатые торговцы: казалось, они спят беспробудным сном, и только бульканье стоящих рядом кальянов подсказывало, что это вовсе не так...

Кажется, здесь почти ничего не изменилось с тех пор, когда девушка по имени Мелане, повязав красивый платок, сто с лишним лет назад поднималась к церкви Марии Монгольской... Но и это, конечно, вовсе не так...

Церковь
Святого Георгия
в Константино-
польском
патриархате

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог
Прессы России».
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

**Корпоративная подписка
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru